ТВОРЕНІЯ

ТЕРТУЛЛІАНА,

ХРИСТІАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ ВЪ КОНЦѢ ВТОРАГО И ВЪ НАЧАЛѢ ТРЕТЬЯГО ВѢКА.

Переводъ Е. Карнеева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Кораблева и Сирякова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Декабря 22 дня 1848 года.

Цензоръ *Архимандритъ Аввакумъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТВОРЕНІЯ ТЕРТУЛЛІАНА.

Инокъ Палладій.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

О КРЕЩЕНІИ (*).

I. Какое счастіе приноситъ таинство крещенія нашего! Какого дѣйствія оно не производитъ! Оно изглаживаетъ пятна прошедшихъ нашихъ грѣховъ, дѣлаетъ насъ чадами Божіими, отверзаетъ намъ входъ въ жизнь вѣчную. Разсужденіе о семъ предметѣ будетъ не безполезно какъ для поученія нашихъ оглашенныхъ, такъ и для убѣжденія тѣхъ безпечныхъ вѣрующихъ, которые, довольствуясь простою вѣрою, не стараются вникать въ то, чему священное Писаніе и преданіе насъ научаютъ, и чрезъ таковое небреженіе не могутъ познать тѣхъ основаній, на которыхъ утверждается исповѣдуемая ими вѣра. Недавно случилось, что нѣкая жена или лучше сказать ядовитѣйшая ехидна изъ еретической секты *Каинитовъ*, скверпымъ своимъ ученіемъ обольстила многихъ людей. Она паче всего вооружается противъ крещенія; въ

(*) Сочинена около 190 года по Р. Х.

чемъ поступаетъ сообразно своей природѣ и качеству. Извѣстно, что ехидны, аспиды и другія подобныя змѣи убѣгаютъ воды, а ищутъ сухихъ и безплодныхъ мѣстъ. Что касается до насъ: то мы, какъ рыбы, предводимыя Іисусомъ-Христомъ, главою нашимъ, раждаемся въ водѣ, и не можемъ иначе сохранить жизни своей, какъ пребывая въ той же водѣ. Но *Квинтилла*, не имѣвшая даже и права учить, нашла несомнѣнное средство ввести въ погибель нѣсколько сихъ рыбъ, извлекши ихъ изъ воды.

II. Посмотрите, какое искусство имѣютъ развратные умы, и какою силою искусство сіе обладаетъ, чтобы поколебать вѣру или воспрепятствовать къ пріятію ея во всей полнотѣ. Они разрушаютъ добродѣтель сію въ ея основаніи, стараясь истребить то, что составляетъ какъ бы естественную ея сущность. Ничто не кажется имъ столько страшнымъ и невѣроятнымъ, какъ то, что Богъ съ одной стороны пользуется самымъ простымъ веществомъ для произведенія божественнаго своего дѣла, а съ другой придаетъ ему величественное дѣйствіе. Таково наше крещеніе. Все при немъ кажется просто, нѣтъ никакого блеска, ни пышности, ни великолѣпія. Видя, что тутъ человѣкъ только погружается просто въ воду и омывается водою, при чемъ надъ нимъ произносится нѣсколько словъ, люди тѣмъ менѣе убѣждаются въ возможности ниспосланія ему чрезъ то жизни вѣчной, что онъ не выходитъ изъ сей купели ни болѣе чистымъ ни болѣе опрятнымъ. Напротивъ того между идолопоклонниками является тутъ нѣчто лучше устроенное: наружный блескъ, пышность и многостоющія приготовленія поражаютъ ихъ чувства и внушаютъ имъ почтеніе къ мистеріямъ и къ идольскимъ ихъ праздникамъ. Несчастное невѣріе не допускаетъ видѣть въ Богѣ главнѣйшихъ Его

качествъ: простоты и могущества. — Какъ! скажетъ иной, неужели нѣкоторымъ количествомъ воды можетъ истреблена быть смерть?—Но для того-то и вѣрить сему должно, что дѣйствіе представляется столь чудеснымъ. Впрочемъ какія могутъ быть дѣла Божіи, какъ не дѣла, превосходящія всякое понятіе? Мы имъ удивляемся, потому что вѣримъ имъ. Мнимо-мудрые, острые умы, также имъ удивляются, но не вѣрятъ. Они почитаютъ простыя вещи за безполезныя, а величественныя за невозможныя. Если ты держишься сего ложнаго мнѣнія: то божественное откровеніе легко выведетъ тебя изъ заблужденія: *Буяя избра Богъ, да премудрыя посрамитъ* (1 Коринѳ. I, 27); *у человѣкъ сіе не возможно есть, у Бога же вся возможна* (Матѳ. XIX, 26). Да и въ самомъ дѣлѣ, если Богъ премудръ и всемогущъ, въ чемъ весь свѣтъ сознается; то Онъ можетъ къ творенію рукъ Своихъ употребить такое вещество, которое покажется намъ противнымъ Его премудрости и всемогуществу, покажется буйнмъ и безсильнымъ. Никогда вещи не обнаруживаются съ такимъ блескомъ, какъ въ то время, когда онѣ ставятся на видъ съ сопротивными вещами.

III. Какое бы впечатлѣніе ни дѣлало на насъ таковое божественное откровеніе, долженствующее служить намъ непреоборимымъ основнымъ началомъ; но разсмотримъ со вниманіемъ, подлинно ли дѣло пустое и не возможное, чтобы человѣкъ возраждался водою. Чтобы менѣе удивляться тому, что вещество сіе поставлено на столь высокую степень достоинства, вникнемъ въ самое происхожденіе сей стихіи. Стихія сія благодатна по своему происхожденію. Она знаменита съ самаго начала міра. Вода была одна изъ стихій, которая, прежде, нежели міръ получилъ полное свое устройство, укрывалась подъ завѣсою всемогущества

Божія. *Въ началѣ*, сказано въ священномъ Писаніи, *сотвори Богъ небо и землю. Земля же бѣ невидима и не устроена, и тма верху бездны: и Духъ Божій пошашеся верху воды* (Быт. I, 1 и 2). О человѣки! Вотъ почему надобно имѣть почтеніе къ сущности воды изъ уваженія къ древности употребленія ея, и почему за тѣмъ надлежитъ благоговѣть къ ея достоинству. Она была сѣдалищемъ Духа Божія, который предпочелъ ее всѣмъ прочимъ стихіямъ. Все было не иное что, какъ ужасный хаосъ; звѣзды не издавали еще свѣта; все было не устроено, море пасмурно, земля невидима, небо не украшено. Вода, одна вода, вещество совершенное, изящное, чистое, служила престоломъ для Духа Божія. Прибавьте къ тому, что когда Богъ устраивалъ потомъ различныя части вселенной: то Онъ творилъ все сіе посредствомъ же воды. *Да будетъ твердь посредѣ воды*, сказалъ Господь, *и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды* (Быт. I, 6). Тоже самое сдѣлалъ Богъ и съ землею, *и явися суша*. Когда наконецъ міръ устроенъ былъ во всѣхъ своихъ частяхъ посредствомъ распредѣленія различныхъ стихій для удобнаго ихъ населенія: то Богъ преимущественно предъ прочими стихіями повелѣлъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 20). И такъ вода первая произвела то, что имѣетъ жизнь, дабы никто не удивлялся, что крещеніе водою можетъ даровать душѣ нашей жизнь вѣчную. При образованіи даже человѣка Богъ употребилъ воду для довершенія сего превосходнаго созданія. Хотя собственно земля составляла то вещество, изъ котораго человѣкъ сотворенъ; но она не могла быть къ тому годна иначе, какъ въ влажномъ и смоченномъ видѣ. Персть, растворенную влажностію и сухостію съ третьяго дня, Богъ употребилъ для сотворенія человѣка.

Если бы нужно было войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе главныхъ преимуществъ воды: то что могъ бы я сказать о ея силѣ и плодотворности? Какія блага, какое обиліе, какую помощь получаетъ міръ отъ нея? Но я боюсь, чтобы кто не счелъ меня болѣе панегиристомъ воды, нежели объяснителемъ предмета крещенія. Однакожъ чрезъ сіе показалъ бы я гораздо ощутительнѣе, что если Богъ обращаетъ воду въ столь многія вещи и творенія: то весьма вѣроятно, что Онъ могъ употребить ее и для таинства крещенія, дабы доставить намъ сверхъ-естественную жизнь, долженствующую продлиться вѣчно на небесахъ.

IV. Довольно уже и того, что мы здѣсь привели, дабы возъимѣть нѣкоторое какъ бы предъубѣжденіе въ пользу крещенія, и открыть прообразъ его съ самаго начала міра. Духъ Божій, носившійся верху воды, самъ указалъ намъ, что онъ крещающимся доставитъ духовное возрожденіе. То, что свято, не могло носиться верху не святой вещи, или, говоря иными словами, то, что носило, заимствовало освященіе отъ Того, кто носился верху его. Подобно какъ всякое низшее вещество причастно къ качествамъ высшаго надъ собою вещества, такъ тѣлесная сущность причастна къ сущности духовной, тѣмъ болѣе что сія послѣдняя посредствомъ своей утонченности легко можетъ проникать и оживлять первую. Такимъ образомъ сущность воды, освящаемой Духомъ Святымъ, получила силу освящать человѣка и въ таинствѣ крещенія.

Можетъ быть кто нибудь скажетъ: развѣ мы теперь крестимся тою же самою водою, какая была при началѣ міра? Отвѣтствую. Вода можетъ быть и не совсѣмъ та самая; но она подходитъ къ ней потому, что одного съ нею рода; а всякой родъ бываетъ одинакого свойства. Для сего-то все равно креститься въ

морѣ или въ прудѣ, въ рѣкѣ или въ источникѣ, въ озерѣ или бассейнѣ. Нѣтъ различія ни между тѣми, которыхъ *Іоаннъ* Креститель крестилъ во Іорданѣ, ни между тѣми, которыхъ Апостолъ *Петръ* крестилъ въ Тибрѣ. Евнухъ, котораго діаконъ *Филиппъ* крестилъ въ водѣ, случайно попавшейся на дорогѣ (Дѣян. VIII, 36), удостоенъ былъ одной и той же благодати. Всякой родъ воды по тому преимуществу, что верху ея носился Духъ Божій, имѣетъ силу и способность обратиться въ таинство освященія, когда призванъ будетъ Богъ для совершенія сего дѣйствія. Духъ Святый немедленно нисходитъ, и остановясь верху воды, освящаетъ ее присутствіемъ Своимъ; вода, такимъ образомъ освященная, облекается такою силою, что сама себя можетъ освящать. Впрочемъ она имѣетъ особое соотношеніе къ намѣреніямъ Божіимъ при совершеніи крещенія. Мы осквернены грѣхами какъ бы позорными пятнами: вода способна насъ отъ нихъ очищать. Но какъ грѣхи не обнаруживаются на плоти, потому что никто не носитъ по наружности знаковъ идолопоклонства, обмана, прелюбодѣянія: то грѣхи начертываютъ пятна свои на душѣ, какъ на главномъ фундаментѣ всякаго грѣха. Духъ повелѣваетъ, а плоть только повинуется. Такимъ образомъ когда вода получитъ такъ сказать врачебную силу посредствомъ сошествія Святаго Духа: то душа омывается въ ней тѣломъ, а плоть очищается духомъ.

V. Язычники, какъ ни чужды духовныхъ познаній, сами приписываютъ идоламъ своимъ дѣйствующую въ семъ отношеніи силу, хотя и ошибаются на счетъ употребленія водъ, лишенныхъ всякой силы. У нихъ въ обычаѣ новообращенныхъ своихъ посредствомъ нѣкотораго рода крещенія посвящать въ мистеріи богини Изиды или бога Митры. Они употребляютъ въ

честь боговъ своихъ торжественныя возліянія, которыя производятъ надъ своими кумирами. Сверхъ того, когда нужно принести очистительныя жертвы, то жрецы ихъ берутъ воду отовсюду: домы, храмы, цѣлыя селенія и города орошаются тогда водою. Извѣстно также, что во время игрищъ Аполлоніевыхъ и Элевзинскихъ, люди, праздпующіе ихъ, погружаются въ воду: обрядъ соблюдаемый ими въ томъ увѣреніи, что они чрезъ то возрадятся и избѣгнутъ казни за свои преступленія. Равнымъ образомъ и у древнихъ, кто оскверняль себя убійствомъ, тотъ долженъ былъ изглаживать пятно сіе посредствомъ очистительной воды. Если же слѣпые язычники увѣрены въ томъ, что вода естественною своею силою можетъ изглаживать ихъ злодѣянія: то можетъ ли быть сомнѣніе, чтобъ она не производила того же дѣйствія силою и властію Бога, Творца стихій и Виновника всѣхъ ихъ качествъ? Если они вѣрятъ, что Религія подаетъ водѣ такую спасительную силу: то какая Религія больше, какъ не та, которая исповѣдуетъ Бога живаго? Познать сего истиннаго Бога значитъ познать хитрости діавола, всегда готоваго подражать дѣяніямъ Божіимъ. Да и подлинно діаволъ заставляетъ преданныхъ ему людей какъ бы принимать крещеніе. Но какое сравненіе? Нечистый очищаетъ, рабъ освобождаетъ, осужденный разрѣшаетъ. Изглаживать грѣхи, самимъ имъ внушаемые, не тоже ли самое, что разрушать дѣло рукъ своихъ? Все мною здѣсь приведенное клонится къ убѣжденію въ истинѣ тѣхъ, которые, отвергая свѣтъ вѣры, упорствуютъ въ томъ, будто Богъ не можетъ производить вещей, считаемыхъ ими возможными для противника Божія.

Но оставимъ въ сторонѣ таинства. Не общее ли въ народѣ мнѣніе, что извѣстные нечистые духи по-

сятся надъ водами, какъ бы въ подражаніе тому, что въ началѣ міра Духъ Божій носился верху воды? Много слышно разсказовъ о мрачныхъ источникахъ, объ ужасныхъ ручьяхъ, о купеляхъ въ баняхъ, о чанахъ въ домахъ, о заколдованныхъ колодезяхъ и водоемахъ, которые, судя по сказкамъ, глотаютъ или душатъ людей, силою конечно злаго духа. Обыкновенно называютъ удушливыми, лимоатиками, водобоязливыми тѣхъ, которыхъ воды умерщвляютъ или приводятъ въ бѣшенство и ипохондрію. Но для чего приводимъ мы все сіе? Для того, чтобы каждому казалось менѣе невѣроятнымъ, что Ангелъ господень предсѣдитъ надъ водами и приводитъ ихъ въ движеніе для спасенія людей, такъ какъ злый духъ пользуется тою же стихіею, для ихъ погибели. Но дабы не казалось страннымъ, что Ангелъ вспомоществуетъ сему чудесному дѣйствію водъ; то тутъ всякое сомнѣніе отъемлется истиннымъ произшествіемъ. *Ангелъ Господень*, сказано въ Евангеліи, *на всяко лѣто сходаше въ купель, и возмущаше воду, и иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше* (Іоан. V, 4). Сіе тѣлесное исцѣленіе было предзнаменованіе получаемаго нами духовнаго врачевства, какъ-то и обыкновенно случается, что матеріальныя вещи доводятъ насъ до познанія вещей духовныхъ.

Въ послѣдствіи благодать Божія излилась на людей обильнѣе, воды получили большую силу Ангелъ пріялъ вящшую власть. Что исцѣляло прежде тѣла, то исцѣляетъ нынѣ души. Что доставляло временное здравіе, то приноситъ нынѣ вѣчное спасеніе. Что освобождало прежде одного человѣка отъ болѣзни однажды въ годъ, то избавляетъ нынѣ всегда множество людей отъ грѣха. Во время крещенія отпускается

всякая вина и отлагается всякая казнь. Такимъ-то образомъ человѣкъ вводится такъ сказать въ пріязнь съ Богомъ, и становится подобнымъ первому человѣку, сотворенному по образу Божію. Образъ входитъ въ соотношеніе съ оригиналомъ, составляющимъ вѣчность. Тогда-то человѣкъ воспріемлетъ Духа Святаго, вдунутаго въ него Богомъ въ началѣ міра и утраченнаго имъ неповиновеніемъ своимъ.

Я не говорю, чтобы воды могли сами собою даровать намъ Духа Святаго; но вода, надъ которою предсѣдитъ Ангелъ, очищая отъ преступленій, пріуготовляетъ насъ къ пріятію сего Святаго Духа. Мы видимъ сіе въ прообразованіи, предшествующемъ таинству крещенія. Подобно какъ *Іоаннъ* Креститель былъ предтечею Господа, пріуготовляя пути Его, такъ и Ангелъ, предпоставленный надъ крещеніемъ, направляетъ пути Духа Святаго посредствомъ воды, омывающей и очищающей насъ отъ грѣха, но не иначе, какъ при исповѣданіи вѣры нашей, запечатлѣнной печатію *Отца* и *Сына* и *Святаго Духа*, которыхъ всѣхъ трехъ призываемъ мы во свидѣтели (Мат. XXVIII, 19). Если всякое свидѣтельство утверждается отзывами трехъ свидѣтелей: то кольми паче надежда наша можетъ твердо опираться на числѣ трехъ божественныхъ Лицъ, служащихъ залогами и спасенія нашего и вѣры нашей. Какъ исповѣданіе вѣры и надежда спасенія основываются такъ сказать на отвѣтственности трехъ божественныхъ Лицъ: то тутъ необходимо слѣдуетъ воспомянуть также и о Церкви; ибо гдѣ находятся Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, тамъ находится и Церковь, составляющая таинственное тѣло трехъ божественныхъ Лицъ.

VI. По изшествіи изъ спасительной купели, мы пріемлемъ святое помазаніе по древнему чину, состо-

явшему въ томъ, что обыкновенно приносимъ былъ елей въ сосудѣ для помазанія посвящаемыхъ на богослуженіе. Симъ образомъ *Ааронъ* посвященъ былъ отъ брата своего *Мойсея*. Посему-то и Іисусъ наименованъ Христомъ отъ слова *Хремъ*, означающаго помазаніе, чрезъ которое Богъ Отецъ исполнилъ Его Святаго Духа Своего, какъ-то сказано въ дѣяніяхъ Апостольскихъ: *Собрашася* (Иродъ, Пилатъ и люди) *воистинну во градѣ семъ, на святаго отрока Твоего Іисуса, Его же помазалъ еси* (IV, 27). И такъ хотя помазаніе, пріемлемое нами, производится на тѣлѣ; но дѣйствіе его простирается и на душу. Равнымъ образомъ хотя крещеніе бываетъ внѣшнее, потому что одно только тѣло погружается въ воду; но дѣйствіе его совершенно духовное, потому что очищаетъ насъ отъ грѣха.

VII. Послѣ сего возлагаютъ на насъ руки, призывая и привлекая къ намъ Духа Святаго молитвою, сопровождающею сей священный чинъ. Въ ветхомъ завѣтѣ преподано намъ на сей счетъ точное прообразованіе. Когда къ Патріарху *Іакову* приведены были внуки его *Манассія* и *Ефремъ*, сыновья *Іосифовы*: то онъ благословилъ ихъ, *возложивъ имъ на главу и премѣнивъ руцѣ* (Быт. XLVIII, 14). Можно сказать, что премѣнивъ такимъ образомъ руки, онъ впередъ представилъ образъ Іисуса-Христа на крестѣ: то было какъ бы предвѣщаніе того благословенія, которое мы долженствовали получить въ послѣдствіи отъ Іисуса-Христа.

VIII. Тогда-то Духъ Святый охотно сходитъ отъ Бога Отца на тѣла, такимъ образомъ очищенныя и благословенныя, и почиваетъ на водахъ крещенія, видя въ нихъ какъ бы древнее Свое сѣдалище. Такъ снизшелъ онъ на Господа нашего въ видѣ *голубя* (Мат. III, 16). Господь хотѣлъ показать намъ Свое

отличительное качество посредствомъ простоты и невинности сей кроткой и смирной птицы: говорятъ, что въ голубяхъ нѣтъ желчи. Для сего-то Іисусъ-Христосъ и сказалъ ученикамъ своимъ: *будите цѣли яко голубіе* (Мат. X, 16). Такъ равномѣрно послѣ потопа, очистившаго землю отъ нечестія человѣческаго, голубь, выпущенный изъ ковчега, и возвратившійся съ масличною вѣтвію (Быт. VIII, 11), возвѣстилъ вселенной миръ, и далъ разумѣть, что гнѣвъ Божій уже утишился; извѣстно, что и у язычниковъ масличная вѣтвь была знакомъ мира. Подобно сему какъ скоро земля наша, то есть, земляное наше тѣло омоется отъ прежнихъ грѣховъ спасительными водами крещенія: то Святый Духъ, сей небесный голубь, снизходитъ на насъ, возвѣщая намъ миръ Божій. Онъ сходитъ съ неба, какъ нѣкогда голубь исходилъ изъ ковчега, знаменующаго образъ Церкви. Но міръ осквернилъ себя потомъ новыми преступленіями, и для того онъ долженъ снова быть очищенъ огнемъ, равно какъ и всякой человѣкъ, который послѣ крещенія подвергнется новымъ грѣхамъ. То, что я говорю здѣсь мимоходомъ, да примутъ грѣшники за спасительное имъ съ моей стороны предъувѣдомленіе.

IX. Но посмотрите, сколько выгодъ со стороны природы, сколько преимуществъ со стороны благодати, сколько торжественныхъ обрядовъ со стороны Религіи, было во всѣ времена представляемо таинствомъ воды и чудною ея силою! Во первыхъ по выходѣ Израильскаго народа изъ Египта, какимъ образомъ спасся онъ отъ преслѣдованія Фараона (Исх. XIV, 3—29)? Онъ прошелъ сквозь разступившіяся воды чермнаго моря; но тѣже воды поглотили и царя и все его воинство. Какое быть можетъ лучшее прообразованіе таинства крещенія? Народъ освобождается отъ раб-

ства вѣка сего; а діаволъ, древній мучитель, теряетъ всю гордость и силу свою въ водахъ. Во вторыхъ вода изъ горькой становится сладкою, какъ скоро *Мойсей* дотронулся до нея частичкой дерева (Исх. XV 25). Дерево сіе изображало крестъ, къ которому Іисусъ-Христосъ пригвожденъ былъ, чтобы божественною Своею силою, воды безвкусныя и ядовитыя обратить въ воды спасительныя: сіи послѣднія суть воды крещенія, которыя прообразованы были водою, изведенною чудесно *Мойсеемъ* изъ камня (Числ. XX, 11). Если же камень сей есть Самъ Христосъ: то можно ли сомнѣваться, чтобы воды крещенія не были благословляемы Самимъ Іисусомъ-Христомъ (1 Кор. X 1 и 2)?

Для большаго утвержденія вѣры въ крещеніе, разсмотримъ еще болѣе, какую особую честь Богъ и Сынъ Его воздаютъ водѣ. По видимому стихія сія всегда сопровождаетъ Іисуса-Христа. Онъ самъ крещается въ водахъ Іордана (Мат. III, 16). Первый опытъ верховной власти Своей показываетъ Онъ надъ водою, превращенною имъ въ вино на бракѣ въ Канѣ (Іоан. II, 7). Поучая народъ, Онъ приглашаетъ всѣхъ жаждущихъ пить воду вѣчную, которая есть Самъ Онъ (Іоан. VII, 37). Въ другомъ мѣстѣ объявляетъ, что *кто напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды*, тотъ *не погубитъ мзды своея* (Мат. X, 42). Онъ отдыхаетъ у источника Іаковля (Іоан. IV, 6). Ходитъ по водамъ. Часто преплываетъ море Генисаретское, вливаетъ воду въ умывальницу, чтобъ омыть ноги ученикамъ Своимъ (Іоан. XIII, 5). Свидѣтельство крещенія продолжается до самыхъ страстей Его. Когда Бого-человѣкъ осужденъ былъ на смерть: то вода и тутъ дѣйствовала; даже и Пилатъ умылъ прежде руки, нежели предалъ Его Іудеямъ на пропятіе (Мат. XXVII, 24). Наконецъ когда по смерти былъ

Онъ прободенъ, *абіе изыде кровь и вода изъ ребръ Его* (Іоан. XIX, 34).

X. Доселѣ говорили мы, сколько наши слабыя способности позволили, обо всемъ томъ, что служитъ основаніемъ святости крещенія. Теперь намѣренъ я, какъ могу, объяснить, то, что остается сказать касательно сущности сего таинства. Надобно отвѣчать на слѣдующіе вопросы. Господь Самъ вопросилъ фарисеевъ: *Крещеніе Іоанново откуду бѣ, съ небесе ли или отъ человѣкъ* (Мат. XXI, 25)? Фарисеи остерегались дать отвѣтъ: они приведены были въ замѣшательство отъ того, что не хотѣли вѣрить тому, чему надлежало вѣрить. Мы можемъ рѣшить вопросъ сей по правиламъ вѣры нашей тѣмъ, что крещеніе *Іоанново* было отъ Бога, потому что Богъ заповѣдалъ его, хотя и не придалъ ему никакой сверхъестественной силы. Священное Писаніе удостовѣряетъ насъ, что Богъ дѣйствительно послалъ *Іоанна* крестить; но въ отношеніи сущности сего крещенія, въ немъ ничего инаго не было, кромѣ человѣческаго дѣйствія. Само по себѣ оно не производило благодати: оно пріуготовляло только человѣка къ пріятію ея посредствомъ покаянія, доступнаго силамъ человѣческимъ. Фарисеи и законоучители, не захотѣвши вѣровать, не могли потому и покаяться. Если же правда, что покаяніе было только нѣчто человѣческое: то правда и то, что крещеніе сіе было тогоже свойства. А иначе еслибы оно было небесное, то даровало бы и Духа Святаго и отпущеніе грѣховъ; но одинъ Богъ отпущаетъ грѣхи, Онъ одинъ даруетъ Святаго Духа. Впрочемъ Самъ Господь возвѣстилъ, что *аще не иду Азъ* (къ Пославшему Мя Отцу), *Утѣшитель* (Духъ Святый) *не пріидетъ къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). А чего Господь еще не давалъ, думаете ли вы, что служитель можетъ то дать?

Мы видимъ изъ книги дѣяній Апостольскихъ, что люди, принимавшіе крещеніе *Іоанново*, не получали Духа Святаго, о которомъ даже и не слыхали (XIX, 2). Слѣдовательно что не производило небесныхъ дѣйствій, то не было и небеснымъ. Что было небеснаго въ *Іоаннѣ*, то есть, духъ пророчества, то по преселеніи Духа Святаго въ Іисуса-Христа во всей полнотѣ, до такой степени въ немъ оскудѣло, что онъ, не познавая уже Того, о пришествіи котораго самъ возвѣстилъ, послалъ къ Нему спросить: *Ты ли еси грядый, или инаго чаемъ* (Мат. XI, 3)? Сіе крещеніе покаянія было только ступенькою или лѣстницею къ отпущенію грѣховъ и къ освященію души, которыя надлежало пріять чрезъ Іисуса-Христа. Хотя *Іоаннъ* и проповѣдывалъ крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ (Лук. III, 3); но тутъ надобно разумѣть оставленіе ихъ будущее. Покаяніе предшествуетъ, а оставленіе грѣховъ приходитъ послѣ: это именуется уготовать путь. Не тотъ совершаетъ, кто готовитъ: сей только располагаетъ, дабы другой наложилъ послѣднюю руку. *Іоаннъ* самъ сознается, что онъ не съ небеси: это принадлежало одному Іисусу-Христу. *Грядый свыше*, говоритъ онъ, *надъ всѣми есть; сый отъ земли, отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ; грядый съ небесе надъ всѣми есть* (Іоан. III, 31). Онъ объявляетъ, что даетъ только крещеніе покаянія: *азъ водою крещаю вы; грядетъ же крѣпкій мене, Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Лук. III, 16), то есть, подобно какъ истинно вѣрующіе очищаются чрезъ крещеніе водою къ своему освященію чрезъ Духа Святаго, такъ лицемѣры и невѣрующіе получатъ крещеніе огнемъ къ своему осужденію.

XI. Иной можетъ быть скажетъ: Господь будучи на землѣ, Самъ не крестилъ; мы читаемъ именно:

Іисусъ же Самъ не крещаще, но ученицы Его (Іоан. IV, 2); между тѣмъ казалось бы, судя по пророчеству *Іоанна*, что Онъ будетъ крестить собственными руками.— На сіе не трудно отвѣчать. Слова *Іоанновы* надлежитъ разумѣть въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно часто говорятъ. Говорятъ напримѣръ: Императоръ обнародовалъ повелѣніе; правитель казнилъ такого-то. Развѣ Императоръ самъ занимается обнародованіемъ повелѣнія? Развѣ правитель самъ казнитъ? Всегда почитаемъ мы господина дѣйствующимъ, когда служители исполняютъ его приказанія. Такимъ же образомъ надобно изъяснять и сіи *Іоанновы* слова: *Той вы креститъ*, то есть, вы будете крещены или Имъ или о Немъ. Кто еще на сей счетъ сомнѣвается, того можно спросить: если бы Христосъ Самъ крестилъ, то какое было бы Его крещеніе? Не крещеніе ли покаянія? Въ такомъ случаѣ какая бы была Ему надобность въ Предтечѣ? Если же бы то крещеніе было во оставленіе грѣховъ: то и въ немъ нужды не было; Ему стоило сказать одно слово, и грѣхи были бы очищены. Развѣ не исполнялось ли бы крещеніе сіе во имя Его? Но Онъ слишкомъ старался скрывать Себя подъ завѣсою смиренія. Наконецъ не оставалось ли Ему крестить Духомъ Святымъ, тогда какъ Духъ сей еще не снисходилъ, или во имя Церкви, которой Апостолы Его еще не создали? И такъ крестили Апостолы, какъ служители Іисусовы, по предсказанію *Іоанновy*, и они сообщили не иное какое крещеніе, какъ *Іоанново*. Не надобно полагать, чтобъ они могли тогда преподавать какое либо другое крещеніе. Сіе другое крещеніе было единственно то, которое Іисусомъ-Христомъ было установлено уже въ послѣдствіи, и котораго ученики Его не могли въ то время совершать, потому что Господь не достигъ еще высочай-

шей Своей славы, и что Онъ не утвердилъ еще дѣйствительности крещенія Своими страстьми и Своимъ воскресеніемъ. Мы не могли иначе истребить въ себѣ смерть, какъ Его страстями, не могли иначе возстановить въ себѣ жизнь, какъ Его воскресеніемъ.

XII. Впрочемъ намъ нельзя не знать, что безъ крещенія никто спастись не можетъ. Самъ Господь о томъ намъ возвѣстилъ сими словами: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). На сей счетъ нѣкоторые спорливые или дерзкіе люди предлагаютъ вопросъ: если безъ крещенія нельзя спастись, то какимъ образомъ могли спастись Апостолы, тогда какъ мы не видимъ, чтобы кто изъ нихъ крестился, кромѣ *Павла*? Сверхъ того если одинъ *Павелъ* изъ Апостоловъ получилъ крещеніе Христово: то надобно полагать, что или не пріявшіе сего крещенія осуждаются для оправданія означеннаго Спасителева изреченія, или что изреченіе сіе несправедливо, когда они безъ крещенія спасены.— Богъ свидѣтель, что я самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ людей подобные отзывы, дабы кому не пришло въ голову, что я нарочно выдумываю странныя затрудненія для удовлетворенія излишней моей охоты писать, или для удовольствія находить въ другихъ пустыя и суетныя недоумѣнія.

И такъ постараемся, какъ можемъ лучше, отвѣчать тѣмъ, которые отрицаютъ, чтобъ Апостолы были крещены. Я говорю; если правда, какъ-то кажется и неоспоримо, что всѣ Апостолы получили человѣческое крещеніе *Іоанново*; то безъ сомнѣнія они желали удостоиться и небеснаго крещенія Іисуса-Христа, тогда какъ сей божественный Спаситель объявилъ имъ, что крещеніе есть только едино, отвѣчавъ *Петру*, отказывавшемуся отъ умовенія ногъ, сими словами: *из-*

мовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти (Іоан. XIII, 10), то есть, кто былъ уже въ купели, тому не нужна она въ другой разъ. Конечно не говорилъ бы Онъ такъ человѣку не крестившемуся; а это служитъ между прочимъ новымъ обличеніемъ для тѣхъ, которые полагаютъ, будто Апостолы получили крещеніе *Іоанново* на тотъ конецъ, дабы не имѣть надобности въ крещеніи Христовомъ. Вѣроятно ли, чтобы путь Господень, то есть, крещеніе *Іоанново*, не былъ уготованъ для тѣхъ, которые сами предназначены къ указанію пути Господня цѣлой вселенной? Іисусъ Христосъ, будучи совершенно безгрѣшенъ, Самъ восхотѣлъ креститься: неужели же грѣшники не имѣли въ томъ надобности?

Но, возразитъ кто либо, развѣ несправедливо то, что многіе изъ послѣдовавшихъ Христу не крещены? Можетъ быть и такъ, но вѣрно не ученики Іисуса-Христа: это были конечно враги вѣры, и между прочимъ книжники и фарисеи; изъ чего я заключаю, что если противники Христовы не желали креститься, то друзья Его дѣйствительно пріяли крещеніе, дабы не подражать безумной мудрости Его враговъ, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ Іисусъ-Христосъ заявилъ знаменитое свидѣтельство объ *Іоаннѣ* сими словами: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Матѳ. XI, 11).

Другіе говорятъ, что Апостолы достаточно крещены, когда во время бури, находясь въ баркѣ, покрывались волнами (Матѳ. VIII, 24), и когда *Петръ* утопалъ даже въ водахъ моря (Матѳ. XIV, 30). Я напротивъ того думаю, что великая разность покрываться морскими волнами во время сильной бури, и омыться въ священной купели. Впрочемъ означенная барка была не иное что, какъ прообразованіе Церкви, вол-

пуемой въ морѣ міра сего безпрерывными трусами, то есть, искушеніями и гоненіями, между тѣмъ какъ Господь представляется спокойно спящимъ, пока наконецъ, пробужденный молитвами Святыхъ, не утишитъ волнъ вѣка сего и не успокоитъ Своихъ.

Но хотя бы Апостолы были крещены или не крещены или же оставались до конца безъ крещенія, одного того уже довольно, что упомянутое изреченіе Христово къ *Петру* о единокрещеніи относится собственно къ нимъ. Сверхъ того явная была бы дерзость ставить себя судьями касательно спасенія Апостоловъ, какъ будто бы благодать ихъ призванія и неразлучное ихъ пребываніе со Іисусомъ-Христомъ, не могли замѣнить для нихъ самаго крещенія, тѣмъ болѣе что они были возлюбленные ученики Того, кто обѣщалъ спасеніе всѣмъ вѣрующимъ въ Него: *вѣра твоя*, говоритъ Онъ, *спасе тя* (Лук. XVIII, 42), и въ другомъ мѣстѣ: *отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. IX, 2), говоритъ Онъ иному человѣку, который вѣроятно не былъ крещенъ. Если бы сія благодать отпущенія грѣховъ оскудѣла въ отношеніи къ ученикамъ: то я не понимаю, какимъ образомъ вѣра другихъ могла бы быть дѣйствительнѣе ихъ вѣры. Одинъ оставляетъ мытницу при первомъ словѣ Спасителя (Матѳ. IX, 9), другой отказывается для Него отъ отца, корабля и ремесла своего (Матѳ. IV, 22), третій не пошедши погребсти отца своего (Матѳ. VIII, 22), повинуется гласу Іисуса-Христа, прежде даже нежели услышалъ отъ Него достопамятныя слова: *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X, 37).

XIII. Иные столько же дерзкіе, какъ и злочестивые люди, возражаютъ: если вѣра достаточна, то стало быть крещеніе не нужно; *Авраамъ* благоугодилъ

Богу безъ всякаго другаго таинства, кромѣ вѣры.— Въ отвѣтъ на сіе скажу, что послѣдующіе законы всегда имѣютъ преимущество надъ предшествовавшими. Положимъ, что прежде страстей и воскресенія Іисуса-Христа можно было спастись и безъ крещенія; но когда на насъ возложена новая обязанность вѣровать въ Рождество, страсти и воскресеніе Его: то тутъ присовокуплено было вмѣстѣ и новое таинство, таинство крещенія, какъ печать и краса вѣры нашей, вѣры древле нагой, не могшей иначе исполняться, какъ чрезъ соблюденіе закона. Такимъ образомъ надобность крещенія постановлена, и форма его предписана. *Шедше,* говоритъ Господь Апостоламъ, *научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII, 19). Заповѣдь сія подтверждается другимъ столько же рѣшительнымъ опредѣленіемъ: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Слова сіи несомнѣнно показываютъ необходимость крещенія. Со времени изреченія ихъ, всѣ, вступающіе въ число вѣрующихъ, крестятся. Какъ скоро *Павелъ* увѣровалъ, онъ былъ крещенъ. Господь повелѣлъ ему сіе, поразивши его слѣпотою, и сказавши: *востани и вниди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (Дѣян. IX, 6), то есть, что тебѣ надобно креститься. Сего одного недоставало *Павлу:* во всемъ прочемъ онъ былъ достаточно наученъ, и вѣрилъ уже, что Іисусъ отъ Назарета былъ Сынъ Божій.

XIV. Въ разсужденіи святаго Апостола *Пала* нѣкоторые находятъ новое затрудненіе въ томъ, что онъ сказалъ: *не посла мене Христосъ крестити* (1 Кор. I, 17). Можно ли вообразить, чтобъ Апостолъ, говоря такимъ образомъ, думалъ отмѣнить крещеніе, да и не окрестилъ ли онъ *Криспа, Гаіа* и *Стефаниновъ* домъ?

Впрочемъ если Христосъ и не послалъ *Павла* крестить: то не повелѣлъ ли Онъ того другимъ Апостоламъ? Наконецъ *Павелъ* писалъ о томъ къ Коринѳянамъ единственно по причинѣ возникшихъ между ими распрей. Онъ былъ увѣдомленъ, что у нихъ произошли споры и несогласія. Одинъ говорилъ: *азъ есмь Павловъ*; другой: *азъ Аполлосовъ* (1 Кор. I, 12). По сему-то Апостолъ сей, какъ любитель мира, не потворствуя ни тѣмъ ни другимъ, сказалъ, что онъ посланъ не крестить, но благовѣстить; ибо прежде надобно благовѣстить, а потомъ уже крестить; кто же имѣлъ власть благовѣстить, тотъ могъ и крестить.

XV. Не знаю, нѣтъ ли другихъ еще столь же пустыхъ предлоговъ отвергать крещеніе. Какъ бы то ни было, но я намѣренъ предложить еще здѣсь то, что предъ симъ мною пропущено, дабы не оставить безъ рѣшенія главныхъ вопросовъ. Едино есть крещеніе, какъ гласятъ Евангеліе и посланія Апостоловъ: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (Ефес. IV, 5). Сіе единое и истинное крещеніе соблюдается только между нами; но въ отношеніи къ еретикамъ долгъ нашъ есть входить предварительно въ разсмотрѣніе, какъ поступать съ ними. Они не участвуютъ въ нашемъ благочиніи. Видя, что они отдѣлились отъ нашего общенія, мы должы считать ихъ чуждыми. Я не обязанъ признавать въ нихъ того, что принадлежитъ только мнѣ, потому что у нихъ не тотъ Богъ и не тотъ Христосъ, какой у насъ. Нѣтъ у нихъ единства крещенія, потому что крещеніе ихъ не то, что наше; а какъ оно исполняется у нихъ не такъ, какъ должно: то стало быть его какъ бы не было, стало быть они не могутъ и крестить. И такъ мы пріемлемъ крещеніе только однажды; грѣхи наши омываются также только однажды, дабы намъ извѣстно было, что мы не

должны уже вновь грѣшить. Іудеи омываются ежедневно, потому что ежедневно получаютъ какую либо скверну. Для предъупрежденія такого очищенія, намъ объявлено, что крещеніе есть только единое. Блаженна вода, омывающая единажды, спасительная для грѣшниковъ и приводящая омытыхъ въ состояніе не заражаться новыми пятнами!

XVI. Правда, у насъ есть второе крещеніе, и именно крещеніе кровію; но оно также единое. О семъ-то крещеніи Іисусъ-Христосъ сказалъ: *крещеніемъ имамъ креститися* (Лук. XII, 50), хотя и былъ уже крещенъ; ибо *Сей есть пришедый не водою точію, но водою и кровію* (1 Іоан. V, 6), пришедшій омыться водою и прославиться кровію. Для сего-то также, желая призвать насъ водою и содѣлать избранными кровію, Онъ произвелъ изъ ребръ Своихъ сіи два крещенія (Іоан. XIX, 34), потому что вѣрующіе въ кровь Его должны очищаться водою, а очищающіеся водою должны пить кровь Его. Сіе крещеніе пополняетъ крещеніе водою, и вознаграждаетъ недостатокъ онаго, если кто имѣлъ несчастіе его лишиться.

XVII. Чтобъ кончить статью сію, мы упомянемъ, въ какомъ порядкѣ должно производиться исполненіе крещенія. Право исполненія его принадлежитъ, прежде всего первосвященнику, то есть, Епископу. Совершать его могутъ также священники и діаконы, но не безъ дозволенія Епископа, дабы сохранить уваженіе къ Церкви въ ея начальникѣ и соблюсти миръ чрезъ сію подчиненность (*). Впрочемъ даже и мірянамъ въ крайнемъ случаѣ дозволено крестить. Такимъ образомъ когда нѣтъ ни Епископа, ни священника, ни

(*) Такъ видно совершался обрядъ крещенія въ первые вѣки Христіанства; но теперь обрядъ сей обыкновенно исполняется одними священниками.

діакона: то никто не долженъ отрекаться отъ сообщенія дара Господня. Слѣдовательно какъ крещеніе есть одно изъ благъ, данныхъ Богомъ всѣмъ людямъ безъ исключенія: то всѣ и могутъ въ немъ участвовать. Міряне однакожъ во всякомъ случаѣ обязаны соблюдать скромность и уваженіе къ своимъ начальникамъ, отъ которыхъ власть сія зависитъ. А потому имъ надобно остерегаться присвоивать себѣ безъ нужды должность, принадлежащую Епископу. Излишняя ревность есть мать распрей. Апостолъ говоритъ: *вся ми лѣть суть, но не вся на пользу* (I. Кор. VI, 12). И такъ да пользуется міряниръ сею властію при крайней только надобности, то есть, когда будетъ къ тому побужденъ обстоятельствами мѣста, времени и лица; ибо въ такомъ случаѣ опасность, предстоящая одному, достаточно извиняетъ смѣлость другаго; а иначе сей послѣдній будетъ виновенъ въ гибели перваго, не давши ему того, что могъ дать.

Нѣкоторыя жены, какъ выше примѣчено, присвоили себѣ право учить. Не ужели будутъ онѣ столько дерзки, что покусятся и крестить? Съ трудомъ можно тому повѣрить. Если тѣ изъ нихъ, которыя читаютъ посланія *Павловы* безъ всякаго разбора, вздумаютъ въ семъ случаѣ сослаться къ своему оправданію на примѣръ святой *Ѳеклы*, которой *Павелъ* будто бы далъ власть учить и крестить: то да вѣдаютъ, что книга, о семъ упоминающая, писана не *Павломъ*, но однимъ Азійскимъ священникомъ, выдавшимъ ее подъ именемъ *Павла* и наполнившимъ ее собственными бреднями. Сей священникъ, уличенный и сознавшійся въ томъ, что онъ ее сочинилъ, былъ за то отрѣшенъ и изгнанъ изъ Церкви. Да и въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть малѣйшая вѣроятность, чтобы святый *Павелъ*, едва дозволившій женамъ присутствовать при

публичномъ ученіи, сталъ уполномочивать ихъ самихъ учить и крестить? *Жены ваша*, говоритъ онъ, *въ церквахъ да молчатъ; аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (I, Кор. XIV, 34 и 35).

XVIII. Впрочемъ люди, обязанные долгомъ своимъ исполнять обрядъ крещенія, довольно знаютъ, что приступать къ тому не должно безъ особыхъ предосторожностей. Слова сіи: *просящему у тебе дай* (Лук. VI, 30), имѣютъ свое ограниченіе, подобно какъ и обязанность давать милостыню; или лучше сказать надобно помнить другое изреченіе; *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Мат. VII, 6); также: *руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужымъ грѣхомъ* (I. Тим. V, 22). — Но, говорите вы, *Филиппъ* тотчасъ же окрестилъ Евнуха. — Правда; однакожъ тутъ онъ предъупрежденъ былъ явнымъ и точнымъ устроеніемъ Господа, когда Духъ Святый повелѣлъ ему избрать извѣстный путь (Дѣян. VIII, 29), и самъ евнухъ, дабы не потерять времени, занимался уже чтеніемъ святыхъ пророковъ, хотя еще и не думалъ тогда креститься. Онъ мыслилъ только о томъ, что *приходилъ поклонитися во Іерусалимъ, и чтяше пророка Исаію.* Діаконъ *Филиппъ* долженствовалъ того, къ кому отъ Бога посланъ былъ, найти въ религіозномъ расположеніи духа. Онъ получаетъ повелѣніе приступить къ колесницѣ казнохранителя Кандакіи царицы, и обрѣтаетъ уже въ немъ початокъ вѣры, произведенный чтеніемъ священнаго Писанія. Евнухъ внемлетъ поученіямъ Апостола, Господь открываетъ ему Себя, и вѣра его не терпитъ отлагательства: тутъ кстати встрѣтилась вода. Какъ же скоро крещеніе совершилось, Ангелъ Господень восхитилъ посланника Божія.

Павелъ также крещенъ былъ безъ отлагательства. Ученику *Ананіи* самъ Господь возвѣстилъ, *яко сосудъ избранъ Ему сей* будетъ (Дѣян. IX, 15). Благодать Божія знаменуется иногда особыми предпочтеніями. Но вообще, смотря по состоянію, расположенію и возрасту, полезнѣе отлагать крещеніе, нежели тотчасъ его выполнять, а особливо дѣтямъ (*). За чѣмъ безъ крайней нужды подвергать крестныхъ отца и мать опасности? Они могутъ умереть и не выполнить даннаго ими обѣта; если же и живы будутъ, то дурныя склонности дѣтей могутъ воспрепятствовать ихъ ожиданіямъ.

Правда, что Господь нашъ сказалъ о дѣтяхъ: *не возбраняйте имъ пріити ко Мнѣ* (Мат. XIX, 14). Пусть же приходятъ онѣ, когда уже нѣсколько возмужаютъ, когда будутъ въ состояніи понимать ученіе и исполнять свои обязанности: пусть начнутъ съ того, чтобы познать Іисуса Христа прежде, нежели сдѣлаются Христіанами. За чѣмъ спѣшить очищеніемъ грѣховъ въ возрастѣ невинности? Свѣтскіе люди поступаютъ съ большею осторожностію. Они не смѣютъ управленія имѣніемъ ввѣрять младенцамъ, между тѣмъ какъ мы спѣшимъ вручать имъ благо небесное. Пусть научатся они прежде молиться о спасеніи, дабы они знали, что только *просящему дано будетъ* (Мат. VII, 7). Даже есть причины отлагать крещеніе и для взрослыхъ молодыхъ людей, потому что они подвержены слишкомъ сильнымъ страстямъ: пусть прежде или женятся или укрѣпятся въ вѣрованіи и воздержаніи. Кто хорошо пойметъ важныя обязанности, крещеніемъ на него возлагаемыя, тотъ скорѣе побоится

(*) Это было личное мнѣніе самаго *Тертулліана*, а отнюдь не заповѣдь Церкви, въ которой крещеніе младенцевъ всегда совершалось.

принять его, нежели отложить. Истинная вѣра не усомнится въ спасеніи.

XIX. Торжественный день для крещенія есть день Пасхи, когда страсти Господни, въ которыя мы крестимся, уже совершены. Можно считать какъ бы прообразованіемъ крещенія данное Іисусомъ-Христомъ ученикамъ Своимъ повелѣніе касательно приготовленія къ Пасхѣ: *срящетъ васъ*, говоритъ Онъ, *человѣкъ въ скудельницѣ воду нося* (Марк. XIV, 13). Онъ указалъ имъ на воду для означенія мѣста, гдѣ праздновать Пасху. Другой торжественный день для крещенія есть пятидесятница, когда протекло уже довольно долгое время для расположенія и наученія долженствующихъ креститься. Въ сіе-то время Христосъ часто открывалъ ученикамъ Свое воскресеніе, обѣщалъ послать имъ Святаго Духа, и увѣрилъ ихъ во второмъ Своемъ пришествіи, когда по вознесеніи Его на небеса Ангелы сказали имъ: *сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). Къ сему можно также примѣнить изреченіе Пророка Іереміи: *Се Азъ соберу ихъ отъ конецъ земли въ праздникъ Пасхи* (XXXI, 8). Впрочемъ каждый день есть день Господень: всякое время, всякой часъ удобны для крещенія. Какое бы ни имѣли мы уваженіе къ празднествамъ, благодать таинства въ нихъ не нуждается.

XX. Желающіе креститься должны приготовиться къ тому частыми молитвами, постомъ, колѣнопреклоненіями, бдѣніемъ и исповѣданіемъ всѣхъ прошедшихъ грѣховъ своихъ, дабы тѣмъ самымъ сообразоваться вмѣстѣ и съ крещеніемъ *Іоанновымъ. И крещахуся*, говоритъ Писаніе, *отъ него, исповѣдающе грѣхи своя* (Мат. III, 6). Мы имѣемъ ту выгоду передъ ними, что исповѣдуемъ беззаконія свои не публично.

умерщвленіемъ духа и тѣла мы изглаживаемъ прежніе грѣхи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняемъ себя отъ будущихъ. *Бдите и молитеся*, говоритъ Господь, *да не внидете въ напасть* (Мат. XXVI, 41). Причиною тому, что ученики впали въ напасть или въ искушеніе, было кажется мнѣ то, что они допускали сну овладѣвать собою, и отъ того оставили Учителя своего, какъ скоро увидѣли Его въ рукахъ вражескихъ. Тотъ даже, который съ начала имѣлъ столько мужества, что послѣдовалъ за Нимъ и обнажилъ мечь въ помощь Ему, сдѣлался послѣ такъ слабъ, что отрекся отъ Него. Впрочемъ никто не можетъ войти въ царствіе небесное, кто не былъ искушенъ. Самъ Спаситель по крещеніи Своемъ благоволилъ послѣ сорокодневнаго поста подвергнуться различнымъ искушеніямъ (Мат. IV, 1-11).

Если это такъ, скажетъ иной, то и намъ надобно послѣ крещенія поститься болѣе, нежели прежде. Никто тому не мѣшаетъ, развѣ когда новокрестившіеся обязаны проводить праздникъ Пасхи въ духовной радости и въ торжественныхъ благодареніяхъ Богу за возведеніе ихъ на путь спасенія. Господь кажется въ лицѣ еще Израильтянъ укоряетъ насъ въ нашей неумѣренности, въ нашемъ невоздержаніи. Народъ сей, прешедшій чудеснымъ образомъ море, водимый по пустынѣ и питаемый небесною пищею въ теченіи сорока лѣтъ, не переставалъ роптать, помышляя болѣе о желудкѣ своемъ, нежели о Богѣ (Числ. XI, 4). Іисусъ-Христосъ, удалясь послѣ крещенія въ пустыню, и проведши тамъ сорокъ дней въ постѣ, довольно ясно намъ показалъ, что *человѣкъ не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мат. IV, 4), и что постъ есть самовѣрнѣйшее средство къ преодолѣнію искушеній со стороны всякаго рода похотей.

Къ вамъ обращаюсь, счастливые новообращенные Христіане! Когда благодать Божія призвала васъ и такъ милостиво съ вами поступила: то вы, изшедши изъ купели, васъ возродившей, и сподобясь вмѣстѣ съ братьями присоединиться къ Церкви матери вашей, должны молить Отца Небеснаго, молить Господа о ниспосланіи вамъ благъ священныхъ, благодати сверхъестественной, даровъ Духа Святаго. Іисусъ-Христосъ говоритъ: *просите, и дастся вамъ* (Мат. VII, 7). Вы доселѣ просили, и теперь нашли; толкали въ двери, и теперь онѣ вамъ отворены.

Прошу и я васъ объ одной милости, чтобы въ молитвахъ своихъ поминали вы *Тертулліана* грѣшника.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ (*).

I. Духъ божественный, Слово божественное, премудрость божественная: изреченія сіи означаютъ тоже, что Слово премудрости и премудрость слова и духа. Господь нашъ Іисусъ-Христосъ, Слово-Богъ, даровавъ новымъ ученикамъ Своимъ новый завѣтъ, преподалъ имъ и новый образецъ молитвы, къ которому бы могло быть примѣнено сказанное Имъ: *никтоже приставляетъ приставленія плата не бѣлена ризѣ ветсѣ; ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи* (Мат. IX, 16, 17). Все прежнее измѣнено, какъ-то обрѣзаніе; пополнено, какъ-то законъ; совершено, какъ-то пророчества. Новая благодать Божія все плотское премѣнила на духовное, отерши такъ сказать Евангеліемъ своимъ всю древность какъ бы губкою. Въ семъ отношеніи Господь нашъ показалъ, что Онъ есть Духъ Божій, Слово Божіе, премудрость Божія; Духъ превозмогающій, Слово поучающее, премудрость оживляющая. Молитва Господня основана на сихъ трехъ началахъ; слово есть устная молитва, духъ составляетъ силу и сущность ея, премудрость просвѣщаетъ. *Іоаннъ* Креститель научилъ также учениковъ своихъ молиться; но онъ пріуготовлялъ только пути Господни, доколѣ Христосъ по

(*) Сочинена въ 190 году по Р. Х.

предсказанію *Іоаннову возрастетъ*, онъ же *малитися будетъ* (Іоан. III, 30), и доколѣ дѣло *Іоанново* не совершится въ немъ Духомъ Святымъ. Посему-то молитвы, преподанныя *Іоанномъ* ученикамъ своимъ, не дошли до насъ; ибо все, что было отъ земли, долженствовало преклониться предъ Тѣмъ, кто изшелъ отъ неба. *Сый отъ земли*, сказано *отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ; грядый съ небесе, надъ всѣми есть, и еже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуетъ* (Іоан. III, 31). Дѣйствительно, что отъ Христа исходитъ, есть пренебесная истина: преподанная Имъ молитва Господня божественна. Разсмотримъ, возлюбленные братія, сокровенную тутъ премудрость Того, отъ кого Онъ посланъ. Вопервыхъ Онъ повелѣваетъ намъ молиться втайнѣ (Матѳ. VI, 6), дабы человѣкъ зналъ, что Богъ можетъ слышать и видѣть его всюду, въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ. Ему угодно, чтобы вѣрующій не выказывалъ предъ всѣми вѣры своей, но довольствовался бы однимъ тѣмъ, чтобы молитва его услышана была отъ Того, кто можетъ внимать ей повсемѣстно. Подивимся также премудрости Его въ томъ, чему Онъ учитъ насъ въ слѣдъ за тѣмъ. Вѣрѣ и скромности приличествуетъ обращаться къ Богу не съ многоглаголаніемъ, вѣдая, что Онъ никогда не оставитъ Своихъ безъ покровительства: краткая молитва становится превосходна и совершенна, когда кто вникнетъ въ духъ ея. Чѣмъ болѣе кратка она на словахъ, тѣмъ обширнѣе въ смыслѣ: она не ограничивается долгомъ молитвы, состоящимъ въ почитаніи Бога и въ прибѣжищѣ къ Нему, но содержитъ въ себѣ все почти правоученіе Господа нашего, все благочиніе Церкви Его: она есть сокращеніе всего Евангелія.

II. Она начинается тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о присутствіи Бога и о силѣ вѣры нашей въ Него, ког-

да мы говоримъ: *Отче нашъ иже еси на небесѣхъ.* Сими словами мы вмѣстѣ и молимся Богу и изъявляемъ вѣру нашу въ Него, именуя Его Отцемъ, какъ-то въ священномъ Писаніи сказано: *вѣрующимъ во имя Его даде область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. 1, 12). Господь нашъ въ поученіяхъ Своихъ весьма часто именуетъ Бога Отцемъ. Онъ велитъ и намъ никого не называть отцемъ нашимъ, кромѣ Того, *иже на небесѣхъ.* Такимъ образомъ, начиная молитву Господню, мы уже исполняемъ одну изъ Его заповѣдей. Израиль былъ укоряемъ за то, что не позналъ Бога: *сыны родихъ и возвысихъ,* сказано: *тіи же отвергошася Мене* (Ис. 1, 2). Мы, признавая Отца, признаемъ вмѣстѣ и Бога. Имя сіе знаменуетъ и любовь Его и Его могущество. Въ Отцѣ мы призываемъ и Сына, который Самъ сказалъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. XIV, 11): призываемъ также и Церковь, матерь нашу, которая одна утверждаетъ то отношеніе, какое существуетъ между сими двумя Лицами. Въ одномъ семъ словѣ *Отецъ* мы почитаемъ Бога и Святыхъ Его, повинуемся заповѣди и осуждаемъ тѣхъ людей, которые забываютъ Отца своего.

III. Имя Бога Отца было прежде неизвѣстно въ мірѣ. Когда *Моисей* вопросилъ Бога, кто Онъ, то Онъ назвалъ себя тогда другимъ именемъ. Имя Отца открылось для насъ въ Сынѣ Его, который по пришествіи Своемъ далъ Богу новое имя, какъ-то Самъ Онъ говоритъ: *явихъ имя Твое человѣкомъ* (Іоан. XVII, 6). А потому мы и молимся: *да святится имя Твое.* Такъ молимся мы не для того, чтобы людямъ прилично было желать какихъ либо благъ Богу, которому никто ничего пожелать не можетъ, и который не нуждается ни въ чьемъ благоволеніи. Мы должны благословлять Бога во всякое время и на всякомъ мѣстѣ

за изливаемыя отъ Него на людей благодѣянія: не желанія, а признательность должны мы Ему изъявлять. Не святится ли имя Божіе всегда само собою? Богъ освящаетъ всяческая: предъ престоломъ Его ликъ Ангеловъ съ колѣнопреклоненіемъ вопіетъ: *святъ, святъ, святъ!* Мы сами, будучи обязаны добрыми дѣлами своими уподобляться Ангеламъ, должны лепетать сію вѣчную пѣснь, и пріучаться къ ней здѣсь, доколѣ нѣкогда воспоемъ ее на небесахъ. Вотъ что надлежитъ намъ дѣлать для славы Божіей. Что же касается собственно до молитвы о себѣ самихъ: то она состоитъ въ томъ, чтобы мы просили Бога, да святится имя Его въ насъ, преданныхъ уже Ему, и въ тѣхъ, которыхъ благодать Его еще не осѣнила. Въ семъ случаѣ мы повинуемся заповѣди, повелѣвающей намъ молиться за всѣхъ, и даже за враговъ нашихъ. По сему-то молясь, да святится имя Божіе въ насъ, мы молимся и о томъ, чтобъ оно святилось во всѣхъ человѣкахъ.

IV. Послѣ сего мы присовокупляемъ: *да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли.* Подъ сими словами не должны мы разумѣть, чтобы какое либо препятствіе могло мѣшать исполненію воли Божіей; но просимъ, чтобы она исполнялась особенно въ насъ и во всѣхъ людяхъ. Вникнувъ хорошо въ смыслъ словъ сихъ, мы увидимъ, что говоря о плоти и духѣ нашемъ, мы сами составляемъ небо и землю. Пріемля изреченіе сіе даже и буквально, смыслъ его останется одинъ и тотъ же, то есть, да будетъ воля Божія въ насъ на земли, дабы она исполнилась въ насъ и на небеси. Нѣтъ сомнѣнія, что воля Божія состоитъ единственно въ томъ, чтобы мы соблюдали Его законъ. Мы просимъ Его, чтобъ Онъ благоволилъ вселить въ насъ сущность и могущество Своей воли, дабы мы спаслись на земли и на небеси, потому что высочай-

шая воля Его есть доставить спасеніе чадамъ, Имъ усыновленнымъ. Сію-то волю Божію Господь нашъ старался совершить посредствомъ Своихъ поученій, дѣяній и страданій. Онъ Самъ сказалъ: *не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (Іоан. V, 30). Всѣ дѣянія Свои производилъ Онъ по волѣ Отца Своего. Онъ предложилъ намъ послѣдовать Его примѣру, и подобно Ему проповѣдывать, работать и страдать до самой смерти. Чтобы все сіе исполнить, намъ нужна благодать и воля Божія, и мы говоря: *да будетъ воля Его*, испрашиваемъ у Него, чтобъ Онъ былъ къ намъ милостивъ, потому что воля Божія никогда не можетъ быть для насъ вредною, хотя бы за грѣхи наши была и строга. Такимъ образомъ слова сіи должны заставить насъ даже и страдать, если надобно. Господь нашъ, желая показать намъ, что немощь плоти нашей заключается и въ Его плоти, произнесъ: *Отче, аще волиши мимо нести чашу сію отъ Мене*; потомъ тотчасъ же присовокупилъ: *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII, 42). Онъ усвоилъ Себѣ волю и могущество Отца Своего на тотъ конецъ, чтобы научить насъ переносить и съ нашей стороны долю страданія.

V. *Да пріидетъ царствіе Твое*. Молитва сія, какъ и предъидущая, имѣетъ одинакій смыслъ; да придетъ или да будетъ царствіе Твое въ насъ. Богъ всегда и вездѣ Царь: въ рукѣ Его сердце царево. Все то, чего ни желаемъ мы себѣ, намъ должно къ Нему относить, въ Немъ освящать, отъ Него ожидать. Но если пришествіе царствія Божія согласно съ Его волею, и требуетъ конца міра сего: то за чѣмъ просимъ мы Его иногда, чтобъ Онъ продлилъ дни наши на земли? Царствіе, испрашиваемое нами у Него, есть конецъ временъ, исполненіе вѣковъ: мы молимъ Его о скорѣйшемъ вступленіи въ сіе царствіе, а слѣдственно и

о недолгомъ задержаніи насъ въ рабствѣ. Если бы молитва сія и не имѣла въ точности такого смысла: то мы должны бы были ей придать его изъ пламеннаго желанія нашего достигнуть цѣли всѣхъ нашихъ надеждъ. Въ Апокалипсисѣ души подъ олтаремъ вопіютъ къ Господу: *доколѣ Владыко святый и истинный не судиши, и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли* (VI, 10)? Но мщеніе получатъ они не прежде, какъ въ день суда. — О Владыко Господи! Ускори пришествіемъ Твоимъ, не отлагай Царствія Твоего: въ семъ состоятъ желанія Христіанъ, смятеніе язычниковъ, торжество Ангеловъ. Для Твоего царствія мы страждемъ, о Твоемъ царствіи мы молимъ Тебя.

VI. Съ какимъ искусствомъ премудрость Божія расположила различныя части сей молитвы? Послѣ небесныхъ вещей, то есть, послѣ воли и царствія Божія, слѣдуютъ вещи земныя соотвѣтственно устроенію той же премудрости. Господь сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мат. VI, 33). Посему-то мы и должны давать духовный смыслъ симъ словамъ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Хлѣбъ есть жизнь, а жизнь есть Христосъ. *Азъ есмь хлѣбъ животный*, говоритъ Онъ; *хлѣбъ Божій есть сходяй съ небесе, и даяй животъ міру* (Іоан. VI, 33 и 35). Хлѣбъ означаетъ также и тѣло Христово: *сіе есть тѣло Мое* (Мат. XXVI, 26). Стало быть, прося у Бога хлѣба насущнаго, мы просимъ Его быть всегда участниками тѣла Христова и пребывать съ Нимъ неразлучно. Но пріемлется также и буквальный смыслъ сей молитвы, согласующійся совершенно съ существомъ дѣла. Мы просимъ о хлѣбѣ, который только и нуженъ для жизни: *что болѣе, того языцы ищутъ* (Мат. VI, 32). Господь также сказалъ: *кто есть отъ васъ человѣкъ, его же аще во-*

спросить сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему (Мат. VII, 9)? Симъ показываетъ Онъ, чего собственно дѣти имѣютъ право ожидать отъ отцевъ своихъ. Говоря: *даждь намъ днесь*, мы равномѣрно повинуемся заповѣди Его. *Не пецытеся на утрей*, говоритъ Онъ (Мат. VI, 34). Господь изъяснилъ сіе притчею о нѣкоемъ богатомъ человѣкѣ, которому *угобзися нива*, и который *собралъ многа блага на лѣта многа*, и въ туже ночь умеръ (Лук. XII, 16—20).

VII. Помолившись Богу о щедродательности, весьма естественно обратиться къ Его милости и милосердію. Къ чему послужитъ намъ пища, если мы станемъ только насыщаться ею подобно животному, обреченному на заколеніе? Богъ вѣдаетъ, что Онъ единъ безгрѣшенъ; а потому и велитъ намъ далѣе молиться: *остави намъ долги наша*, то есть, прости намъ наши прегрѣшенія. Просить прощенія значитъ тоже, что исповѣдывать грѣхи и каяться. Это насъ научаетъ, что покаяніе благопріятно Богу, предпочитающему его смерти грѣшника. На прообразовательномъ языкѣ священнаго Писанія долгъ знаменуетъ грѣхъ, потому что, согрѣшая, мы навлекаемъ на себя казнь или долгъ страданія, который должно заплатить, и который строго взыщется, когда не будетъ намъ оставленъ, подобно какъ Господь отпускаетъ долгъ рабу въ притчѣ, служащей намъ найлучшимъ урокомъ нравственности (Мат. XVIII, 23—34). Рабъ сей, надъ которымъ Господь умилосердился, оказался жестокимъ противъ собственныхъ должниковъ; почему былъ призванъ къ отвѣту и *преданъ* отъ Господа *мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой*, то есть, доколѣ не будетъ наказанъ за малѣйшіе свои грѣхи. Вотъ почему намъ надобно прощать оскорбляющимъ насъ, и почему мы молимся: *остави намъ долги наша, яко же и*

мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Спаситель сказалъ: *Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мат. VI, 14), короче сказать: прощайте, и вамъ простится. Когда *Петръ* спросилъ Его, *отпущу ли брату до седмь кратъ*, Господь повелѣлъ отпускать *до седмьдесять кратъ седмерицею* (Мат. XVIII, 21 и 22). Такимъ образомъ законъ былъ съ сей стороны усовершенствованъ; ибо въ книгѣ Бытія (IV, 24) сказано, *яко седмицею отмстися отъ Каина, отъ Ламеха же седмьдесять седмицею.*

VIII. Для пополненія столь краткой молитвы, испросивъ у Бога прощенія прегрѣшеній нашихъ, мы молимся Ему, чтобъ Онъ не допустилъ насъ къ содѣянію новыхъ грѣховъ: *и не введи насъ во искушеніе*, то есть, не попусти, чтобъ искуситель нами овладѣлъ и управлялъ. Не надобно тутъ думать, чтобы Богъ Самъ хотѣлъ насъ искушать, дабы испытать вѣру нашу, весьма Ему извѣстную, а тѣмъ менѣе дабы доставить намъ случай пасть. Невѣжество и злоба свойственны одному сатанѣ. Не для искушенія, но для явленія вѣры *Авраамовой*, Богъ повелѣлъ сему праведнику принести въ жертву сына своего, дабы примѣромъ сего Патріарха доказать то, чему въ послѣдствіи намѣренъ былъ насъ научить, то есть, что надобно Бога предпочитать ближайшимъ своимъ роднымъ. Господь допустилъ сатану искушать Самаго Себя, дабы показать намъ въ немъ настоящаго виновника искушенія. Позже Онъ заявилъ тоже самое слѣдующими словами: *молитеся, да не внидете въ напасть* или въ искушеніе (Лук. XXII, 40). Дѣйствительно ученики, оставившіе Господа своего, подвергались великому искушенію, предпочитая сонъ молитвѣ. Почему и прибавляется въ Господней молитвѣ: *но избави насъ отъ лукаваго*

(отъ всякаго зла): это есть нѣкоторый родъ изъясненія на предъидущую мольбу.

IX. Сколькимъ заповѣдямъ повинуемся мы, произнося сію молитву! Сколько заключаетъ она въ себѣ изреченій, притчей и наставленій, извлеченныхъ изъ Евангелія Господня! Сколько въ ней предписаній изъ Пророковъ, Евангелистовъ и Апостоловъ! Мы исполняемъ дѣло поклоненія, именуя Бога Отцемъ нашимъ; дѣло вѣры, прославляя Его; дѣло покорности, желая соблюсти волю Его; дѣло надежды, призывая Его царствіе; дѣло раскаянія, прося о прощеніи грѣховъ; дѣло смиренія, испрашивая покровительства Его противъ искусителя. И что тутъ удивительнаго? Одинъ Богъ могъ научить насъ, какъ Ему молиться. Самъ Онъ установилъ сію молитву, одушевляемую и оживотворяемую Святымъ Его Духомъ, исходящую изъ божественныхъ Его устъ, восходящую къ небесамъ силою препебеснаго Его естества, и лично получающую отъ Отца все то, чего Сынъ научилъ насъ у Него просить. Сообщивъ намъ сію общую молитву, Господь, предвидѣвшій всѣ нужды человѣчества, въ заключеніе говоритъ: *просите и дастся вамъ* (Мат. VII, 7). Такимъ образомъ каждый можетъ приносить различныя молитвы соотвѣтственно своимъ надобностямъ, начиная всегда молитвою Господнею, которая есть основная, коренная молитва. Обстоятельства составляютъ часто мѣру нашихъ желаній: смотря по нимъ, можно просить обо всемъ, что угодно, не забывая только заповѣданной Самимъ Богомъ молитвы, и опасаясь, чтобъ Онъ не пересталъ слушать насъ, когда мы будемъ пренебрегать Его повелѣніями.

X. Исполненіе заповѣдей отверзаетъ небесныя двери молитвѣ, которая есть первѣйшая заповѣдь. Прежде, нежели приступимъ мы къ олтарю, намъ

надобно примириться съ братомъ (Мат. V, 24). Съ сердцемъ, исполненнымъ вражды и ненависти, можемъ ли мы приблизиться къ Богу мирному? Можемъ ли просить Его, чтобъ Онъ простилъ намъ, когда мы другимъ не прощаемъ? Гнѣвающійся на брата своего можетъ ли умилостивить Отца своего, воспретившаго намъ искони всякую ненависть и всякой гнѣвъ? *Іосифъ*, посылая братьевъ за отцемъ своимъ, совѣтовалъ имъ въ особенности *не гнѣваться на пути* (Быт. XLV, 24). Совѣтъ сей относится ко всѣмъ намъ: по смыслу ученія нашего, путь нашъ есть путь спасенія, и слѣдовательно путь молитвы; стало быть мы не должны молиться съ гнѣвнымъ сердцемъ. Господь нашъ, пришедшій не разорить, а исполнить законъ, пополнилъ его, сказавши: *гнѣваяйся на брата своего, повиненъ есть суду* (Мат. V, 22). Апостолъ также даетъ знать намъ, что *всякъ ненавидяй брата своего, человѣкоубійца есть* (1 Іоан. III, 15). Великая дерзость была бы съ нашей стороны проводить цѣлые дни безъ молитвы, или молиться, имѣя сердце, исполненное ненависти. Мы должны очистить себя не только отъ гнѣва, но и отъ всякаго дурнаго помысла, прежде нежели станемъ молиться, потому что молитва наша должна исходить отъ столь же чистаго духа, какъ чистъ и Духъ Святый, къ которому она обращена. Нечистый духъ не можетъ услышанъ быть Святымъ Духомъ. Такъ напримѣръ угрюмаго человѣка не можетъ слышать и уважать человѣкъ веселый и кроткій. Никто не захочетъ ни принять ни усвоить себѣ того, что ему противно.

XI. Впрочемъ какъ можно допустить, чтобы для молитвы нужно было умыть только руки, а между тѣмъ совѣсть оставить неочищенною? Тутъ умыть руки значитъ въ духовномъ смыслѣ то, чтобъ опѣ

чисты были отъ крови, убійства, жестокостей, идолопоклонства и всѣхъ другихъ скверпъ, которыя, зараждаясь въ духѣ, исполняются посредствомъ рукъ. Вотъ истинная духовная чистота, необходимая для молитвы, а не та плотская чистота, которую соблюдаютъ извѣстные суевѣрные люди, поставляющіе за долгъ сходить въ баню, прежде нежели приступятъ къ молитвѣ. Восходя къ происхожденію сего обычая, я нахожу, что ввелъ его повидимому *Пилатъ*, умывшій руки свои, предавая Христа Іудеямъ (Мат. XXVII, 24). Но мы поклапяемся Богу, а не предаемъ Его: намъ надлежало бы даже воздержаться отъ подражанія примѣру *Пилата*, предавшаго Его, и не умывать безпрерывно рукъ, развѣ когда это служитъ знакомъ нашей внутренней чистоты. Руки наши всегда останутся довольно чистыми, потому что онѣ вмѣстѣ съ нашимъ тѣломъ и душею омыты кровію Христовою. Израильтяне всякій день моютъ все тѣло свое; но никогда чисты не будутъ: руки ихъ никогда не очистятся отъ крови пророковъ и отъ крови Іисуса-Христа. Сознаніе преступленій отцевъ ихъ также не позволяетъ имъ подымать руки свои къ небу, дабы новый *Исаія* не воскликнулъ къ нимъ: *увы, языкъ грѣшный* (1, 4)! или бы и Самъ Іисусъ-Христосъ не возгнушался ими. Но мы свободно подымаемъ и простираемъ руки къ небу, подобно какъ Христосъ простеръ ихъ на крестѣ, и въ семъ униженномъ положеніи смѣло исповѣдуемъ Господа нашего.

XII. Упомянувъ о семъ безполезномъ обычаѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ поступкахъ, не заповѣданныхъ намъ ни Христомъ, ни Апостолами, и долженствующихъ быть для насъ запрещенными потому, что они отзываются болѣе идолопоклонствомъ, нежели Религіею.

Такъ напримѣръ иные, приготовляясь къ молитвѣ, скидаютъ съ себя мантію, а другіе во время молитвы считаютъ долгомъ своимъ не стоять, а сидѣть: то и другое исполняютъ язычники, и намъ не приходится имъ подражать. Въ особенности не прилично молиться, сидя, въ то время, какъ предъ Богомъ предстоятъ тмы Ангеловъ со страхомъ и трепетомъ: это показываетъ, какъ будто мы молимся по неволѣ, съ небреженіемъ, въ усталомъ положеніи.

XIII. Какъ скромность и смиреніе суть наилучшіе свидѣтели предъ Богомъ: то, молясь, не должны мы слишкомъ подымать рукъ и размахивать ими. Не слѣдуетъ также возвышать голову съ самонадѣянностію. Вспомнимъ, что мытарь, не хотѣвшій *издалече стоя ни очію возвести на небо, сниде оправданъ въ домъ свой паче* горделиваго *Фарисея* (Лук. XVIII, 13—14). Равнымъ образомъ приличіе требуетъ тише произносить молитву, потому что нѣтъ надобности взывать велегласно, дабы услышало насъ небо. Богъ внемлетъ не голосу, но сердцу. Самъ даже демонъ Пиѳійскаго оракула говаривалъ: я понимаю нѣмыхъ и слышу не говорящихъ. Думаете ли вы, что уши Божіи требуютъ шумныхъ рѣчей? Какъ же могъ бы Онъ услышать тогда Пророка *Іону* въ чревѣ кита, *Іону*, котораго голосъ долженъ былъ пройти чрезъ внутренность ужасной рыбы, и изъ глубины бездны проникнуть сквозь воды до самаго неба? Какую могутъ имѣть выгоду молящіеся велегласно, кромѣ развѣ того, чтобы быть услышанными своими сосѣдями? Не тоже ли это, что молиться громко при публикѣ?

XIV. Еще другой обычай вошелъ въ силу. Люди, соблюдающіе постъ, по совершеніи общей молитвы, воздерживаются давать брату своему *лобзаніе мира*, которымъ обыкновенно оканчиваются благочестивыя

наши собранія. Но когда же намъ лучше оказывать любовь къ братьямъ нашимъ, какъ не въ то время, когда они приходятъ вмѣстѣ съ нами и даже за насъ молиться Богу? Молитва не совершенна, если не сопровождается лобзаніемъ мира. Миръ съ братьями нашими не можетъ мѣшать нашимъ обязанностямъ къ Богу. Какое это благочестіе, когда мы возвращаемся домой не въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ? Какой бы ни былъ предлогъ означенному обычаю, онъ не долженъ превозмогать надъ заповѣдію, повелѣвающею намъ не выставлять постовъ нашихъ на показъ; воздерживаясь же давать лобзаніе братьямъ, мы объявляемъ, что постились или постимся. Впрочемъ если вы имѣете какую либо основательную причину слѣдовать сему обычаю: то воздерживайтесь дома давать лобзаніе живущимъ съ вами подъ одною крышею, гдѣ трудно поститься вамъ втайнѣ; но послѣ общихъ молитвъ, и всякій разъ, когда вы только можете скрывать свой постъ, не забывайте заповѣди. Симъ способомъ вы и внѣ соблюдете благочиніе, и внутри сохраните свой обычай. Въ день Пасхи, когда всѣ постятся, вы можете обойтись и безъ лобзанія мира, потому что тогда нѣтъ надобности скрывать того, что всѣ дѣлаютъ (*).

Иные полагаютъ, что во время богослуженія при дневныхъ *стояніяхъ* не слѣдуетъ приносить безкровной жертвы, подъ тѣмъ предлогомъ, якобы причащеніе прерываетъ и даже прекращаетъ стояніе. Но не заблуждается ли тотъ, кто думаетъ, что Евхаристія можетъ останавливать, а не усугублять наши обязанности? Когда пріемлемъ мы тѣло Христово: то причастіе къ оному отнюдь не освобождаетъ насъ отъ не-

(*) Достойно примѣчанія, какъ поступали первые Христіане при своемъ богослуженіи, а особливо въ отношеніи къ посту, отъ котораго не изъяты были и въ свѣтлое Христово Воскресеніе.

полненія другихъ обязанностей. Стоянія наши заимствуютъ имя свое отъ военныхъ стоянокъ или постоевъ. Ясно, что мы, составляя воинство Христово, не должны ни отъ радости ни отъ печали прерывать своихъ стояній. Когда мы радостны, то можемъ исполнять долгъ свой тѣмъ съ большею охотою; когда же имѣемъ причину сѣтовать, то должны бодрствовать тѣмъ съ большею бдительностію.

XV. Относительно одѣянія женщинъ въ церквахъ, человѣку, и особливо столь маловажному, какъ я, не прилично говорить что либо послѣ святаго Апостола, если бы я и не опирался на словахъ Апостола самаго. *Петръ*, одушевленный тѣмъ же духомъ, какимъ и *Павелъ*, изъясняется точно также и столь же ясно, какъ и сей послѣдній, на счетъ *лѣпоты одѣянія, обложенія злата и внѣшняго плетенія власъ* у женщинъ (1, II, 3). При входѣ въ церкви наши можно подумать, будто бы благочиніе наше не требуетъ, чтобы дѣвицы являлись подъ покрываломъ. Люди, желающіе чтобы дѣвицы были съ откровенною главою (I, Кор. XI, 5), стараются доказать, что Апостолъ, повелѣвая женамъ покрываться, разумѣлъ тутъ не весь женскій полъ, но однихъ замужнихъ женщинъ, и что, не наименовавъ при семъ случаѣ дѣвицъ, тѣмъ самымъ изъялъ ихъ отъ таковой обязанности. Они говорятъ, что Апостолъ не обинуясь могъ бы прямо сказать: жены и дѣвицы или весь женскій полъ.

XVI. Разсуждающіе такимъ образомъ должны бы припомнить, что въ древнѣйшихъ писаніяхъ имя жены всегда означало весь женскій полъ, а не часть его. Богъ назвалъ *Еву* женою, прежде даже нежели познала она мужа, и чрезъ то ознаменовалъ полъ ея въ общемъ видѣ. А какъ *Ева*, прежде нежели познала мужа или прежде замужства, названа женою: то имя

сіе очевидно приличествуетъ и дѣвицамъ. Апостолъ, вдохновенный тѣмъ же духомъ, какимъ исполнена книга Бытія и прочія Писанія, долженъ былъ выражаться въ томъ же смыслѣ, и наименовалъ женами всѣхъ уподобляющихся *Евѣ*, когда она была еще дѣвою. Впрочемъ не отличивъ тутъ дѣвицъ, какъ-то сдѣлано въ другомъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о замужствѣ (I. Кор. VII, 36), онъ показалъ тѣмъ, что не хотѣлъ ихъ исключать, потому что кто умѣлъ отличить дѣвицъ отъ женъ, и дать тѣмъ и другимъ свойственныя имена, когда дѣло шло о различіи ихъ, тотъ конечно не желалъ, чтобъ онѣ были отличаемы, когда онъ не именуетъ ихъ особо. Слова Апостола весьма ясны: *всяка жена, молитву дѣющая откровенною главою, срамляетъ главу свою*. Говоря *всяка жена*, онъ не дѣлаетъ никакого исключенія, точно также, какъ не исключаетъ никого и изъ мужчинъ, говоря, что *мужъ не долженъ есть покрывати главу*. Подобно какъ подъ именемъ *мужъ* надлежитъ понимать, что весь мужескій полъ, не исключая и мальчиковъ, долженъ быть съ открытою головою: такъ и подъ именемъ *жены* мы должны разумѣть, что имя сіе заключаетъ въ себѣ также и женщинъ не замужнихъ, то есть, дѣвицъ, которыя должны покрывать себя, такъ и всѣ прочія женщины. Въ томъ и другомъ полѣ молодые люди управляются одинакимъ со старшими закономъ. Если дѣвицы станутъ открывать головы: то слѣдуетъ и мальчикамъ носить покрывало, потому что о нихъ особаго на сей счетъ повелѣнія не дано. Если дѣвица не жена: то и мальчикъ не человѣкъ или не мужъ. Далѣе сказано, что *жена должна есть власть* (то есть знакъ мужней власти или покрывало) *имѣти на главѣ Ангелъ ради*. Можно ли же полагать, чтобъ это относилось только къ женщинамъ замужнимъ или потерявшимъ

дѣвство отъ прелюбодѣянія? Развѣ Ангелы не могутъ любить дѣвицъ? И такъ нѣтъ сомнѣнія, что Апостолъ подъ именемъ женъ разумѣлъ и дѣвицъ, такъ какъ и тѣ и другія одинакаго рода. Когда онъ говоритъ, что *самое естество учитъ женъ растить власы зане растѣніе власовъ вмѣсто одѣянія* и покрывала *дано бысть ей*: то не ясно ли, что доказательство сіе совершенно приличествуетъ не только женамъ, но и дѣвицамъ? Быть остриженною столько же постыдно для дѣвицы, какъ и для замужней женщины. Какъ природа даетъ имъ одинакое растѣніе волосъ: то онѣ должны въ семъ отношеніи и управляться одинакимъ закономъ, даже и тѣ изъ нихъ, которыхъ цѣломудріе защищается дѣтствомъ, потому что первоначально всѣ онѣ названы однимъ именемъ жены. Израильтяне строго соблюдали сей законъ; но если бъ они его и не держались, то мы, имѣя законъ усовершенствованный, должны его въ точности сохранять. Стало быть кто хочетъ, чтобы дѣвицы покрывались, тотъ правъ. Дѣти, не понимающія еще, какого онѣ пола, могутъ пользоваться преимуществомъ своей невинности. *Адаму* и *Евѣ* отверзлись очи не прежде, какъ когда почувствовали они наготу свою, и тогда только поняли они, что имъ надобно прикрыться (Быт. III, 7). Но какъ скоро наступитъ юношество, дисциплина должна измѣниться, подобно какъ измѣняется и природа. Дѣвицы принимаютъ вмѣстѣ и станъ и долгъ женщинъ. По настоящему не должно бы называть дѣвицею женщины возмужалой: возрастъ сей послѣдней таковъ, что она давно могла бы быть за мужемъ. Но есть между ими такія, которыя посвящаютъ себя Богу. Сіи-то особенно обязаны измѣнить головной свой уборъ и одѣваться подобно замужнимъ женщинамъ, то есть, носить покрывало. Онѣ должны показываться еще въ

скромнѣйшемъ видѣ, и всячески таить скрываемое ими ради Бога. Намъ надобно относить къ Богу все то, что мы дѣлаемъ единственно по Его благодати, и беречься искать похвалы отъ людей какъ бы въ вознагражденіе за ту жертву, которую одинъ Богъ помогаетъ намъ приносить. За чѣмъ тебѣ открывать, молясь предъ Богомъ, то, что ты скрываешь отъ людей? Развѣ ты хочешь быть менѣе скромною въ церкви, нежели на рынкѣ? Если ты отъ Бога получила благодать остаться дѣвственницею: то за чѣмъ гордиться тебѣ, какъ будто бы ты благодати сей не получила? Какое вліяніе надѣешься ты произвесть на другихъ своею выставкою? Думаешь ли ты привесть ихъ на добрый путь, превозносясь такимъ образомъ? Но ты сама подвергаешься великой опасности, въ которую вводишь и другихъ. Легко дать доступъ къ себѣ гордости. Носи покрывало, дѣвственница! Если ты дѣйствительно дѣвственница: то ты должна умѣть стыдиться и краснѣть. Если ты носишь имя дѣвственницы: то избѣгай взоровъ мужчинъ. Никто не долженъ видѣть лица твоего. Одѣвайся, какъ замужняя женщина, и пусть никто не подозрѣваетъ твоего укрывательства, которое впрочемъ и не укрывательство, потому что ты супруга Іисуса-Христа, и предала Ему свое тѣло. Повинуйся волѣ Божественнаго твоего Супруга. Если Онъ велитъ людскимъ женамъ покрываться: то кольми паче должны исполнять повелѣніе сіе собственныя Его супруги. Никто да не думаетъ, чтобъ уставы Апостоловъ могли быть отмѣнены какими либо частными обычаями, на которые опираются люди, утверждая, что не надобно принуждать дѣвицъ покрываться. Я впрочемъ не хочу принуждать къ тому тѣхъ изъ нихъ, которыя упрямятся ходить съ открытою головою. Пусть ихъ, если онѣ дѣйствительно дѣвственницы, и если то имъ угод-

но, употребляютъ во зло безопасность, даруемую имъ ихъ совѣстію и доброю молвою. Но дѣвицы, уже обрученныя, непремѣнно должны носить покрывало, какъ скоро подали руку жениху, и получили отъ него брачное лобзаніе. Съ тѣхъ поръ все въ нихъ перестало уже быть дѣвственнымъ, какъ то: возрастъ ихъ по своей возмужалости, плоть ихъ по возрасту, умъ по познанію самихъ себя, стыдливость по полученному ими лобзанію, надежда по цѣли ихъ желанія, душа по ея волѣ. Что касается до насъ: то мы ограничимся приведеніемъ въ примѣръ только *Ревекки*, которая, какъ скоро увидѣла предназначеннаго ей мужа, *вземши ризу лѣтнюю* (покрывало), *облечеся* (Быт. XXIV, 65).

XVII. Нѣкоторые Христіане, хотя и въ маломъ числѣ, полагаютъ, что не надобно становиться на колѣни во время молитвы. Какъ подобное различіе во внѣшнемъ богослуженіи наиболѣе замѣтно въ церкви: то я надѣюсь, что Богъ подастъ имъ благодать Свою или перестать отличаться въ томъ отъ братьевъ своихъ, или слѣдовать своему на сей счетъ понятію, не дѣлая соблазна. Мы, подражая обычаямъ нашихъ предшественниковъ, молимся стоя въ день Пасхи или въ свѣтлое Христово Воскресеніе, какъ въ торжественный радостный праздникъ, когда воздерживаемся отъ обнаруженія всякой печали и скорби. Въ слѣдующіе за тѣмъ пятьдесятъ дней мы исполняемъ религіозныя наши обязанности также въ веселіи, отлагая дѣла до другаго времени, дабы не впасть въ искушеніе. Но во дни поста и бдѣнія мы не иначе молимся, какъ съ колѣнопреклоненіемъ, стараясь всячески изъявлять наше смиреніе: тогда мы не только молимся, но и просимъ о прощеніи грѣховъ, совершаемъ дѣло покаянія. Что касается до часовъ молитвы: то тутъ

нечего инаго сказать, какъ что надобно молиться во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

XVIII. Но какимъ образомъ молиться на всякомъ мѣстѣ, когда намъ запрещено публичное богослуженіе? *Хощу*, говоритъ Апостолъ (I. Тим. II, 8), *да молитвы творятъ на всякомъ мѣстѣ*, гдѣ представится случай, или гдѣ потребуетъ надобность. Не надобно думать, чтобъ Апостолы нарушали сію заповѣдь, молясь и восхваляя Бога въ темницѣ, гдѣ стража могла ихъ слышать: или чтобы *Павелъ* упускалъ приносить святую жертву Евхаристіи на кораблѣ въ присутствіи можетъ быть всего экипажа.

XIX. Относительно часовъ молитвы, не безполезно держаться нѣкоторыхъ правилъ. Я хочу говорить о часахъ молитвы, вошедшихъ въ обычай и раздѣляющихъ день какъ бы на три почти равныя части: часъ третій, часъ шестый и часъ девятый (девять часовъ утра, полдень и три часа по полудни). Часы сіи главнѣйше обозначены въ священномъ Писаніи. Въ тотъ день, когда *Петръ* имѣлъ видѣніе о небесномъ сосудѣ, представлявшемъ всеобщность Церкви, онъ *взошелъ на горницу помолитися о часѣ шестомъ* (Дѣян. X, 9). Онъ же *съ Іоанномъ восхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый, гдѣ предъ дверьми нашли хромаго отъ рожденія* и его исцѣлили (Дѣян. III, 1—8). Хотя они дѣлали сіе, не имѣя на то положительнаго повелѣнія; но намъ не худо имъ подражать, и вмѣнить себѣ какъ бы въ законъ оставленіе дѣлъ въ извѣстные часы для молитвы. Такъ поступалъ Пророкъ *Даніилъ* по обычаю Израильтянъ. — И такъ станемъ молиться по крайней мѣрѣ три раза въ день во славу Отца и Сына и Святаго Духа, которымъ мы одолжены всѣмъ нашимъ существомъ. Я не включаю сюда необходимыхъ для каждаго изъ насъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ.

Мы не должны ни приступать къ яствамъ, ни ходить въ баню, не помолясь предварительно: духъ всегда долженъ очищаемъ быть прежде тѣла, равно какъ вещи небесныя всегда должны предшествовать земнымъ.

XX. Если братъ твой придетъ къ тебѣ въ домъ: то не отпускай его прежде, нежели съ нимъ помолишься. Видя брата, ты видишь Самаго Господа. Берегись паче всего отпускать странника безъ молитвы изъ опасенія, чтобы онъ не былъ Ангелъ Божій. Да не раздѣляетъ гость твой плотскаго твоего хлѣба прежде, нежели раздѣлитъ съ тобою молитву твою, которая есть хлѣбъ духовный. По этому онъ узнаетъ вѣру твою. Не иначе, какъ послѣ лобзанія мира, сопровождающаго молитву, можешь ты согласно съ заповѣдію смѣло сказать: миръ дому сему!

XXI. Ревностные Христіане обыкновенно присовокупляютъ къ молитвѣ гимны или псалмы, стихи которыхъ поютъ попеременно, когда нѣсколько ихъ соберется вмѣстѣ. Все то, чѣмъ мы занимаемся для Бога и что служитъ къ Его почитанію, само по себѣ хорошо. Духъ исполненный Бога, есть найлучшее жертвоприношеніе.

XXII. Въ семъ-то и состоитъ духовная жертва, замѣняющая всѣ древнія жертвоприношенія. *Что ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь; исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ* (Иса. I, 11 и 12)? Евангеліе научаетъ насъ тому, чего Господь требуетъ: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною... духъ есть Богъ* (Іоан. IV, 23 и 24). Вотъ почему Онъ требуетъ духовнаго поклоненія. Мы бываемъ истинные поклонники и истинные священники, когда представляемъ Богу духомъ нашимъ молитву, благопріятную Ему паче всего,

потому что Онъ самъ установилъ ее. Въ семъ состоитъ жертва, освящаемая любовію нашею, питаемая вѣрою, сохраняемая въ своей цѣлости невинностію, озаряемая истиною, очищаемая цѣломудріемъ, вѣнчаемая превосходствомъ любви, жертва, которую обязаны мы приносить на жертвенникѣ Божіемъ среди пѣсней и гимновъ, со всѣмъ велелѣпіемъ добрыхъ нашихъ дѣлъ. Сею жертвою мы получимъ все отъ Бога.

XXIII. Когда Богъ въ чемъ либо отказывалъ молитвѣ, возносимой къ Нему духомъ и истиною, какъ Онъ того желаетъ? Все то, что мы читали и слышали, все наше вѣрованіе неоспоримо доказываетъ дѣйствительность такой молитвы. Подъ древнимъ закономъ молитва могла уже ограждать людей отъ голода, отъ пожаровъ и отъ дикихъ звѣрей; но она не была еще образована и освящена Іисусомъ-Христомъ. Во сколько кратъ могущественнѣе молитва Христіанъ? Она не низводитъ Ангела, *яко духъ росы шумящъ, въ огненную пещь* (Дан. III, 50), она не сводитъ съ неба грубаго хлѣба алчущимъ, не отвращаетъ отъ васъ никакого страданія; но она подаетъ мужество страждущимъ и терпѣніе воздыхающимъ: сила ея умножаетъ благодать, дабы вѣра вѣдала, что страданія происходятъ отъ Бога и должны быть переносимы изъ любви къ Нему. Древле молитва могла низводить казни на людей, обращала въ бѣгство воинства, лишала землю благотворнаго дождя съ небесъ. Нынѣ молитва умѣетъ только устранять гнѣвъ Божій: Христіанинъ молится за враговъ и за гонителей своихъ. Вы удивляетесь, когда пріятная роса сходитъ съ неба по гласу молитвы, которая можетъ низвести съ него и самый громъ. Одна только молитва имѣетъ силу преклонять и умилостивлять Бога. Но Іисусъ-Христосъ не предоставилъ ей никакой власти надъ зломъ: все ея могу-

щество состоитъ въ томъ, чтобы доставлять счастіе намъ и другимъ людямъ. Тутъ она представляетъ изображеніе жизни Господа нашего, который, во время пребыванія Своего на земли, не зналъ ничего инаго дѣлать, какъ воскрешать мертвыхъ, укрѣплять слабыхъ, исцѣлять больныхъ, изгонять бѣсовъ, отверзать темницы и разрѣшать узы невинныхъ. Молитва изглаживаетъ грѣхи, удаляетъ искушенія, останавливаетъ мечь гоненія. Молитва утѣшаетъ немощныхъ и увеселяетъ сильныхъ. Молитва руководствуетъ странствователей, усмиряетъ грозы и приводитъ въ оцѣпененіе разбойниковъ. Молитва питаетъ бѣдныхъ и учитъ богатыхъ воздерживаться. Молитва возстановляетъ падшихъ, укрѣпляетъ колеблющихся и убѣждаетъ противящихся. Молитва есть огражденіе вѣры и щитъ нашъ противъ взоровъ злочестивцевъ, подстерегающихъ паденіе наше, чтобъ тому порадоваться. И такъ не станемъ ходить иначе, какъ подъ покровомъ сего оружія. Не будемъ забывать во время дня стояній, а ночью бдѣній нашихъ. Со всеоружіемъ молитвы должны мы защищать знамя нашего Владыки, и ожидать того знаменія, которое нѣкогда возвѣщено будетъ трубою Ангела. Всѣ Ангелы, всѣ твари молятся. Стада скота и звѣри лѣсные преклоняютъ колѣна, исходя изъ своихъ убѣжищъ: они подъемлютъ чело свое къ небу и привѣтствуютъ его своимъ мычаніемъ. Птицы съ наступленіемъ утра направляютъ полетъ свой къ небу: вмѣсто рукъ простираютъ онѣ свои крылья въ видѣ креста, и щебечутъ нѣчто такое, что походитъ на молитву. Что мнѣ остается еще сказать на счетъ сего необходимаго долга? Самъ Господь молился. Да будетъ же Ему честь и слава во вѣки вѣковъ!

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

О ТЕРПѢНІИ (*).

I. Признаюсь предъ Богомъ: слишкомъ много должно быть во мнѣ дерзости, что я осмѣливаюсь писать о терпѣніи, будучи не въ состояніи лично представить на сей счетъ никакого добраго примѣра. Кто предпріемлетъ хвалить какую либо добродѣтель, тотъ долженъ бы прежде всего доказать, что самъ исполняетъ ее, и такимъ образомъ уроки свои запечатлѣть опытомъ, дабы послѣ не постыдиться собственныхъ словъ, мало соотвѣтствующихъ дѣлу. Дай Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ подобный стыдъ научилъ меня впередъ терпѣнію! Впрочемъ бываютъ извѣстныя добродѣтели, исполненія которыхъ превосходитъ кажется силы человѣческія. Нужна особая помощь божественной благодати, чтобы можно было ихъ достигать и съ пользою употреблять. Всякое добро происходитъ отъ единаго Бога. Тотъ только и можетъ добро сіе сообщать другимъ, кто самъ имъ обладаетъ. А потому подобно больнымъ, не перестающимъ выхвалять здоровье тогда, какъ наименѣе имъ пользуются, я надѣюсь почерпать для себя нѣкоторый родъ утѣшенія отъ того, что буду бесѣдовать о такомъ добрѣ, котораго къ сожалѣнію въ себѣ не имѣю.

(*) Сочинена около 217 года по Р. Х.

Пожираемый всегда пламенемъ петерпѣнія, я долженъ безпрерывно воздыхать о моемъ исцѣленіи, усердно молиться о немъ и ничего не упускать къ полученію онаго, а особливо, когда чувствую слабость свою, помышляя, что не возможно ни вѣрѣ умножиться ни Христіанскому ученію укорениться, когда терпѣніе не придетъ на помощь. Да и дѣйствительно терпѣніе такъ неразлучно съ обязанностями къ Богу, что безъ него нельзя ни исполнять заповѣдей ни творить дѣлъ, благопріятныхъ Богу. Даже и живущіе во тьмѣ идолопоклонства не могутъ удержаться, чтобъ не приписать терпѣнію славнаго имени *верховной добродѣтели*. Философы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые считаются мудрѣйшими, столько уважаютъ терпѣніе, что, не смотря на различіе ихъ сектъ и мнѣній, всѣ они вообще отдаютъ справедливость сей добродѣтели. Они соединенными силами вступаются за нее, и привязываются къ ней для прославленія имени своего въ свѣтѣ: однимъ словомъ, они почитаютъ себя потолику мудрыми, поколику терпѣливы. Если же человѣческая философія поставляетъ свою славу и честь въ превозношеніи изящества сей добродѣтели: то не стыдно ли намъ столь божественное сокровище предоставлять на произволъ одному языческому мудрованію? И такъ оставимъ на сей разъ въ сторонѣ сихъ горделивыхъ мудрецовъ, которыхъ недостаточествующая мудрость нѣкогда упразднится и уничтожится вмѣстѣ со вселенною.

II. Что касается до насъ: то мы имѣемъ дѣйствительнѣйшее и прочнѣйшее побужденіе употреблять терпѣніе. Не тщеславіе, не выказка, не циническое безуміе, должны подвигать насъ къ сей добродѣтели. Верховное и животворное правило небеснаго ученія, представляя намъ Бога за образецъ терпѣнія, обязываетъ насъ быть столько же терпѣливыми, какъ и Самъ

Онъ. Онъ допускаетъ солнцу Своему освѣщать добрыхъ и злыхъ, позволяя тѣмъ и другимъ пользоваться одинаково выгодами годовыхъ временъ, стихіями и дарами природы. Будучи Богомъ, Онъ сноситъ терпѣливо неблагодарность народовъ, не престающихъ хулить имя Его, обижать Его служителей, и простирающихъ дерзость свою до того, что они смѣютъ покланяться творенію рукъ своихъ. Онъ терпитъ распутство, скупость, неправду и другія постыдныя безчинства, вседневно умножающіяся въ мірѣ; терпитъ, говорю, безчинства сіи съ такою благостію, что кажется какъ будто бы вредитъ чрезъ то Своему всемогуществу. Подлинно многіе, смотря на сіе, осмѣливаются иногда сомнѣваться, существуетъ ли Богъ, потому что они не понимаютъ, для чего Онъ столь медлителенъ въ наказаніи преступленія.

III. Въ семъ состоитъ первоначальная картина терпѣнія, которую сей божественный Учитель представляетъ намъ какъ бы въ перспективномъ отдаленіи, дабы мы взирали на нее, какъ на небесную добродѣтель. Но что сказать о Божескомъ терпѣніи, проявившемся на земли между людьми, осязавшими Его такъ сказать перстами въ лицѣ Іисуса-Христа? Сей человѣко-Богъ не отрекается пребывать скрытымъ въ утробѣ Матери, гдѣ выжидаетъ обыкновеннаго срока рожденія; потомъ растетъ подобно другимъ людямъ. Пришедши въ возрастъ, Онъ не старается быть узнаннымъ; напротивъ того кажется Самъ Себѣ оказываетъ несправедливость, допустивъ служителя Своего крестить Себя, и подвергши Себя искушенію отъ діавола. Содѣлавшись изъ повелителя вселенной Учителемъ нашимъ для указанія намъ пути спасенія, привыкши переносить погрѣшности людскія, Онъ *не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа Его;*

трости сокрушенны не преломитъ, и льна внемщася не угаситъ (Мат. XII, 19). Такъ-то долженствовало оправдаться предсказаніе пророка или паче свидѣтельство Самаго Бога, удостовѣряющаго насъ, что Онъ вселилъ духъ Свой въ Сына Своего съ духомъ всецѣлаго и всеобщаго терпѣнія (Исх. XLII, 1). Онъ не отвергаетъ никого, кто хочетъ съ Нимъ соединиться, не презираетъ ни чьего дома и стола, не гнушается ни грѣшниками ни мытарями (Лук. XV, 1-4), не гнѣвается на жителей Самарянскаго города, не хотѣвшихъ Его принять, тогда какъ ученики Его, раздраженные наглостію сихъ жителей, требуютъ, чтобъ *огнь съ небеси низшелъ* на ихъ городъ (Лук. IX, 54). Онъ исцѣляетъ девять неблагодарныхъ прокаженныхъ (Лук. XVII, 17), прощаетъ Своимъ хулителямъ (Мат. XII, 32), умываетъ ноги Своимъ ученикамъ (Іоан. XIII, 5). Онъ терпѣлъ въ сообществѣ Своемъ *Іуду* предателя и не хотѣлъ объявить имени его другимъ ученикамъ, кромѣ *Іоанна* (Іоан. XIII, 22).

Когда Онъ былъ преданъ врагамъ Своимъ и веденъ на жертву *безгласенъ, не отверзая устъ, яко агнецъ предъ стригущимъ его* (Ис. LIII, 7): тогда сей Царь небесъ, который могъ бы однимъ словомъ призвать къ Себѣ на помощь легіоны Ангеловъ, не позволяетъ *единому отъ сущихъ съ Нимъ* извлечь ножъ для защиты Его (Мат. XXVI, 51). Терпѣніе Его получаетъ какъ бы рану отъ нанесенной *Малху* раны. *Вси пріемшіи ножъ*, говоритъ Онъ, *ножемъ погибнутъ;* и исцѣливъ чудесно раба сего, мститъ такимъ образомъ тому, кого не обижалъ. Я не говорю о смерти Его на крестѣ, потому что Онъ на сіе пришелъ. Однакожъ нужно ли было, чтобы сія тяжкая смерть была предшествуема и сопровождаема столь многими страданіями? Конечно нѣтъ. Но Онъ хотѣлъ въ качествѣ

жертвы упитаться и пресытиться плодами терпѣнія, прежде нежели совершитъ оную. Ему плюютъ въ лице, Его сѣкутъ до крови, Ему ругаются, на Него надѣваютъ въ насмѣшку багряную ризу, на главу Его возлагаютъ терновый вѣнецъ (Мат. XXVI, 67, XXVII, 29). Чудное равнодушіе, неслыханное и неизмѣнное мужество! Тотъ, кто восхотѣлъ скрыться подъ образомъ человѣческимъ, ни въ чемъ не подражаетъ человѣческому терпѣнію. О вы, фарисеи! По сему одному знаменію вы бы должны были познать своего Бога. Никакой обыкновенный человѣкъ не въ состояніи показать такого терпѣнія. Столько примѣровъ кротости и воздержанія, служащихъ по своему безмѣрному величію предлогомъ къ невѣрію народовъ, должны были напротивъ того возбудить и укрѣпить вѣру нашу во Іисуса-Христа, потому что ясно показываютъ намъ, сколько по множеству страданій Его, столько и по мудрости Его поученій, что божественное терпѣніе содѣлалось въ Немъ какъ бы естественнымъ качествомъ, возвышающимъ сіяніе другихъ Его доблестей.

IV. Если въ мірѣ добрые слуги соображаются со склонностями своихъ господъ: то кольми паче мы обязаны изъявлять наше сообразіе съ волею Господа нашего. Мы дѣйствительно служители Бога живаго, котораго суды не ограничиваются временными наградами или казнями, но простираются на вѣчное наше счастіе или несчастіе. Чтобъ избѣжать Его строгости или заслужить милосердіе Его, намъ надобно быть столько же скорыми Ему повиноваться, сколько Его угрозы сами по себѣ страшны и обѣты вожделѣнны. Мы хотимъ, чтобы повиновались намъ не только рабы и подчиненные наши, но и самыя животныя, въ томъ увѣреніи, что онѣ сотворены для пользы нашей. Какъ же это? Твари, которыхъ Богъ подчинилъ волѣ нашей,

будутъ кротки и слушаться нашего голоса; а мы, преисполненные тщеславія, не станемъ повиноваться верховному Владыкѣ, отъ котораго совершенно зависимъ? Какая неблагодарность, какая несправедливость не воздавать Богу послушанія, котораго Богъ позволилъ намъ требовать отъ другихъ! Но къ чему столько разсуждать для убѣжденія нашего въ томъ, что мы непремѣнно должны подчиняться величію Божію? Не достаточно ли одного познанія Бога, чтобы научить насъ нашимъ къ Нему обязанностямъ? Впрочемъ да не подумаетъ кто либо, что сіе отступленіе на счетъ повиновенія, не важно для нашего предмета. Подчиненность есть дѣло терпѣнія. Нетерпѣливый человѣкъ не можетъ подчиняться, а терпѣливый не можетъ не подчиняться. Посему-то нельзя довольно восхвалить такой добродѣтели, которую Самъ Господь, виновникъ и воздаятель всякой добродѣтели, прославилъ въ Своемъ лицѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ желающіе принадлежать Богу, должны всемѣрно стараться о пріобрѣтеніи того блага, которое есть благо Божіе. Вотъ вкратцѣ причины, долженствующія побуждать и пріучать насъ къ терпѣнію.

V. Не безполезно однакожъ еще болѣе побесѣдовать о предметѣ, имѣющемъ столь необходимое отношеніе къ нашей вѣрѣ. Хотя обширныя рѣчи иногда и достойны порицанія, но не тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ исправленіи нравовъ. Когда мы хотимъ основательно разсуждать о какой либо добродѣтели: то весьма часто должны говорить о противоположномъ ей порокѣ. Яснѣе бываетъ видно, чему слѣдовать, когда извѣстно, чего избѣгать должно. Разсмотримъ, что такое есть *нетерпѣніе*, не происходитъ ли оно отъ діавола, подобно какъ терпѣніе происходитъ отъ Бога. Симъ способомъ намъ легко будетъ узнать, сколько

порокъ сей противенъ вѣрѣ нашей. Что происходитъ отъ соперника Божія, то конечно не можетъ соединяться съ Божіими дѣлами: тутъ столько же противоположности въ дѣйствіяхъ, какъ и въ причинахъ. Какъ Богъ безконечно благъ, а діаволъ преисполненъ злобы: то сіе различіе очевидно показываетъ, что одинъ ничего не дѣлаетъ для другаго. Что само по себѣ зло, то не можетъ производить никакого добра; равнымъ образомъ что добро, то не можетъ производить никакого зла.

Я полагаю, что нетерпѣніе беретъ начало свое дѣйствительно отъ діавола. Діаволъ произвелъ его на свѣтъ, будучи не въ состояніи стерпѣть, что человѣкъ, живый образъ Божій, получилъ отъ Создателя власть надъ всѣми земными вещами. Если бы онъ перенесъ терпѣливо сіе верховное опредѣленіе: то не почувствовалъ бы отъ того никакой досады; не имѣя же досады, не позавидовалъ бы и счастію человѣка, которому подставилъ онъ пагубныя свои сѣти единственно изъ зависти. Онъ сдѣлался завистливъ, потому что былъ раздосадованъ; онъ подвергся досадѣ, потому что былъ нетерпѣливъ. Не для чего разбирать, чѣмъ первоначально руководствовался сей ангелъ погибели, злобою ли или нетерпѣніемъ. Извѣстно, что злоба въ немъ родилась съ нетерпѣніемъ, или что нетерпѣніе родилось въ немъ со злобою, и что потомъ обѣ сіи страсти продолжали усиливаться въ нѣдрахъ своего отца. Такимъ образомъ діаволъ собственнымъ опытомъ позналъ, сколько нетерпѣніе способно побуждать ко грѣху. Зная, что первый грѣхъ долженъ войти въ міръ путемъ нетерпѣнія, онъ избралъ путь сей, чтобы сдѣлать человѣка преступнымъ. Слѣдуя симъ путемъ, сей хитрый змѣй является къ *Евѣ*; и начавъ бесѣду, заразительнымъ дыханіемъ своимъ все-

ляетъ въ нее ядъ нетерпѣнія. *Ева* никогда бы не согрѣшила, если бы терпѣливо покорилась послѣдовавшему отъ Бога запрещенію. Но не довольствуясь тѣмъ, что сама заразилась симъ проклятымъ дыханіемъ, она не можетъ уже хранить молчанія, и изнемогая подъ симъ бременемъ, горитъ нетерпѣніемъ говорить съ *Адамомъ*, который съ своей стороны не въ состояніи противиться сему бурному потоку, и язва сія, сообщенная діаволомъ, распространилась во всемъ мірѣ.

Вотъ какъ нетерпѣніе первой жены ввело въ погибель перваго человѣка, и какъ первый человѣкъ погибъ равномѣрно отъ своего нетерпѣнія, съ одной стороны не покорясь терпѣливо заповѣди Божіей, а съ другой поддавшись подло искушенію діавола. Вотъ происхожденіе грѣха и источникъ небеснаго суда противъ рода человѣческаго. Гнѣвъ Божій начался съ того, съ чего началось сдѣланное Ему человѣкомъ оскорбленіе, или лучше сказать, первая причина негодованія Господня обнаружила первые признаки божественнаго Его терпѣнія. Онъ удовольствовался изреченіемъ діаволу проклятія, и остановилъ дальнѣйшій праведный гнѣвъ Свой даже и на него.—Спрашивается: въ какомъ преступленіи можно бы было обвинить человѣка прежде преступленія, оказаннаго имъ своимъ нетерпѣніемъ? Онъ жилъ въ невинности и такъ сказать въ пріязни съ Богомъ: онъ обиталъ въ раю. Но когда онъ палъ отъ нетерпѣнія: то пересталъ быть и угоднымъ Богу, пересталъ имѣть вкусъ и къ небеснымъ вещамъ. Послѣ того будучи изгнанъ отъ присутствія Божія, и заточенъ въ сію юдоль плачевную, онъ легко допустилъ господствовать надъ собою нетерпѣнію, которое сдѣлалось въ немъ источникомъ всѣхъ его преступленій противъ Создателя. Сія несчастная страсть, возбуждаемая діаволомъ, вскорѣ поро-

дила гнѣвъ, споспѣшествуемый злобою. Когда присуждены къ смерти *Адамъ* и *Ева*, нетерпѣніе научило сына ихъ *Каина* совершить человѣкоубійство. Онъ не вытерпѣлъ что жертва его не была принята Богомъ, воспылалъ гнѣвомъ противъ *Авеля* и умертвилъ его. А какъ онъ не могъ его умертвить, не будучи увлеченъ гнѣвомъ, и не могъ быть гнѣвомъ увлеченъ, не будучи побужденъ къ тому нетерпѣніемъ: то очевидно, что исполненное имъ отъ гнѣва должно приписано быть причинѣ, возбудившей въ немъ гнѣвъ. Въ семъ состояла нѣкоторымъ образомъ колыбель рождающагося нетерпѣнія. Но какое было потомъ возрастаніе его? Оно было безмѣрно. Удивляться тутъ нечему. Если нетерпѣніе породило первое преступленіе: то изъ сего слѣдуетъ заключить, что оно, предшествуя всѣмъ другимъ страстямъ, есть какъ бы источное происхожденіе всѣхъ нашихъ грѣховъ, потому что всѣ грѣхи истекаютъ изъ нѣдръ его, подобно какъ многія вѣтви происходятъ отъ одного корня.

Мы объяснили это относительно перваго человѣкоубійства, проистекшаго непосредственно отъ гнѣва; но какія бы ни были въ послѣдствіи къ тому побужденія, всегда начальною причиною всякаго убійства было и есть нетерпѣніе. Изъ зависти ли или изъ сребролюбія исполняется сіе преступленіе, нетерпѣніе играетъ всегда тутъ главную ролю, не желая и не думая противиться ненависти или скупости. Вообще во всякомъ дурномъ дѣлѣ участвуетъ нѣкоторый родъ нетерпѣнія, потому что мы хотимъ какъ можно скорѣе совершить его. Любодѣяніе происходитъ отъ того, что мы не принимаемъ труда бороться долѣе съ искушеніями плоти. Если вы скажете, что одно изъ главныхъ побужденій, заставляющихъ женщинъ торговать своею честію, есть сребролюбіе: то я полагаю, что

сей преступный торгъ проистекаетъ отъ постыднаго и торопливаго стремленія къ пріобрѣтенію денегъ. Я упомянулъ здѣсь только о двухъ порокахъ, потому что они наиболѣе общи и преступны предъ Богомъ. Но однимъ словомъ сказать, всякой грѣхъ происходитъ отъ нетерпѣнія. Человѣкъ золъ, потому что не хочетъ принять на себя труда быть добрымъ. Несносна бываетъ чистота для безстыднаго, честность для злодѣя, благочестіе для нечестивца, спокойствіе для наглеца. Мы становимся порочными, потому что не въ состояніи долѣе соблюдать добродѣтели. И такъ нетерпѣніе, будучи источникомъ грѣховъ, можетъ ли не оскорблять несказанно Того, кто не можетъ одобрять никакого грѣха?

Впрочемъ извѣстно, что нетерпѣніе было главною причиною множества возмущеній, въ которыя Израильтяне такъ часто вдавались противъ Господа. Да и въ самомъ дѣлѣ отъ чего сей неблагодарный народъ, забывъ всемогущую руку, избавившую его отъ жестокой Египетской неволи, потребовалъ отъ *Аарона* новыхъ боговъ, которые бы вели ихъ въ обѣтованную землю? Отъ чего мужчины и женщины, простирая наглость свою до крайности, рѣшились охотно пожертвовать золотомъ своимъ для содѣланія публичнаго идола? Сія преступная дерзость происходила отъ нетерпѣнія ихъ, состоявшаго въ томъ, что *Мойсей* долго бесѣдовалъ съ Богомъ, сколько впрочемъ бесѣда сія ни была необходима. Вотще пресыщались они чудеснымъ образомъ манною, падавшею съ неба въ видѣ питательной росы. Вотще утоляли они жажду свою водою, извлеченною изъ камня. Недовѣріе ихъ къ Господу продолжалось. Трехдневная жажда ихъ изнуряетъ: они не могутъ долѣе ее переносить. Самъ Богъ укоряетъ ихъ за такое нетерпѣніе. Вообще,

чтобы слишкомъ не распространяться, всѣ несчастія Іудейскаго народа происходили отъ недостатка терпѣнія. За что умерщвляли они своихъ пророковъ? За то, что не могли переносить ихъ наставленій. За что умертвили самаго Іисуса-Христа? За то, что не могли переносить Его присутствія. Они не были бы столько несчастны, если бы были болѣе терпѣливы.

VI. Ко всему вышеприведенному прибавимъ еще и то, что терпѣніе всегда предшествуетъ и послѣдуетъ вѣрѣ. *Авраамъ вѣрова Богу, и* (вѣра) *вмѣнися єму въ правду* (Быт. XV, 6). Сей отецъ вѣрующихъ терпѣніемъ стяжалъ вѣру, когда повелѣно было ему принести въ жертву сына своего: покорности такой требовалъ отъ него Богъ не столько для испытанія вѣры *Авраамовой*, сколько для показанія заблаговременно образа Того, кто долженствовалъ покоренъ быть даже до смерти. Богъ совершенно зналъ человѣка, почитаемаго Имъ за праведника, и человѣкъ сей, получивъ безмолвно строгое повелѣніе, данное ему для испытанія покорности его, безъ сомнѣнія привелъ бы его хладнокровно въ дѣйствіе, если бы то угодно было Господу. Не безъ причины осыпанъ онъ былъ благословеніями: онъ повѣрилъ и остался вѣрующимъ, потому что былъ терпѣливъ. Такимъ образомъ вѣра, увѣнчанная содѣйствіемъ терпѣнія, распространившись потомъ по вселенной чрезъ Іисуса-Христа, названнаго въ священномъ Писаніи сыномъ *Авраамовымъ* (Мат. I, 1), поставила терпѣніе, подружіе свое, во главу закона и скрѣпила его какъ бы печатію, тѣмъ болѣе, что добродѣтели сей прежде не доставало для правды и святости. Прежде воздаваемо было око за око, зубъ за зубъ, зло за зло: терпѣніе не было еще извѣстно всюду, потому что и вѣра также не была извѣстна. Нетерпѣніе пользовалось случаями, гдѣ законъ не оста-

павливалъ его. Это было естественно: виновникъ и Учитель терпѣнія еще не являлся. Но по пришествіи Его все измѣняется. Благодать вѣры основывается на терпѣніи. Не позволено уже оскорблять: нельзя уже поступать гнѣвно съ ближнимъ, не подвергаясь суду. Гнѣвъ воспрещенъ, озлобленіе изгнано, запальчивость укрощена, ядъ злословія лишенъ силы. Законъ много пріобрѣлъ отъ того, что Іисусъ-Христосъ сказалъ: *любите враги ваша, благословите кленущыя вы, молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгоняющыя вы, да будете сынове Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. V, 44, и 45). Вотъ какого Отца, Отца не земнаго, но небеснаго, пріобрѣтаемъ мы чрезъ терпѣніе. Въ означенной главной заповѣди заключается вся важность сей добродѣтели, потому что намъ не позволено оскорблять ближняго даже и въ насмѣшку.

VII. Если мы захотимъ пройти всѣ другіе предметы, возбуждающіе нетерпѣніе: то найдемъ на каждый изъ нихъ приличную существу дѣла заповѣдь. Тронутъ ли ты потерею богатствъ своихъ? Господь тысящекратно повелѣваетъ тебѣ презирать міръ, или лучше сказать научаетъ тебя, какъ презирать временныя блага, потому что нигдѣ Самъ Онъ не оказываетъ къ нимъ ни малѣйшаго уваженія. Повсюду оправдываетъ Онъ бѣдныхъ, повсюду осуждаетъ богатства. Такъ-то, вселяя въ насъ отвращеніе къ мірскимъ благамъ, Онъ поучаетъ насъ терпѣнію, и предписываетъ намъ переносить уменьшеніе ихъ безропотно. Какъ это? Вотъ какъ. Съ одной стороны надобно намъ отвлекать сердце свое отъ привязанности къ богатству, а съ другой ни во что ставить потерю его. Мы обязаны спокойно смотрѣть, когда кто лишаетъ насъ чести или даже и всего имущества, какъ такой вещи, которую запрещено намъ любить. Духъ

Святый объявилъ намъ устами Апостола, что сребролюбіе есть корень всѣхъ золъ; но мы не должны полагать, чтобы сребролюбіе сіе состояло только въ желаніи овладѣть благомъ ближняго нашего. Нѣтъ! Даже и то, что мы считаемъ своимъ, не есть наше. Мы ничего не имѣемъ: все принадлежитъ Богу, которому и сами мы принадлежимъ. И такъ когда случится намъ что потерять, и мы переносимъ то съ нетерпѣніемъ: то чрезъ сіе показываемъ, что мы не свободны еще отъ сребролюбія, потому что жалѣемъ о томъ, что намъ принадлежитъ. Огорчаться потерею того, что не наше, значитъ желать чужаго. Кто, предпочитая благамъ небеснымъ блага земныя, падаетъ подъ бременемъ несчастія, тотъ грѣшитъ прямо противъ Бога. Почему? Потому, что изъ любви къ временнымъ вещамъ онъ унижаетъ душу свою, сотворенную единственно для благъ небесныхъ. Такимъ образомъ мы должны мужественно отрекаться отъ земныхъ вещей, и непрестанно созерцать блага небесныя. Пусть весь міръ погибнетъ со своими благами: намъ до того дѣла нѣтъ, лишь бы только богаты мы были терпѣніемъ.

Съ другой стороны я спрашиваю: кто съ нетерпѣніемъ переноситъ потерю имущества, похищеннаго у него, или другимъ какимъ образомъ отнятаго, тотъ въ состояніи ли самъ лишить себя сего имущества, чтобы подать какую либо милостыню? Кто не хочетъ, чтобы другіе его оскорбляли, тотъ можетъ ли имѣть охоту оскорблять самаго себя? Терпѣніе въ несчастіи есть такое упражненіе, посредствомъ котораго мы пріучаемся удѣлять часть своего имущества другимъ. Кто не жалѣетъ терять, тотъ не жалѣетъ и давать. Какъ хотите вы, чтобы человѣкъ, имѣющій двѣ ризы, отдалъ одну изъ нихъ бѣдному, когда онъ не располо-

женъ уступить срачицы тому, кто отнялъ у него ризу (Лук. VI, 29)? Какъ можемъ мы пріобрѣсть друзей своими богатствами, когда сердце наше такъ къ нимъ привязано, что потеря ихъ дѣлаетъ насъ неутѣшными? Мы столько несчастны, что въ состояніи погибнуть вмѣстѣ съ ихъ лишеніемъ. Но чего намъ искать на землѣ, гдѣ нѣкогда должны мы будемъ все потерять? Пусть будетъ удѣломъ язычниковъ предаваться нетерпѣнію при несчастіи, потому что они уважаютъ болѣе богатства, нежели душу свою. Они доказываютъ то самымъ дѣломъ, когда изъ любви къ пріобрѣтенію подвергаются всѣмъ опасностямъ моря, потому что такая дерзость бываетъ иногда для нихъ прибыльна. Для сего, изъ желанія стяжать себѣ знатное имущество, они стараются вчинать такія тяжбы, которыхъ и преступникъ побоялся бы защищать. Для сего во избѣжаніе бѣдности они нанимаются въ работники къ какому либо наглому комедіанту или грубому гладіатору. Для сего они устремляются на большія дороги, какъ хищные звѣри, чтобъ обворовывать, грабить и умерщвлять проходящихъ. Что касается до насъ Христіанъ: то мы, будучи обязаны слѣдовать со всѣмъ другимъ правиламъ въ сравненіи съ ними, должны жертвовать не душею деньгамъ, но деньгами душѣ, охотно давая, и теряя безропотно.

VIII. Впрочемъ мы въ сей бѣдственной жизни подвержены величайшимъ испытаніямъ, и Евангеліе велитъ намъ иногда переносить срамъ и поношеніе, не смотря на наше къ тому отвращеніе. Не уже ли же станемъ мы смертельно огорчаться легкими оскорбленіями? Прочь отъ насъ такая слабость! Не дай Богъ, чтобы терпѣніе наше, искушаемое вседневно тяжкими ударами, постыднымъ образомъ изнемогало отъ легкихъ обидъ. Подвергшись поруганію, вспомни

о словахъ Спасителя: *аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мат. V, 39). Утоми наглость другаго твоимъ терпѣніемъ. Какъ бы ни унизительно и ни жестоко было получаемое тобою отъ противника твоего оскорбленіе, ты не долженъ на него сердиться: онъ тѣмъ тяжелѣ наказанъ за то будетъ Господомъ, потому что ты терпишь изъ любви къ Нему. Нельзя тебѣ лучше отмстить врагу своему, какъ снося терпѣливо дурные его съ тобою поступки. Приведи себѣ на память слова Евангелія: *егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, радуйтеся и веселитеся* (Мат. V, 11 и 12). Самъ Господь, сколь ни достоинъ всевозможнаго благословенія, не избѣгъ поруганій на крестѣ. Послѣдуемъ же подобному Учителю. Пускай міръ насъ проклинаетъ, лишь бы Отецъ небесный насъ благословлялъ. Если чувствительно оскорбляетъ меня злословіе: то я долженъ буду или воздавать зло за зло, или, скрѣпя сердце, мучиться внутренно отъ нетерпѣнія. Но когда я мстить стану обидой за обиду: то какимъ образомъ быть мнѣ вѣрнымъ ученикомъ Христовымъ? Господь предувѣдомилъ насъ, что мы отдадимъ отчетъ за всякое пустое и безполезное слово: какой же отчетъ отдадимъ за слова обидныя и оскорбительныя? Извѣстно, что божественный нашъ Учитель повелѣваетъ намъ сносить терпѣливо отъ другихъ всякое зло, подъ строжайшимъ запрещеніемъ воздавать зло за зло ближнему.

Разсмотримъ съ другой стороны пріятность, приносимую терпѣніемъ. Какія бы стрѣлы клевета или злоба ни изощряли противъ терпящей души, онѣ останутся безсильны, ударяясь какъ бы о твердую каменную стѣну. Тщетно будутъ онѣ напрягать лукъ: стрѣла или падетъ на землю или обратится стремительно на самаго стрѣльца. Положимъ, что кто либо тебя ос-

корбилъ, разумѣется съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы нанесть тебѣ жестокій ударъ: для оскорбляющаго ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ чтобы оскорбленный чувствовалъ отъ того боль. Но если случится, что ожиданіе его не исполнится по причинѣ твоего терпѣнія: то боль должна обратиться къ врагу твоему, не успѣвшему пожать плода отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ ты не только тутъ не будешь уязвленъ (а и этого уже для тебя довольно); но еще будешь имѣть удовольствіе видѣть, что ожиданіе его осталось тщетнымъ, и что боль, которую онъ хотѣлъ тебѣ причинить, обратилась къ нему самому. Вотъ пріятные плоды терпѣнія.

IX. Бываетъ нетерпѣніе не извинительное, хотя сначала и кажется какъ бы законнымъ: это случается, когда мы предаемся неумѣренной печали, теряя кого либо изъ ближнихъ. Въ подобномъ случаѣ, надобно вспомнить, какое утѣшительное самоотверженіе преподаетъ намъ на сей счетъ Апостолъ: *Не хощу васъ, братіе,* говоритъ онъ, *не вѣдѣти, о умершихъ да не скорбите, яко же и прочіи* (язычники) *не имущіи упованія* (1. Сол. IV, 13). Увѣщаніе сіе весьма разсудительно. Вѣря воскресенію Христову, мы вѣруемъ, что и сами воскреснемъ, потому что Іисусъ-Христосъ умеръ и воскресъ именно за насъ. Будучи такимъ образомъ удостовѣрены, что всѣ нѣкогда воскреснутъ, мы не должны ни огорчаться смертію ближнихъ, ни изнемогать тутъ отъ скорби. За чѣмъ печалиться, когда вы знаете, что они не перестали жить? За чѣмъ предаваться нетерпѣнію за то, что тотъ, кто непремѣнно возвратится, удалился отъ васъ на нѣкоторое время? То, что вы именуете смертію, собственно не иное что есть, какъ путешествіе: покойникъ долженъ возвратиться. Стало быть отнюдь не слѣдуетъ оплакивать того, кто ото-

шелъ первый, а развѣ можно пожалѣть только о немъ, какъ о человѣкѣ, который отправляется въ трудную дорогу; но и сіе сожалѣніе должно быть умѣряемо терпѣніемъ. Да и подлинно, за чѣмъ слишкомъ скорбѣть объ отшествіи того, за кѣмъ скоро пойдемъ мы въ слѣдъ? Прибавьте къ тому, что нетерпѣніе въ семъ случаѣ есть худое предзнаменованіе нашей надежды, и служитъ какъ бы укоризною вѣрѣ нашей. Мы оскорбляемъ Іисуса-Христа, когда о тѣхъ, кого призываетъ Онъ во Свое царствіе, скорбимъ, какъ о людяхъ, сожалѣнія достойныхъ. Если мы огорчаемся тѣмъ, что другіе достигли уже цѣли своихъ желаній: то не показываемъ ли чрезъ сіе, что сами не хотимъ того удостоиться?

X. Другой важный предметъ нетерпѣнія есть пристрастіе къ мщенію для удовлетворенія нашей гордости или злобы, гордости всегда суетной, злобы всегда преступной, особенно въ томъ случаѣ, когда онѣ поставляютъ себя судьями въ собственномъ дѣлѣ, и произносятъ дерзкій приговоръ противъ ближняго. Гордость и злоба, воздавая зло за зло, воздаютъ вдвое за то зло, которое сами получили: онѣ мстятъ (это одно зло), и вмѣстѣ оскорбляютъ (это другое зло). Мщеніе служитъ утѣшеніемъ только безумцамъ и варварамъ. Мудрецъ и Христіанинъ считаютъ его вообще за дѣйствіе злобы. Какое различіе, говорятъ они, между такимъ человѣкомъ, который нападаетъ, и между такимъ, который, подвергшись нападенію самъ тоже дѣлаетъ! Различіе только въ томъ, что тотъ есть первый нападчикъ, а сей вторый. Между тѣмъ оба они виновны предъ тѣмъ Существомъ, которое судитъ и караетъ всякаго злодѣя. Быть послѣднимъ обидчикомъ не извиненіе: время и мѣсто не раздѣляютъ того, что соединено однимъ и тѣмъ же качествомъ.

Данное намъ повелѣніе не воздавать зла за зло, положительно. Какую честь воздадимъ мы Богу, когда станемъ себѣ присвоивать право защищать сами себя тѣми способами, какіе намъ будутъ угодны?

Мы, будучи черви земные, исполненные слабостей и недостатковъ, любимъ осуждать служителей своихъ, осмѣливающихся обнаруживать месть свою противъ другихъ. Мы одобряемъ тѣхъ изъ нихъ, которые, помня низость своего происхожденія, свою покорность и уваженіе къ господамъ, имѣютъ нужду прибѣгать къ намъ, и доставляемъ имъ въ семъ случаѣ иногда еще большее удовлетвореніе, нежели какое могли бы они сами получить. Не уже ли же подвергнемся мы какой опасности, ввѣривъ нужды наши Богу, верховному Властителю, Богу, столь справедливому въ Своихъ судахъ, столь всемогущему въ исполненіи видовъ Своихъ? Напрасно будемъ мы Его почитать судіею, не признавая Его вмѣстѣ и мстителемъ. Подъ симъ послѣднимъ именемъ мы должны принимать Его, когда Онъ говоритъ: *пріиметъ судъ рука Моя, и воздамъ месть врагомъ* (Второз. XXXII, 41), то есть, какъ бы сказалъ Онъ: положитесь на Меня въ разсужденіи причиненной вамъ обиды, и терпѣніе ваше получитъ возмездіе. Когда Господь нашъ говоритъ: *не судите, да не судимы будете* (Мат. VII, 1), не требуетъ ли Онъ, чтобы мы имѣли терпѣніе? О комъ можно сказать, чтобы не судилъ другихъ, какъ не о томъ, кто не старается себя защищать? Напротивъ того, кто самъ судитъ и рядитъ, тотъ, хотя бы хотѣлъ и милость оказать, не избѣгнетъ упрека, что осудилъ кого либо неосновательно, и тѣмъ самымъ присвоилъ себѣ такъ сказать честь, принадлежащую верховному Судіи.

Сколь многимъ несчастіямъ нетерпѣніе подвергало мстительныхъ людей? Сколько разъ люди раскаивались,

что доставляли себѣ удовлетвореніе за обиду? Сколько разъ упорное рвеніе преслѣдовать соперника, производило болѣе печали, нежели какой подавали къ тому поводъ причины сего рвенія? Отъ чего это? Отъ того, что когда мы предпринимаемъ что либо по нетерпѣнію: то не можемъ выполнить того безъ нетерпѣнія. Обыкновенно что̀ дѣлается съ запальчивостію, то или не достигаетъ цѣли, или падаетъ само собою, или уносится на воздухъ. Тогда если ты въ состояніи мстить только слегка: то на сіе досадуешь. Если же мщеніе твое простерлось до крайности: то тутъ выходишь ты изъ самаго себя. Какой пользы можно ожидать отъ страсти, которой порывовъ не могу я умѣрить и самымъ воздаяніемъ зла, сею страстію мнѣ причиняемаго? Но когда напротивъ того, успокою я себя терпѣніемъ: то не буду же чувствовать никакой скорби; не чувствуя же скорби, не стану помышлять и о мщеніи.

XI. По разсмотрѣніи главнѣйшихъ предметовъ нетерпѣнія, нужно ли распространяться на счетъ всего того, что можетъ возбуждать страсть сію въ обществѣ и въ частности? Діаволъ простираетъ власть свою весьма далеко. Сей злый духъ мещетъ стрѣлы свои во всѣ стороны. Удары, имъ наносимые, язвятъ иногда легко, а иногда тяжко. Что тутъ дѣлать? Вотъ что. Когда оскорбленіе противника твоего не велико: то малость его должна побудить тебя презрѣть оное; когда же оно велико: то важность его должна тебя заставить какъ можно скорѣе уклониться отъ него или такъ сказать стряхнуть его съ себя. Когда обида умѣренна, терпѣніе тутъ почти не нужно; когда она сильна, употреби скорѣе терпѣніе, чтобъ изгладить ее. И такъ станемъ крѣпко вооружаться противъ нападеній, злаго духа станемъ мужественно сражаться, что-

бы восторжествовать великодушно надъ ухищреніями врага сего. Если случится намъ иногда собственнымъ неблагоразуміемъ или проступками нашими навлечь на себя какія либо бѣды: то тѣмъ не менѣе должны мы терпѣливо сносить зло, самими нами себѣ причиненное. Если же намъ покажется, что огорченіе происходитъ отъ Бога: то кому должны мы быть покорнѣе, какъ не Богу? Онъ Самъ благоволилъ предувѣдомить насъ, что мы должны радоваться, когда Ему угодно насъ испытывать: *ихже аще люблю*, говоритъ Онъ, *обличаю и наказую* (Апок. III, 19). Счастливъ тотъ слуга, котораго самъ господинъ хочетъ исправить, котораго благоволитъ наказывать, и не вводитъ въ заблужденіе, поблажая его погрѣшностямъ.

Такимъ образомъ мы всячески должны упражняться въ терпѣніи. Какіе бы поводы къ тому ни были, наше ли неблагоразуміе, искушенія ли діавола, или благотворныя наказанія Господа, во всякомъ случаѣ возмездіе за исполненіе сей добродѣтели велико и клонится къ нашему счастію. И подлинно, кого Іисусъ-Христосъ именуетъ блаженными, какъ не людей терпѣливыхъ? *Блаженны*, говоритъ Онъ, *нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мат. V, 3). Никто не можетъ быть нищій духомъ, кто не имѣетъ смиренія; никто не можетъ быть смиренный, кто не имѣетъ терпѣнія, и кто не переноситъ терпѣливо униженія. *Блаженны плачущіе*: какимъ образомъ могутъ они взирать на предметы плача безъ терпѣнія? Для сего-то обѣщано имъ и утѣшеніе. *Блаженны кроткіе*: ясно, что нетерпѣливые не имѣютъ сего качества, *Блаженны миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся*. Думаете ли вы, что они ищутъ наслаждаться миромъ, будучи увлекаемы нетерпѣніемъ? Наконецъ сказан: о *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небе-*

сѣхъ. Тутъ радость обѣщавается конечно не за нетерпѣніе, потому что нельзя радоваться въ несчастіи, когда мы не поставимъ себя превыше несчастія; до чего безъ терпѣнія достигнуть не возможно.

XII. Что касается до мира и любви между людьми: то полагаете ли вы, что человѣкъ, отъ природы нетерпѣливый, можетъ соблюсти драгоцѣнный миръ сей? Можетъ ли онъ простить или отпустить вину брату своему, не говоря, до семи разъ, но до *седмидесяти кратъ седмерицею* (Мат. XVIII, 22)? Заплатитъ ли заимодавцу долгъ свой тотъ, кто проводитъ его всячески передъ судомъ, чтобы только не заплатить? Какъ отпустишь ты долги ближнему, съ тѣмъ чтобъ и твои долги были тебѣ отпущены, когда ты, забывши всякое терпѣніе, ни о чемъ иномъ не помышляешь, какъ о нанесенной тебѣ обидѣ? Нѣтъ! Доколѣ сохраняешь ты въ сердцѣ своемъ мщеніе, нельзя тебѣ принести на олтарь такой жертвы, какая благопріятна Богу. Прежде всего надлежитъ тебѣ прибѣгнуть къ терпѣнію, чтобы примириться съ братомъ твоимъ. Мы подвергаемся великой опасности, когда зайдетъ солнце во гнѣвѣ нашемъ. Горе намъ, если мы проводимъ дни, не *терпяще другъ другу любовію* (Ефес. IV, 2)!

Если же правда, какъ нами доказано, что терпѣніе есть такъ сказать вѣнецъ всѣхъ другихъ добродѣтелей: то чему дивиться, что оно споспѣшествуетъ къ покаянію въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сіе послѣднее потребно въ помощь людямъ падшимъ? Такимъ образомъ когда двѣ особы, соединенныя бракомъ, разстаются законно, чтобы нѣкоторое время провести въ цѣломудренномъ вдовствѣ: то терпѣніе ожидаетъ, желаетъ, требуетъ, чтобы покаяніе доставило симъ особамъ возможность взойти на путь спа-

сенія. Какихъ благъ оно имъ не приноситъ? Оно препятствуетъ одной особѣ впасть въ прелюбодѣяніе, а другую вмѣстѣ съ тѣмъ исправляетъ. Терпѣніе представлено намъ, какъ знаменіе спасительной помощи, въ различныхъ изреченіяхъ, произнесенныхъ Іисусомъ-Христомъ въ примѣръ истинно терпѣливаго человѣка. Терпѣніе добраго пастыря ищетъ и находитъ наконецъ погибшую овцу (Лук. XV, 4). Нетерпѣніе вмѣнило бы ни во что одну овцу; но терпѣніе находитъ удовольствіе искать ее и нести на раменахъ, снисходя съ кротостію къ проступку сей заблудшей овцы. Терпѣніе заставляетъ нѣжнаго и чадолюбиваго отца принять сына расточителя, угостить его и извинить передъ нетерпѣливымъ и раздраженнымъ братомъ. Погибшій сынъ сей воскресаетъ, потому что раскаялся: терпѣніе спасаетъ его, потому что помогло раскаянію (Лук. XV, 22 — 32).

Въ разсужденіи любви, извѣстно, что она есть какъ бы великое таинство нашей вѣры, какъ бы безцѣнное сокровище Религіи нашей, какъ бы верховнѣйшая добродѣтель, о которой Апостолъ отзывается съ пламенѣющимъ жаромъ Духа Святаго. Но добродѣтель сія сколь она ни изящна, не образуется ли такъ сказать въ школѣ терпѣнія? *Любы долготерпитъ, любы не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла* ближнему (1 Кор. XIII, 4 и 5), словомъ сказать, она ни малѣйшаго мѣста не даетъ нетерпѣнію. Для сего-то прибавляетъ Апостолъ: *любы вся любитъ, вся терпитъ*, потому именно, что соблюдаетъ терпѣніе. Справедливо потомъ сказано: *любы николи же отпадаетъ*. Другія вещи будутъ имѣть конецъ: языки, науки, пророчества престанутъ, упразднятся, уничтожатся. Останутся только *вѣра, надежда, любы*: вѣра,

то есть: несомнѣнное вѣдѣніе, сообщенное намъ терпѣніемъ Іисуса-Христа; надежда, то есть, увѣренность въ славѣ, ожидаемой безпрерывнымъ терпѣніемъ человѣка; любы, то есть, сверхъестественная любовь, сопровождаемая терпѣніемъ, соотвѣтственно заповѣдямъ Бога, верховнаго нашего Учителя.

XIII. Доселѣ мы говорили о терпѣніи, поколику оно относится особенно къ душѣ. Разсмотримъ его теперь, поколику оно касается тѣла. Какъ Господь даровалъ тѣлу нашему достаточныя силы къ исполненію сей чудной добродѣтели: то терпѣніе и тутъ помогаетъ намъ пріобрѣтать богатство милостей Его. Духъ, какъ бы руководитель нашъ, сообщаетъ часть избытка своего сосуду, его вмѣщающему. Во первыхъ скорби тѣлесныя суть очистительная жертва, примиряющая съ нами Бога чрезъ смиреніе, когда плоть, довольствуясь немногимъ количествомъ хлѣба и воды, приноситъ въ даръ Господу свою бѣдность и воздержаніе, когда присовокупляетъ къ тому частые посты, и когда проводитъ дни въ пеплѣ и вретищѣ. Во вторыхъ терпѣніе сего рода творитъ молитвы наши дѣйствительнѣйшими, и служитъ къ отвращенію отъ насъ несчастій, объ удаленіи которыхъ мы молимся. Оно отверзаетъ уши Іисуса-Христа Бога нашего, укрощаетъ строгость судовъ Его, возбуждаетъ Его милосердіе. Такъ нѣкогда гордый царь *Навуходоносоръ*, раздражившій Господа, принесъ великодушную и полезную жертву терпѣнія смиреннымъ и строгимъ покаяніемъ семилѣтняго изгнанія, во время котораго жилъ со звѣрьми, удаленный отъ общества людей; и сею жестокою жертвою возвратилъ себѣ царство свое, а что еще важнѣе, симъ очистительнымъ удовлетвореніемъ пріобрѣлъ снова милость Божію.

Сверхъ того, проходя другія болѣе возвышенныя и полезныя степени терпѣнія, мы найдемъ, что оно много споспѣшествуетъ самой святости посредствомъ воздержанія. Тѣлесное терпѣніе, о которомъ мы говоримъ, воздерживаетъ вдову отъ любодѣянія, и заставляетъ молодую особу хранить цвѣтъ своего дѣвства, ставитъ выше другихъ (духовнаго) скопца (Матѳ. XIX, 12). Доблесть души совершенствуется въ тѣлѣ, подобно какъ тѣлесное терпѣніе торжествуетъ со славою во время гоненія. Нужно ли бѣжать? Тѣло подвергается всѣмъ неудобствамъ бѣгства. Заключенъ ли кто въ темницѣ? Тѣло обременяется цѣпями, тѣло страдаетъ въ пыткахъ, тѣло лежитъ на жесткомъ камнѣ, тѣло видитъ день не иначе, какъ сквозь щель, пробитую въ стѣнѣ, тѣло гибнетъ тутъ нечувствительно отъ зловонія и бѣдствія. Когда надобно явиться на поле сраженія, чтобъ испытать удачно силы свои противъ тирановъ, когда нужно омыться вторымъ крещеніемъ, крещеніемъ кровію, переносящимъ насъ внезапно отъ земли на небо: тогда ничто столько насъ не поддерживаетъ, какъ терпѣніе тѣлесное. *Духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41), немощна безъ терпѣнія, приносящаго душѣ и тѣлу несомнѣнное спасеніе. Когда Господь говоритъ: *плоть немощна*, Онъ сими словами поучаетъ насъ тому, что ее укрѣпляетъ; учитъ именно имѣть терпѣніе, которое, какъ непоколебимый столпъ, поддерживаетъ всю тягость мученій, употребляемыхъ къ погашенію вѣры въ Христіанахъ или къ испытанію ихъ постоянства. Добродѣтель сія торжествуетъ надъ бичами, огнемъ, пытками, надъ свирѣпствомъ львовъ, надъ мечемъ палачей, надъ жестокостію казней. Она всегда доставляла побѣдный вѣнецъ пророкамъ, Апостоламъ, мученикамъ.

XIV. Укрѣпленный силою терпѣнія, *Исаія* былъ

претертъ пилою, и не переставалъ хвалить Господа среди столь ужасной муки. *Стефанъ*, побиваемый камнями, молится о прощеніи своихъ враговъ. Многострадальный *Іовъ* считаетъ себя счастливымъ, что въ жестокой борьбѣ своей долженъ употребить всѣ усилія терпѣнія своего къ преодолѣнію нападеній ада. Ничто не можетъ поколебать его. Стада его похищаются, гумны сгараютъ, дѣти гибнутъ подъ развалинами храмины, тѣло покрыто множествомъ язвъ. Удары сіи дѣйствительно тяжки. Но вотще діаволъ истощаетъ всю свою ярость къ одолѣнію *Іова*. Сей терпѣливый человѣкъ остается непоколебимъ, полагая все свое упованіе на Бога. При такомъ множествѣ злополучій онъ не упускаетъ изъ виду Господа. Мужество его преодолѣваетъ все, дабы подать намъ торжественный примѣръ терпѣнія, и научить насъ, что при страданіяхъ души или тѣла ни лишеніе земныхъ благъ, ни потеря ближнихъ, ни другія подобныя скорби, не должны доводить насъ до отчаянія. Какое славное торжество! Самъ Богъ въ лицѣ *Іова* какъ бы одерживаетъ знаменитую побѣду надъ діаволомъ, симъ гордымъ врагомъ божественной Его славы. *Іовъ*, получая вѣсти одну другой печальнѣе, довольствуется однимъ тѣмъ, что говоритъ: *яко Господеви изволися, тако и бысть*: утомленный докуками жены своей, отвѣчаетъ ей только сими словами: *вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси?* Какое зрѣлище! Какое веселіе для самаго Бога, если смѣю такъ изъясниться! Діаволъ издыхаетъ отъ ярости, когда сей знаменитый несчастливецъ, сидя на гноищѣ, съ непостижимымъ спокойствіемъ *острогаетъ черепомъ гной свой*, покрывающій всѣ части тѣла его (Іов. I, 21. II, 8 и 10). Такъ оружіемъ и щитомъ вѣры притупляетъ онъ стрѣлы духа искусителя. Такъ обрѣтаетъ

онъ снова тѣлесное здравіе, и получаетъ вдвойнѣ всѣ потерянныя имъ блага. Если бы онъ пожелалъ даже имѣть прежнихъ дѣтей: то и тѣ были бы ему возвращены; но онъ предпочелъ насладиться сею радостію въ великій день вѣчности, твердо надѣясь на обѣтъ Божій касательно всеобщаго воскресенія. Онъ восхотѣлъ перенесть терпѣливо потерю сію, сколь она ни горька была, дабы и впредь не провождать жизни безъ терпѣнія.

XV. И такъ справедливо, что мы ничего потерять не можемъ, соблюдая сію добродѣтель, и что самъ Богъ служитъ тому вѣрною порукою. Если ты предашь въ руки Его причиненную тебѣ обиду, сдѣланный тебѣ вредъ, чувствуемую тобою скорбь, претерпѣнную тобою смерть: то Онъ отмститъ, возстановитъ, исцѣлитъ, воскреситъ тебя. Чудная польза отъ терпѣнія, когда Богъ дѣлается распредѣлителемъ нашихъ казней и наградъ! Мы не должны тому удивляться. Терпѣніе ограждаетъ и укрѣпляетъ всѣ добродѣтели, благопріятнѣйшія Господу. Терпѣніе служитъ къ соблюденію заповѣдей Его. Терпѣніе усиливаетъ вѣру, возстановляетъ миръ, вспомоществуетъ любви, учитъ смиренію, возбуждаетъ покаяніе, прилагаетъ печать къ грустному исповѣданію грѣховъ, руководствуетъ плотію, управляетъ духомъ. Терпѣніе воздерживаетъ злословіе, препятствуетъ хищничеству, торжествуетъ надъ искушеніями, истребляетъ корень соблазновъ, вѣнчаетъ мученичество. Терпѣніе доставляетъ утѣшеніе бѣдному, дѣлаетъ богатаго умѣреннымъ и воздержнымъ, поддерживаетъ слабаго, ободряетъ сильнаго, веселитъ вѣрнаго, привлекаетъ язычника къ вѣрѣ, творитъ раба пріятнымъ господину и господина пріятнымъ рабу. Терпѣніе служитъ укрѣпленіемъ женъ и славою мужей. Оно любезно въ дитяти, достойно почтенія въ

юношѣ, удивительно въ старикѣ, восхитительно во всякомъ возрастѣ, во всякомъ полѣ, во всякомъ званіи.

Хотите ли еще посмотрѣть на портретъ, на видъ, на уборъ такъ сказать терпѣнія? Оно имѣетъ лице кроткое и спокойное, чело веселое и свѣтлое, не омраченное ни гнѣвомъ ни печалію, брови, никогда не нахмуренныя, и глаза, всегда потупленные не отъ стыда, но отъ скромности. Уста его запечатлѣны такъ сказать ненарушимою печатію молчанія. Гнѣвъ его подобенъ гнѣву людей, не чувствующихъ за собою никакой вины. Если терпѣніе помаваетъ иногда головою, то это знакъ презрѣнія его къ діаволу; если усмѣхается, то дѣлаетъ это изъ омерзѣнія къ сему духу искусителю. Одѣяніе его такъ чисто и опрятно, что на немъ никогда не видно ни пятна ни пыли. Терпѣніе сидитъ на престолѣ Господа своего, его тихій и кроткій духъ никогда не сопровождается трусами и бурями, но всегда бываетъ ясенъ, свѣтелъ, чистъ, подобенъ *гласу хлада тонка*, какъ видѣлъ *Илія* (3 Цар. XIX, 12). Гдѣ Богъ, тамъ и терпѣніе имъ руководимое. Когда Духъ Святый нисходитъ въ сердца наши, то вмѣстѣ съ Нимъ нисходитъ и терпѣніе, неразлучное Его подружіе. Когда мы примемъ его съ Духомъ Святымъ: то сей послѣдній пребудетъ въ насъ навсегда. Онъ не можетъ оставаться въ сердцахъ нашихъ безъ сего возлюбленнаго и вѣрнаго подружія своего. Въ удаленіи отъ терпѣнія мы всегда подвержены будемъ смятенію. Мы не въ состояніи противиться нападеніямъ врага, если лишимъ себя сего орудія, необходимаго для ихъ отраженія.

XVI. Таково практическое правило сей небесной добродѣтели, предлагаемой намъ Христіанствомъ, и, какъ небо отъ земли, отличающейся отъ того ложнаго и хвастливаго терпѣнія, которое составляетъ всю

доблесть язычниковъ; ибо какъ въ семъ, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ, діаволъ пытается быть соперникомъ Божіимъ. Сей завистливый духъ хочетъ также и своимъ служителямъ внушать извѣстный родъ терпѣнія, которое равнялось бы терпѣнію Христіанскому. Нельзя не сознаться, что между сими двумя терпѣніями есть нѣкоторое соотношеніе: одно столько же злое, сколько другое доброе. Примѣчательны слѣдующіе роды внушаемаго діаволомъ терпѣнія, напримѣръ: иногда оно покаряетъ власти женъ мужей, продавшихъ себя имъ за богатое приданое, или производящихъ гнусный торгъ ихъ честію; въ другое время оно подъ личиною ложной дружбы старается оказывать низкія и трудныя услуги, чтобы получить наслѣдство отъ бездѣтнаго человѣка; въ иныхъ случаяхъ подвергаетъ оно подлаго блюдолиза множеству обидъ и насмѣшекъ для того, чтобы быть на какомъ либо обѣдѣ, покупаемомъ имъ своею вольностію и честію. Вотъ какіе роды терпѣнія имѣютъ язычники. Они даютъ имя столь священной добродѣтели упражненіямъ унизительнымъ и презрѣннымъ. Какое безуміе! Будучи готовы все переносить отъ сильнаго соперника, отъ богатаго человѣка, отъ гордаго вельможи, они не знаютъ одной только науки, науки переносить что либо отъ Бога. Но оставимъ сихъ несчастныхъ страдальцевъ земли, которыхъ терпѣніе будетъ подвергнуто на томъ свѣтѣ жестокому огню пожирающаго пламени. Что касается до насъ: то мы должны не только имѣть, но и возлюбить терпѣніе Божіе, терпѣніе Іисуса-Христа. Воздадимъ Господу нашему то, что позаимствовали мы отъ Него. Предложимъ Ему въ жертву терпѣніе души нашей и тѣла нашего, потому что вѣруемъ въ воскресеніе души и тѣла.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

О ПОКАЯНІИ (*).

I. Люди, лишенные вѣры, сколь ни слѣпы, по однимъ свѣтомъ природы признаютъ существованіе покаянія или раскаянія, разумѣя подъ симъ словомъ нѣкоторое движеніе души, послѣдующее за сдѣланнымъ добровольно злымъ дѣломъ. Впрочемъ они столько же далеки отъ познанія истиннаго покаянія, какъ и отъ вѣдѣнія его начала, происходящаго единственно отъ Бога, источника всякаго блага. Богъ ничего не сотворилъ, ничего не устроилъ такого, что не было бы согласно съ разумомъ. Для сего надобно всегда соглашаться съ разумомъ, чтобы понимать и объяснять все, Богомъ сотворенное и устроенное. Люди, не вѣдающіе Бога, не могутъ знать ни дѣлъ Его ни воли: сіе сокровище знанія, открытое для чадъ семейства, не дано постороннимъ. Чтобъ показать, какое ложное понятіе язычники дѣлаютъ себѣ о покаяніи, достаточно замѣтить, что они часто раскаиваются о такихъ дѣлахъ, которыми должны бы были хвалиться. Они часто огорчаются оказаніемъ добросовѣстности, любви, терпѣнія и милосердія, какъ будто бы добродѣтели сіи были преступленія. Они пеняютъ себѣ за то, что

(*) Сочинена въ 190 году по Р. Х.

сдѣлали добро, особливо когда не слѣдуютъ внушеніямъ покаянія или самоотверженія, которое наиболѣе плодотворно въ добрыхъ дѣлахъ. Они пріемлютъ рѣшительное намѣреніе впредь внушеніямъ симъ не покоряться. Они вооружаются злобою противъ прощенія обидъ. Словомъ сказать, раскаяніе ихъ почти всегда есть грѣхъ.

II. Если бы они дѣйствовали подъ вліяніемъ Божіимъ, слѣдовательно подъ вліяніемъ разума: то имѣли бы о покаяніи справедливѣйшее понятіе, и оно приводило бы ихъ къ чему либо лучшему, нежели къ ожесточенію въ ихъ порокахъ. Они умѣли бы лучше направлять его: оно могло бы внушать имъ страхъ, чтобы не дѣлать впредь зла, страхъ истинно Божій. Но гдѣ нѣтъ страха, тамъ нѣтъ и причины исправиться, и раскаяніе остается безплоднымъ: оно не приноситъ той пользы, для которой Богъ предъуставилъ его, не приноситъ пользы спасенія человѣка. Предвѣчный Богъ, видя всѣ злодѣянія рода человѣческаго, содержавшіяся во грѣхѣ Адама, какъ бы въ зародышѣ, по изгнаніи его изъ рая и преданіи смерти, восхотѣлъ содѣлать людей достойными Своего милосердія. Посему Онъ поселилъ въ Адамѣ раскаяніе, и отмѣнивъ Свой судъ вѣчнаго гнѣва, учинилъ съ нимъ какъ бы завѣтъ, и обѣщалъ прощеніе грѣховъ Своему образу и подобію. Потомъ избралъ онъ Себѣ особый народъ, и осыпалъ его Своими милостями. Онъ нашелъ въ немъ одну неблагодарность; но всякой разъ, когда народъ сей удалялся отъ Него, Онъ увѣщавалъ его къ покаянію, то есть къ раскаянію. Онъ отверзъ уста пророкамъ, чтобъ обѣщать Іудеямъ прощеніе грѣховъ, распространенное потомъ на всѣ народы чрезъ Духа Святаго. Онъ восхотѣлъ, чтобы крещеніе предшествовало покаянію для тѣхъ лю-

дей, которыхъ благоволилъ Онъ призвать изъ язычниковъ къ участію въ благодати, обѣщанной потомству *Авраамову*. *Іоаннъ* Креститель ясно говорилъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мат. III. 2), или спасеніе человѣковъ, то есть, вотъ приходитъ Мессія исполнить спасеніе сіе. *Іоаннъ*, бывшій предтечею Его, предлагалъ покаяніе, дабы приготовить умы и очистить ихъ. Омывая древнія скверны заблужденія, изглаживая нечистоты, накопленныя невѣжествомъ въ сердцѣ человѣческомъ, онъ чрезъ покаяніе уравнивалъ путь Духу Святому, хотѣвшему войти въ сіе сердце для постояннаго въ немъ пребыванія, и принести ему всѣ благословенія неба. Всѣ сіи небесныя милости заключаются въ слѣдующихъ словахъ: спасеніе человѣка совершается чрезъ раскаяніе и прощеніе грѣховъ. Сіе великое дѣло божественнаго милосердія производится въ пользу человѣка и во славу Божію. Христосъ пришелъ и научилъ насъ, какое употребленіе надлежитъ дѣлать изъ сего дѣла милосердія, дабы дѣла и мысли наши не обратились намъ въ источникъ безполезныхъ заботъ и мученій. Богъ, не желая гибели Святыхъ Своихъ, объявилъ себя ихъ защитникомъ, а потому и пріемлетъ ихъ добрыя дѣла и раскаяніе; пріемля же сіе, Онъ вмѣняетъ себѣ долгомъ за то ихъ награждать. Неблагодарность людей заставляетъ иногда братьевъ ихъ раскаиваться въ сдѣланномъ имъ благотвореніи; а ихъ признательность бываетъ весьма слабымъ побужденіемъ къ добрымъ дѣламъ. Все это есть земное произведеніе, и продолжается временно. Что проку обязывать признательнаго? Какой вредъ обязывать неблагодарнаго? Добрыя дѣла имѣютъ въ Богѣ мздовоздаятеля, равно какъ и злыя: Онъ есть верховный Судія. А какъ Онъ произноситъ судъ Свой въ удовлетвореніе вѣчнаго Своего правосудія, и какъ

суды Его служатъ утвержденіемъ всего Его закона: то можно ли сомнѣваться, чтобъ Онъ не подвергалъ суду Своему и нашего раскаянія, подобно какъ судитъ обо всѣхъ другихъ нашихъ дѣлахъ? Мы должны быть увѣрены, что Онъ найдетъ раскаяніе сіе достойнымъ уваженія по той мѣрѣ, какъ мы станемъ раскаиваться въ настоящихъ нашихъ грѣхахъ. Грѣхъ есть зло: тотъ не грѣшитъ, кто дѣлаетъ добро. Если мы не грѣшимъ, то за чѣмъ раскаиваться, когда раскаяніе принадлежитъ грѣшникамъ? За чѣмъ добавлять къ добродѣтели своей то, что относится къ пороку? Всегда почти случается, что кто раскаивается о добрѣ, тому не для чего раскаиваться о злѣ.

III. Здѣсь кстати было бы объяснить, какія дѣянія должны быть предметомъ покаянія, заслуживающія уваженіе. Но это кажется безполезно, потому что умъ, вѣдающій Господа, воодушевляется взираніемъ на своего Создателя, и тѣмъ достигаетъ до познанія истины; онъ изучаетъ заповѣди Бога своего, и удостовѣряется, что надлежитъ именовать грѣхомъ все, запрещаемое закономъ. Какъ Богъ есть верховное благо: то очевидно, что одно только зло можетъ Ему быть неблагопріятно, такъ какъ оно имѣетъ противоположную Ему сущность. Надобно однакожъ различать и знать, что грѣхи бываютъ или плотскіе или духовные. Человѣкъ составленъ изъ двухъ различныхъ началъ, и грѣшитъ сообразно двойственной природѣ своей. Но изъ того, что тѣло и духъ суть два различныхъ существа, не слѣдуетъ заключать, чтобы грѣхи отличались въ сущности: они равны между собою, потому именно, что имъ содѣйствуютъ вмѣстѣ и духъ и тѣло. Не должно розыскивать, какой грѣхъ тяжелѣ или легче, плотскій ли или духовный. Плоть и духъ равно принадлежатъ Господу: первая потому, что составлена

Имъ изъ персти; вторый потому, что произведенъ Его дыханіемъ. Та и другой, когда грѣшатъ, равно оскорбляютъ Бога. Для чего хочешь ты отличать грѣхъ по плоти отъ грѣха по духу, тогда какъ плоть и духъ неразлучны между собою въ жизни, въ смерти и въ воскресеніи? Соединены они въ жизни, соединятся и на послѣднемъ судѣ, потому что вмѣстѣ хорошо или худо провождали жизнь. Упомянувъ о раздѣленіи ихъ сущности, мы тѣмъ не уменьшаемъ въ пользу той или другаго необходимости въ покаяніи. Преступленіе ихъ одно, Судія ихъ одинъ, казнь ихъ одна. Есть грѣхи плотскіе, есть грѣхи духовные, потому что всякой грѣхъ есть слѣдствіе или дѣйствія или только помысла. Чтобы быть плотскимъ или тѣлеснымъ, надобно грѣху совершиться на дѣлѣ, потому что дѣйствіе, подобно тѣлу бываетъ видимо и такъ сказать осязаемо, вмѣсто того, что духовный грѣхъ существуетъ въ помыслѣ, гдѣ пребываетъ невидимъ и неосязаемъ, подобно духу. Изъ сего должно заключить, что не только преступныя дѣянія, но и преступные помыслы, должны быть предметомъ раскаянія, и очищаться покаяніемъ. Слабость и невѣжество людей судитъ по однимъ наружнымъ поступкамъ, потому что не можетъ проникнуть въ тайные изгибы сердца; но не должно думать, чтобы мы предъ Богомъ могли пренебрегать раскаяніемъ о грѣхахъ нашей воли. Богъ видитъ все. Ничто, оскорбляющее Его, не можетъ отъ Него быть скрыто. Какъ Ему извѣстны самыя тайныя наши помышленія: то Онъ ничего не упуститъ, когда судить насъ будетъ. Онъ не можетъ допустить ни притворства ни лжи, вѣдая все. Воля есть источникъ всѣхъ нашихъ дурныхъ дѣяній. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть отнесены къ случаю, внезапности или невѣжеству; но всѣ другія

происходятъ отъ воли. Корень зла находится въ духѣ, который первый за зло и наказанъ будетъ: онъ не оправдается тѣмъ, что какое нибудь внѣшнее препятствіе помѣшало содѣянію зла. Одна воля составляетъ преступленіе: неудача въ исполненіи его не послужитъ ей извиненіемъ, потому что, захотѣвши, она сдѣлала уже все, зависѣвшее отъ нея. Господь тѣмъ самымъ пополнилъ и усовершилъ древній законъ, что одну волю, даже и безъ дѣлъ, постановилъ достаточною причиною преступленія. Онъ именуетъ прелюбодѣемъ не только нарушившаго святость брака, но и воззрѣвшаго на жену съ вожделѣніемъ. Кто не преодолѣваетъ препятствій, мѣшающихъ волѣ его, тотъ духомъ своимъ столько же виновенъ, какъ если бы тѣломъ и исполнилъ. Чья воля не удовлетворена отъ того, что нельзя было сдѣлать преступленія, тотъ виновенъ потому одному, что пожелалъ, и будетъ за то наказанъ. Чистое безуміе говорить въ извиненіе: я хотѣлъ, но не сдѣлалъ. Ты сдѣлалъ, когда захотѣлъ, или ты захотѣлъ не для чего инаго, какъ чтобы сдѣлать. Ты самъ на себя произносишь судъ. Если бы ты пожелалъ добра, то постарался бы его исполнить (и вѣрно бы исполнилъ, потому что не исполнилъ бы зла); стало быть если ты не можешь сдѣлать зла, то не долженъ его и хотѣть. Во всякомъ случаѣ останешься ты равно виновенъ, желаешь ли зла или не дѣлаешь добра.

IV. Отъ чего бы грѣхъ ни происходилъ, отъ плоти ли, отъ духа, отъ воли или самаго дѣла, Богъ, изрекающій казнь за грѣхъ, обѣщаетъ и прощеніе за раскаяніе. *Обратися ко Мнѣ,* говоритъ Онъ, *и избавлю тя* (Ис. XLIV, 22); также: *живу Азъ, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися ему* (Іез. XXXIII, 11. Раскаяніе есть жизнь потому, что Богъ предпочи-

тасть его смерти. О ты, подобный мнѣ грѣшникъ (хотя я считаю себя еще большимъ грѣшникомъ, нежели ты), имѣй прибѣжище къ покаянію, и, какъ претерпѣвшій кораблекрушеніе, привяжись къ сей доскѣ спасенія, которая изъ бурнаго моря злыхъ твоихъ страстей вынесетъ тебя безопасно на пристань милосердія. Ухватись съ радостію за сіе непредвидѣнное кормило счастія, дабы ты, будучи каплею воды, пылинкою песка, негоднымъ кускомъ глины, могъ содѣлаться прекраснымъ деревомъ, посаженнымъ на берегу рѣки, покрытымъ листьями, приносящимъ въ свое время добрые плоды, и не подверженнымъ ни огню ни сѣкирѣ. Раскайся, познавши свои заблужденія, раскайся въ томъ, что ты любилъ вещи, Богомъ ненавидимыя, потому что и сами мы не позволяемъ рабамъ своимъ любить то, чего мы не любимъ. Тождество склонностей есть вѣрнѣйшее ручательство повиновенія. Выгоды покаянія могли бы украсить длинное и краснорѣчивое разсужденіе. Зная безсиліе свое, я ограничусь изложеніемъ одной мысли, а именно: что Богъ повелѣваетъ, то не можетъ быть не превосходно. Дерзко бы было съ моей стороны разсуждать о благости или справедливости божественныхъ заповѣдей: мы должны любить вещь не потому, что она хороша, но потому что благопріятна Богу. Когда дѣло идетъ о повиновеніи, тутъ власть и величіе божественнаго могущества берутъ верхъ надъ всѣмъ тѣмъ, что могло бы показаться хорошимъ или полезнымъ человѣку, долженствующему повиноваться безусловно. Хорошо ли само по себѣ покаяніе? Что за вопросъ, когда Богъ заповѣдуетъ его? Онъ не только его заповѣдуетъ, но увѣщаваетъ, приглашаетъ насъ къ нему, какъ къ единственному средству спасенія. Онъ даже произноситъ на сей счетъ какъ бы клятву: столько-то

желаетъ Онъ, чтобы мы имѣли къ Нему довѣріе. *Живу Азъ, не хощу смерти грѣшника*, говоритъ Онъ. О какъ счастливы тѣ люди, для которыхъ Богъ произнесъ клятву, и какъ злополучны тѣ, которые не хотятъ вѣрить клятвѣ Бога своего! И такъ мы должны почитать за важнѣйшую истину то, что засвидѣтельствовано Богомъ столь торжественнымъ образомъ, и что благоволилъ Онъ утвердить клятвою. Станемъ вѣрить слову божественной благодати, дабы она возрастила въ насъ плоды свои, и дабы мы были ею спасены.

V. Какъ скоро рѣшились мы однажды войти въ раскаяніе, которое по милости Божіей вводитъ насъ въ благодать Его; то намъ надлежитъ принять твердое намѣреніе впредь уже не оскорблять Бога. Нельзя отговариваться невѣдѣніемъ своихъ обязанностей, когда кто однажды позналъ Бога, изучилъ заповѣди Его и покаяніемъ очистилъ себя отъ прошедшихъ грѣховъ. Кто раскаялся, тотъ началъ бояться Господа. Отъ чего можно потомъ снова впасть въ грѣхъ, если не отъ того, что мы перестали бояться? Гдѣ нѣтъ страха, тамъ возмущеніе. Когда и самое невѣдѣніе не можетъ служить извиненіемъ: то сколь опасно презирать Бога, который явно открылъ намъ Себя, и котораго должны бы мы познать, разсматривая одни Его дѣянія? Презирать же Его, когда мы удостоились получить отъ Него истинное познаніе добра и зла, когда знаемъ, чего должно избѣгать, и когда, избѣгнувъ того однажды, вновь возвращаемся къ тому же, и стараемся опять дѣлать то, въ чемъ раскаялись: все это значитъ издѣваться надъ собственнымъ разумомъ, то есть, надъ даромъ Божіимъ. Отвергать даръ тоже, что оскорблять даятеля; не уважать благодѣяній тоже, что быть неблагодарнымъ. Богъ тебѣ неугоденъ, если

неугодны тебѣ дары Его. Стало быть тутъ ясны не только возмущеніе противъ Бога, но и самая къ Нему неблагодарность. Тотъ весьма виновенъ предъ Богомъ, кто чрезъ покаяніе отрекшись отъ діавола, одержавъ надъ нимъ побѣду и поправши его именемъ Господнимъ, опять призываетъ его къ себѣ новымъ своимъ паденіемъ на тотъ конецъ, чтобы діаволъ, овладѣвши снова своею добычею, торжествовалъ надъ нею предъ лицемъ Божіимъ. Ужасно выговорить, но надобно сказать въ поученіе вѣрующимъ: кто поступаетъ такъ, тотъ ставитъ діавола выше Бога. Такой человѣкъ, желая сдѣлать какъ бы сравненіе, оставляетъ одного и приходитъ къ другому, и такимъ образомъ узнавъ обоихъ, возвращается вѣроятно къ тому, кого нашелъ лучшимъ; иными словами сказать: кто чрезъ раскаяніе рѣшился угодить Богу, тотъ потомъ раскаивается какъ бы о своемъ раскаяніи, дабы войти опять въ милость діавола, Онъ безъ сомнѣнія сдѣлается послѣ сего столько же ненавистнымъ Богу, сколько благопріятнымъ сатанѣ. — Но иные говорятъ: достаточно покланяться Богу сердцемъ и духомъ, не примѣняя внѣшнихъ дѣлъ къ вѣрѣ нашей; можно даже отчасти и грѣшить, не преставая бояться Бога, и вѣровать въ Него.—Это тоже самое, какъ бы кто сказалъ: можно нарушать супружескую вѣрность, не преставая соблюдать цѣломудріе, или отравить отца, не преставая быть добрымъ сыномъ. По мнѣнію такихъ людей, вѣроятно Богъ повелитъ ввергнуть ихъ въ пропасть, и между тѣмъ не престанетъ имъ прощать, потому что они грѣшили, не преставая Его бояться. Какое превратное умствованіе! Они боятся Бога и оскорбляютъ Его. Стало быть еслибы Его не боялись, то бы и не оскорбляли. Чего же лучше? Если не хотимъ мы оскорблять Бога нашего: то лучше перестанемъ Его и бояться,

потому что страхъ есть причина оскорбленія. Но такіе люди происходятъ изъ породы лицемѣровъ, которые суть искренніе друзья діавола, и которыхъ покаяніе никогда не бываетъ чистосердечно и продолжительно.

VI. Все то, что слабое наше дарованіе могло представить на счетъ необходимости покаянія и постояннаго пребыванія на добромъ пути, относится ко всѣмъ служителямъ Божіимъ, хотящимъ удостоиться милостей Его, и особливо къ новообращеннымъ, которые едва начали слышать слово божественное, и подобно молодымъ животнымъ, еще ползающимъ и слѣпымъ, рѣшаются войти въ покаяніе, не зная, какъ достигнуть до него. Раскаяніе побуждаетъ ихъ часто жалѣть о прежнихъ поступкахъ, привлекающихъ ихъ къ себѣ подобно гнилымъ и горькимъ плодамъ, которыхъ одна сторона прельщаетъ еще взоръ. Почти всѣ сіи заблужденія происходятъ отъ предъубѣжденія въ отношеніи къ силѣ крещенія. Новообращенные, будучи увѣрены, что чрезъ сіе таинство получаютъ прощеніе грѣховъ своихъ, пользуются такъ сказать остальнымъ временемъ жизни, и вмѣсто того, чтобы воздерживаться, продолжаютъ грѣшить. Не безразсудно ли и справедливо ли мечтать, что всѣ наши проступки могутъ быть прощаемы безъ покаянія? Ты не хочешь заплатить цѣны, и простираешь руку, чтобы получить товаръ. Покаяніе есть цѣна прощенія: оно составляетъ существенное условіе ненаказанности. Если купцы прежде отдачи своихъ вещей строго разсматриваютъ монету, нѣтъ ли какой фальшивой и попорченной; то намъ тѣмъ паче надлежитъ вѣрить, что Господь не оставитъ увѣриться въ искренности покаянія, прежде нежели подастъ прощеніе, стоющее вѣчной жизни. Въ послѣдствіи мы поговоримъ про-

страннѣе о сей искренности. Неужели надобно непремѣнно полагать, что мы вполнѣ очищены и оправданы, когда получаемъ устное разрѣшеніе? Правда, что прощеніе намъ обѣщано; но мы должны заплатить за него должную цѣну тогда, какъ Богъ угрожаетъ, а не тогда, какъ прощаетъ. Отпущенный на волю рабъ не укоряетъ уже себя въ томъ, что во время рабства иногда бѣгалъ изъ дома господина своего или кралъ. Когда воинъ вышелъ въ отставку, онъ весьма мало безпокоится о добрыхъ или дурныхъ отношеніяхъ къ себѣ бывшихъ своихъ начальниковъ. Стало быть грѣшникъ обязанъ омыть себя раскаяніемъ, прежде нежели получитъ прощеніе, потому что время покаянія есть время опасности и страха. Я далекъ отъ того, чтобъ отвергать дѣйствіе крещенія на уничтоженіе грѣховъ, но для достиженія къ тому надобно его удостоиться. Кто окропитъ святою водою человѣка, котораго раскаяніе не искренно? Ты конечно можешь приблизиться къ крестной купели съ хитростію, притворясь благочестивымъ; но Богъ бдитъ надъ Своимъ сокровищемъ, и не попуститъ, чтобы недостойные имъ овладѣли. Онъ сказалъ: *ничтоже есть покровено, еже не открыется* (Матѳ. X, 26). Какимъ бы мракомъ ни окружилъ ты своихъ дѣяній, вспомни, что Богъ есть свѣтъ. Есть люди, которые думаютъ, что Богъ долженъ исполнять то, что обѣщалъ, хотя бы кто и не былъ того достоинъ, и которые такимъ образомъ претворяютъ великодушіе Божіе какъ бы въ рабство. Стало быть Богъ по обязанности къ намъ милостивъ, и дѣлаетъ сіе противъ воли. — Но иные возразятъ, что при всемъ томъ многіе падаютъ и грѣшатъ послѣ крещенія; если бы они не были его достойны, то и не получили бы его. — Нѣтъ въ томъ сомнѣнія; но это такіе люди, которые слишкомъ поспѣшили крес-

титься, слишкомъ положились на искренность своего раскаянія, и потому домъ свой построили на пескѣ. Надобно остерегаться отъ обольщенія. Когда кто либо принятъ въ число оглашенныхъ, изъ того не слѣдуетъ еще, чтобъ онъ имѣлъ свободу грѣшить во ожиданіи крещенія, долженствующаго омыть всѣ его прегрѣшенія. Начиная познавать Бога твоего, ты долженъ Его и чтить и бояться. Къ чему послужитъ тебѣ сіе познаніе, если ты будешь дѣйствовать такъ, какъ во время своего невѣжества? Какое различіе въ такомъ случаѣ будетъ между тобою и истинно-вѣрующимъ? Думаешь ли ты, что для крещенныхъ одинъ Христосъ, а для оглашенныхъ другой? Развѣ можно полагать двѣ надежды, два страха, два суда, двѣ особыя причины къ раскаянію? Крещеніе есть символъ вѣры, основывающейся на искреннемъ покаяніи. Не для того насъ крестятъ, чтобы насильно заставить насъ не грѣшить. Намъ должно приступать къ купели уже раскаянными и исправленными. Страхъ Божій составляетъ какъ бы первое крещеніе: для приближенія къ Господу потребны чистая вѣра и сердце сокрушенное. Если бы мы долженствовали перестать грѣшить потому только, что омылись водою крещенія: то невинность наша была бы уже принужденна, а не добровольна. Кто же истинно добродѣтеленъ? Тотъ ли, кто не можетъ, или кто не хочетъ быть порочнымъ, тотъ ли, кто принужденъ дѣлать добро, или кто по собственному расположенію дѣлаетъ его? Когда бы мы дѣлали добро и не творили зла единственно подъ вліяніемъ верховной власти, тогда могли бы мы и красть, лишь бы только замки не были для рукъ нашихъ слишкомъ крѣпки; тогда бы мы не берегли взоровъ нашихъ и отъ похоти, развѣ бы только мѣшала намъ въ томъ бдительная

стража. Вотъ что долженствовало бы произойти, если бы мы переставали грѣшить только потому, что крещеніе имѣетъ силу связывать намъ руки. Мнѣ кажется, что кто такъ думаетъ, тотъ долженъ бы сѣтовать о томъ, что онъ связанъ крещеніемъ, и радоваться, когда можетъ отъ сихъ узъ освободиться. И такъ я утверждаю, что оглашенные хотя и могутъ желать креститься, но не должны быть допускаемы къ тому слишкомъ скоро. Кто желаетъ какой либо вещи, тотъ ее уважаетъ и почитаетъ; а кто слишкомъ скоро пріемлетъ ее, тотъ въ состояніи ею возгордиться. Первый руководствуется скромностію, вторый тщеславіемъ; тотъ дѣлаетъ все, чтобъ удостоиться дара, а сей небрежетъ полученнымъ даромъ, одинъ получаетъ крещеніе, другой овладѣваетъ имъ. Кто же изъ нихъ достойнѣе благодати? Конечно тотъ, кто болѣе потрудился, болѣе исправилъ себя. Но кто лучше исправляетъ себя? Тотъ, кто болѣе боится, и кто слѣдовательно болѣе показываетъ раскаянія. Онъ боится грѣшить, чтобы не быть сочтену недостойнымъ, между тѣмъ какъ другой, почитающій благодать сію за вещь, принадлежащую ему, превозносится ею и не можетъ имѣть страха Божія, который есть источникъ всякой премудрости и могущества. Кто требуетъ крещенія, не заслуживши его, тотъ исполненъ гордости, и не довольно чтитъ Бога, отъ котораго ожидаетъ благодати: онъ даже часто старается обмануть Его. Требовать милости, не заслуживши ее, есть вѣрнѣйшее средство оскорблять Господа своего.

VII. Да сподобитъ насъ Господь нашъ Іисусъ-Христосъ убѣдить и вразумить оглашенныхъ, что они должны остерегаться всячески грѣшить. Поступать иначе значитъ не вѣдать истиннаго покаянія, и слѣдовательно не желать его. Не знаю, долженъ ли я гово-

рить о дѣйствительности втораго или окончательнаго покаянія: боюсь, чтобы не открыть пути ко грѣху, желая указать путь раскаянія. Да не подумаетъ кто либо, читая сіе, будто позволяется грѣшить подъ тѣмъ предлогомъ, что можно послѣ раскаяться; это значило бы основывать дерзость и наглость человѣка на милосердіи и благости Божій. Не ужели отъ того, что Богъ благъ, должны мы быть злы по соразмѣрности, и стараться столько разъ грѣшить, сколько разъ можетъ Онъ прощать? Но придетъ время, когда намъ все еще можно будетъ грѣшить, но мы не избѣгнемъ уже гнѣва Его. Избѣгнувъ однажды опасности, неужели станемъ мы предаваться ей нарочно, чтобъ опять избѣгнуть ее? Посмотрите на спасшихся отъ кораблекрушенія: они рѣшаются отказаться отъ мореплаванія, и впредь уважать даръ Божій, то есть, свою плотскую жизнь, не подвергая ее болѣе опасностямъ моря. Пріятно видѣть столь робкую скромность, боящуюся докучать Богу частымъ испрашиваніемъ одной и той же милости. Кто боится Бога, тотъ и чтитъ Его. Но духъ злобы никогда не дремлетъ. Видя человѣка, освобождающагося изъ когтей его, онъ раздражается и приходитъ въ ярость отъ того самаго, что долженствовало бы привести его въ робость. Ему не возможно спокойно смотрѣть на сіе обѣщаніе прощенія, изреченное въ пользу раскаянія, прощенія, обуздывающаго смертельное его на насъ вліяніе, изглаживающаго и уничтожающаго множество приговоровъ осужденія. Онъ рыдаетъ отъ бѣшенства, помышляя, что сей грѣшникъ, учинившійся служителемъ Христовымъ, будетъ нѣкогда его судить съ ангелами его. Вотъ почему онъ его подстерегаетъ, на него нападаетъ, подъ нимъ подкапывается, дабы, если можно, или заставить его грѣшить очами посредствомъ плотской

похоти, или опутать душу его сѣтями развратнаго вѣка, или поколебать вѣру его страхомъ гоненій, или же наконецъ чрезъ вѣроломство совратить его съ добраго пути. Для сего не щадитъ онъ ни искушеній ни клеветы. Богъ, предвидя всѣ его пагубныя хитрости, по закрытіи дверей крещенія, отверзъ павшему грѣшнику двери втораго покаянія, въ которыя можно войти толкущему въ нихъ, по повидимому не болѣе, какъ одинъ только разъ потому именно, что это есть уже второе покаяніе. Можемъ ли мы полагать, чтобы не было того достаточно? Мы получили уже одинъ разъ прощеніе, и вновь потеряли благодать сію. Если Богъ столько снисходителенъ, что благоволитъ опять возвратить тебѣ потерянное: то будь по крайней мѣрѣ благодаренъ, и не начинай снова грѣшить. Гораздо большая со стороны Его милость возвратить то, что потеряно, нежели даровать оное въ первый разъ, потому что ты болѣе преступенъ тогда, какъ потерялъ дарованное, нежели когда бы ты совсѣмъ его не получалъ. Но не надобно отчаяваться, когда придетъ надобность во второмъ покаяніи. Избѣгай новаго паденія, но не удаляйся отъ втораго покаянія. Берегись подвергнуться вновь опасности, но не отвращайся отъ вспомоществующей руки, хотящей спасти тебя въ другой разъ. Когда кто сдѣлается опять больнымъ, тотъ не долженъ стыдиться прибѣгнуть вновь къ врачу. Ты обрѣтешь милость у Бога, если не будешь отвергать Его благодѣяній. Ты оскорбилъ Его, но можешь и примириться съ Нимъ. Ты знаешь, у кого просить прощенія: знаешь также, что Онъ тебѣ въ томъ не откажетъ.

VIII. Если ты на сей счетъ сомнѣваешься: то посмотри, что Духъ Святый говоритъ Церквамъ. Ефесская церковь обвиняется въ оставленіи первой любви,

Ѳіатирская въ любодѣйствѣ и яденіи жертвъ идольскихъ, Сардійская въ недостаткѣ добрыхъ дѣлъ, Лаодикійская въ надѣяніи на богатство свое (Апок. II, и III, 1). Духъ Святый, дѣлая симъ церквамъ упреки, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣщаваетъ ихъ къ покаянію, и даже угрожаетъ имъ. Онъ конечно бы не угрожалъ людямъ нераскаяннымъ, если бы съ другой стороны не имѣлъ намѣренія простить имъ, когда онѣ захотятъ раскаяться. Ты могъ бы еще въ томъ сомнѣваться, если бы Господь Богъ положительно не изъяснился на счетъ безпредѣльнаго Своего милосердія. Онъ говоритъ: *Живу Азъ, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися ему, и живу быти* (Іезек. XXXIII, 11). Онъ любитъ болѣе раскаяніе и спасеніе грѣшника, нежели жертвоприношенія. Небеса и Ангелы радуются о кающемся грѣшникѣ (Лук. XV, 10). И такъ, возлюбленный грѣшникъ, ободрись, и вспомни, кто будетъ радоваться, видя тебя вступившаго на добрый путь. Что означаетъ притча Господня о женѣ, потерявшей драхму, и призвавшей сосѣдей радоваться съ нею о томъ, что она нашла ее? Не символъ ли это грѣшника, обрѣвшаго благодать? Овца заблудилась: добрый пастырь дорожитъ ею болѣе цѣлаго стада, идетъ ее искать, и, отъискавши, приноситъ къ стаду на своихъ раменахъ: горько было ему потерять ее. Сердобольный отецъ пріемлетъ распутнаго сына, котораго принудила раскаяться бѣдность: онъ убиваетъ жирнаго тельца, и празднуетъ его возвращеніе. Почему же и не такъ? Сынъ сей тѣмъ болѣе былъ ему дорогъ, что онъ считалъ его погибшимъ. Чей образъ представляетъ отецъ сей? Образъ Бога, всеобщаго нашего Отца. Онъ приметъ тебя, когда ты возвратишься къ Нему, не смотря на то, что ты былъ богатъ, разлучась съ Нимъ, а теперь сдѣлался нищимъ. Онъ возрадуется твоему

возвращенію болѣе, нежели доброму поведенію не разлучавшихся съ Нимъ. Но ты долженъ искренно раскаяться въ душѣ твоей, долженъ сравнять чувствуемый тобою голодъ съ изобиліемъ, которымъ пользуются слуги Отца твоего, долженъ оставить свиней и прибѣгнуть къ оскорбленному своему Отцу, долженъ сказать Ему: *согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой.* Чистосердечное признаніе послужитъ къ извиненію грѣховъ твоихъ; напротивъ же того притворство только усугубитъ ихъ. Исповѣданіе грѣховъ есть начало удовлетворенія за нихъ: притворство есть мятежъ противъ Бога.

IX. Чѣмъ необходимѣе сіе второе покаяніе, тѣмъ очевиднѣе должны быть доказательства его. Тутъ не довольно того, чтобы, какъ при крещеніи, раскаяніе было только добросовѣстное: надобно еще, чтобъ оно засвидѣтельствовано было внѣшними подвигами. Обрядъ сей именуется у насъ обыкновенно *исповѣдію*, посредствомъ которой мы исповѣдуемъ предъ Богомъ грѣхи наши, не потому, чтобъ Онъ не зналъ ихъ, но потому, что исповѣданіе сіе есть начало исправленія и удовлетворенія за грѣхи. Исповѣданіе привлекаетъ раскаяніе, а раскаяніе умиряетъ Господа. Исповѣданіе сокрушаетъ и уничижаетъ человѣка: оно премѣняетъ его и дѣлаетъ достойнымъ небеснаго Божія милосердія; оно повелѣваетъ ему пребывать въ пеплѣ и вретищѣ, и погружать душу свою въ горесть, дабы очистить ее чрезъ страданіе. Оно запрещаетъ ему всякое услажденіе въ пищи и питіи, не для одного тѣла, но и для души. Оно требуетъ, чтобы грѣшникъ питалъ и укрѣплялъ душу свою молитвою, постомъ, воздыханіями и слезами, чтобы день и ночь вопіялъ къ Богу своему, чтобы преклонялъ колѣна передъ священниками, повергался ницъ передъ престоломъ Божіимъ,

и просилъ братій своихъ молиться за него. Вотъ что дѣлаетъ исповѣданіе, дабы возвысить цѣну раскаянія, которое должно служить почестію, воздаваемою Богу, оправдывать грѣшника, избавлять его отъ негодованія Божескаго, и земными и временными страданіями замѣнять для него вѣчныя казни будущаго вѣка. Унижая человѣка до праха земнаго, оно его вновь подъемлетъ: осыпая пепломъ, очищаетъ душу его; обвиняя и осуждая, разрѣшаетъ. Чѣмъ болѣе грѣшникъ строгъ къ самому себѣ, тѣмъ паче Богъ къ нему снисходителенъ.

X. Есть однакожъ люди, которымъ противна исповѣдь передъ народомъ. Они откладываютъ ее со дня на день. Они болѣе боятся стыда, нежели сколько желаютъ спасенія, подражая въ семъ случаѣ больнымъ, которые, стыдясь показать медикамъ тайныя свои язвы, умираютъ отъ постыдныхъ болѣзней. Тщеславіе не терпитъ сего спасительнаго униженія, состоящаго въ подобающемъ удовлетвореніи Господа. Видно для тебя похвальнѣе мнимая робость, подымающая столь высоко голову свою въ то время, какъ ты грѣшишь, и не допускающая тебѣ имѣть смѣлость просить у Бога твоего прощенія публично. Что касается до меня: то я не стану слушать ни робости моей ни стыда моего, когда для меня выгоднѣе попрать ихъ ногами. Самъ Духъ Святый совѣтуетъ намъ непосредственно презирать всякой ложный стыдъ. Онъ говоритъ: *горе привлачающимъ грѣхи яко ужемъ долгимъ* (Ис. V, 18); также *плѣницами своихъ грѣховъ кійждо затязается* (Притч. V, 22), Если грѣшникъ и имѣетъ какую причину бояться, то не тогда ли, какъ ободряетъ насмѣшки злочестивцевъ или какъ возвышается на развалинахъ ближняго? Впрочемъ среди твоихъ товарищей въ служеніи Богу, среди твоихъ братій, имѣющихъ одинакія надежды и одинакій страхъ съ то-

бою, участвующихъ въ твоемъ препровожденіи времени, въ твоихъ горестяхъ и страданіяхъ (ибо чада Божіи должны быть соединены духомъ): за чѣмъ тебѣ избѣгать и чуждаться людей, столько же грѣшныхъ, какъ и ты, какъ будто могутъ они одобрять или осуждать твое паденіе? Тѣло не можетъ заниматься и тѣшиться болью какого либо одного своего члена: надобно, чтобы все оно страдало, чтобы все оно старалось излѣчиться. Тѣло и члены суть Церковь, а Церковь есть какъ бы Самъ Христосъ. Преклоняя колѣна передъ братіями, ты призываешь Христа: плачь ихъ о тебѣ есть плачь какъ бы о страждущемъ Христѣ, призывающемъ Отца Своего. О чемъ Сынъ проситъ, то всегда легко получается. Ложный стыдъ вѣроятно заставитъ тебя произнесть наилучшіе обѣты: онъ можетъ быть заставитъ тебя повѣрить, что тебѣ можно и притворствовать съ своими грѣхами. Но если бы ты и могъ скрыть ихъ отъ людей: то думаешь ли также обмануть и Бога? Не ужели людское почтеніе лучше оправданія предъ Богомъ? Развѣ лучше осудить себя втайнѣ, чѣмъ получить разрѣшеніе при публикѣ? Если духъ злобы овладѣлъ человѣкомъ, любящимъ Господа: то да не теряетъ онъ мужества прибѣгнуть по крайней мѣрѣ къ покаянію, которое хотя и тягостно, но спасительно. Больно имѣть членъ тѣла отрѣзанный, или рану, требующую прожога, противно принимать лѣкарство горькое и ѣдкое; но если врачевства сіи служатъ къ здоровью, то никто не жалуется на ихъ жестокость: надежда на будущее выздоровленіе заставляетъ забывать настоящее горе.

XI. Но причиною откладыванія покаянія можетъ служить и не ложный стыдъ, а боязнь изнурять-ся тѣлесно, казаться при публикѣ въ небрежномъ и некрасивомъ одѣяніи, лишаться всякаго рода удоволь-

ствій, носить грубую власяницу, соблюдать постъ. Инымъ можетъ быть лучше нравится каяться въ уборѣ изъ Тирской багряницы, имѣя золотую булавку для прикалыванія волосъ, употребляя душистый порошокъ для чистки зубовъ и мѣдныя ножницы для обрѣзанія ногтей, равно какъ бѣлила и румяны для крашенія губъ и щекъ. Поѣзжай на воды, принимай морскія ванны, умножай свои расходы, питайся жирными яствами, пей старыя вина; кто же тебя спроситъ, для чего столько тратишь, ты можешь отвѣчать: для того, что я согрѣшилъ предъ Богомъ и спасеніе мое въ опасности; а потому я рѣшился такимъ образомъ каяться и изнурять тѣло мое, дабы примириться съ Богомъ, котораго я оскорбилъ грѣхами моими. Кто паче чаянія такъ мыслитъ и поступаетъ, тому можно бы посовѣтовать взглянуть на язычниковъ, ищущихъ правительственныхъ мѣстъ по выборамъ. Они ничего не стыдятся, нисколько не затрудняются подвергаться не только безпокойствамъ тѣла и души, но и всякаго рода оскорбленіямъ для полученія большаго числа голосовъ. Одежда ихъ грубая. День и ночь стучатся они у множества дверей. Сколько дѣлаютъ поклоновъ и низостей? Они какъ бы убываютъ въ ростѣ, встрѣтясь съ человѣкомъ, имѣющимъ какое либо вліяніе на народъ. Они не даютъ праздниковъ, не приглашаютъ къ себѣ даже и друзей, лишаютъ себя всякой свободы и удовольствія. Все это они терпятъ, чтобы народъ выбралъ ихъ себѣ въ правители на одинъ годъ. Напротивъ того мы Христіане для полученія вѣчнаго спасенія колеблемся творить что либо похожее на то, что они охотно дѣлаютъ изъ пустаго удовольствія видѣть въ послѣдствіи, какъ будутъ передъ ними носить пуки палокъ и топоры. Мы не хотимъ поститься и быть въ некрасивой одеждѣ, оскорбивши Бога, въ то

время, какъ язычники подвергаются тому и другому, не оскорбивши никого. Мы тутъ уподобляемся тѣмъ людямъ, о которыхъ священное Писаніе говоритъ: *горе привлачающимъ грѣхи яко ужемъ долгимъ* (Исаі. V, 18).

XII. Помышляя объ исповѣди, помышляй также и объ адскомъ огнѣ, который исповѣдь можетъ для тебя утушить. Мысль о великости казни сдѣлаетъ для тебя врачевство довольно сноснымъ. Можно ли безъ трепета вспомнить о вѣчной пламенной пещи, когда мы видимъ, какъ искры ея, то есть, подземные огни, изрыгаютъ такое множество пламени, что сосѣдніе города совершенно отъ него истребляются или находятся въ ежедневной опасности погибнуть? Высочайшія горы повреждаются изверженіемъ сего огня. Доказательствомъ вѣчности пламени сего, долженствующаго можетъ быть нѣкогда обратиться намъ въ казнь, служитъ то, что ни колебаніе ни исчезаніе горъ не могло доселѣ истощить источника его. Кто въ семъ терзаніи земнаго шара не увидитъ образа огромности мукъ, насъ ожидающихъ? Кто не замѣтитъ въ сихъ огнедышущихъ горахъ какъ бы слабыхъ искръ обширнаго и необъятнаго пожарища? И такъ зная, что Господь послѣ крещенія даровалъ тебѣ въ покаяніи или исповѣди еще средство избавиться отъ ада, за чѣмъ отчаеваешься ты въ своемъ спасеніи? За чѣмъ перестаешь толкать, когда увѣренъ, что двери тебѣ откроются? Безгласныя животныя, безумные скоты, имѣютъ инстинктъ угадывать врачевства для своего пользованія. Уязвленный стрѣлою олень находитъ и щиплетъ траву дикій бадьянъ. Голубка, ослѣпившая дѣтенищь своихъ, умѣетъ возвращать имъ зрѣніе посредствомъ собственной слюны. Неужели же грѣшникъ, вѣдая, что Христосъ установилъ покаяніе для его спасенія, бу-

детъ чуждаться его? Что было причиною вторичнаго возведенія на Вавилонскій престолъ *Навуходоносора?* Не то ли, что онъ въ теченіи семи лѣтъ каялся предъ Господомъ, исповѣдуясь во прахѣ, отростивъ ногти, какъ когти орлиные, запустивъ волосы, какъ львиную гриву? Но какое чудо! Тотъ, кого люди ужасались, удостоился милости Божіей. Напротивъ того царь Египетскій *Фараонъ,* столь долго отрекавшійся дать свободу народу Божію, и по дарованіи ея рѣшившійся преслѣдовать его, не смотря на множество казней, долженствовавшихъ его образумить, былъ поглощенъ волнами моря, разступившагося для прохода избраннаго народа: въ ожесточенномъ сердцѣ его не было мѣста для раскаянія, и онъ погибъ. Но къ чему говорить долѣе о крещеніи и исповѣди, сихъ двухъ подпорахъ нашего спасенія? Не будетъ ли это знакомъ болѣе суетнаго моего краснорѣчія, нежели побужденія совѣсти моей? Я такъ же грѣшникъ, я также сдѣлалъ много преступленій, я также долженъ каяться. Вотъ почему нельзя было мнѣ прейти сего молчаніемъ. Я тутъ поступилъ подобно *Адаму,* первому человѣку и первому грѣшнику, который не могъ иначе вновь обрѣсти потеряннаго рая, какъ чрезъ покаяніе.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ.

О ЦѢЛОМУДРІИ (*).

I. Я не сомнѣваюсь, любезный братъ, что со времени смерти супруги твоей ты основательно размыслилъ, какимъ образомъ обрѣсти покой души, котораго нельзя тебѣ иначе достигнуть, какъ оставаясь на будущее время вдовцемъ. Обрати на это все твое вниманіе. Хотя въ семъ отношеніи каждый долженъ наиболѣе полагаться на самаго себя и соображаться съ собственными силами; но какъ требованія плоти вмѣшиваются тутъ въ разсужденія ума и сопротивляются вѣрѣ: то сія послѣдняя имѣетъ надобность въ совѣтахъ другаго человѣка, который служилъ бы ему какъ бы стряпчимъ или адвокатомъ противъ плоти. Плоть можетъ быть побѣждаема умомъ, когда умъ слѣдуетъ болѣе волѣ Божіей, нежели собственной слабости. Никто не можетъ и не долженъ величаться дерзновеннымъ угожденіемъ своей плоти: величаться надобно повиновеніемъ волѣ Божіей, которая составляетъ наше освященіе. Богъ хочетъ, чтобы тотъ, кого сотворилъ Онъ по образу Своему, уподоблялся Ему во всемъ, и былъ бы такъ святъ, какъ святъ Онъ. Онъ установилъ различныя степени святости, съ тѣмъ чтобы мы въ ней участвовали. Первая степень есть

(*) Сочинена въ 203 году по Р. Х.

дѣвство, соблюдаемое отъ рожденія. Вторая степень дѣвства послѣ крещенія состоитъ въ томъ, чтобы мы во время супружества очищали себя добровольно разлукою между мужемъ и женою, или чтобы мы сохраняли цѣломудріе, пребывая постоянно какъ бы въ безбрачномъ состояніи. Наконецъ третья степень заключается въ единобрачіи, когда мы по смерти первой жены отказываемся отъ женскаго пола. Первое счастіе, первое дѣвство не знать вовсе того, о чемъ можно послѣ жалѣть, познавши оное. Вторая степень презирать то, что слишкомъ хорошо намъ извѣстно. Третья также достойна похвалы, потому что воздержаніе есть добродѣтель. Быть воздержнымъ значитъ не жалѣть о томъ, чего мы лишены, и лишены Господомъ Богомъ, безъ воли котораго ни одинъ листъ не падетъ съ дерева, *ни едина отъ птицъ не падетъ на земли* (Мато. X, 29).

II. Не означаетъ ли прямой скромности и воздержанія изреченіе *Іова*: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть* (I, 21). Напротивъ того, вступя во вторичный бракъ, мы дѣйствуемъ противъ воли Божіей, желая вторично обрѣсти то, чего Онъ насъ лишилъ. Если бы Богъ хотѣлъ, чтобы мы оставались въ супружествѣ: то Онъ не отнялъ бы у насъ первой жены, развѣ бы кто вздумалъ мыслить, что Богъ можетъ опять хотѣть того, чего однажды не захотѣлъ. Чистосердечная и основательная вѣра не должна такимъ образомъ приписывать всего волѣ Божіей безъ всякаго исключенія. Каждый льститъ себя тѣмъ, что ничего не можетъ произойти безъ воли Его, какъ будто бы не было у насъ собственной воли. Весьма было бы намъ легко извинить всѣ наши грѣхи, если бы мы полагали, что они не могутъ иначе производиться, какъ по волѣ Божіей. Это значило бы

уничтожить всякій законъ, всякое чиноположеніе, значило бы даже, смѣю сказать, уничтожить Самаго Бога, когда бы кто вздумалъ говорить, что по волѣ Его дѣлаетъ онъ то, чего самъ не хочетъ. Какъ могъ бы Господь подъ угрозою вѣчнаго огня запрещать такія вещи, которыхъ Онъ желаетъ? Безъ сомнѣнія Онъ запрещаетъ ихъ и потому, что онѣ оскорбляютъ Его, и потому что Онъ ихъ не желаетъ. Равномѣрно Онъ велитъ намъ исполнять то, что Ему угодно, и за исполненіе того Онъ насъ пріемлетъ и вознаграждаетъ вѣчною жизнію. И такъ когда намъ извѣстно, чего Онъ хочетъ и не хочетъ: то мы имѣемъ свободу пожелать того или другаго, какъ-то и сказано: *предъ человѣкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему* (Прем. Сир. XV, 17). Мы не должны относить къ волѣ Божіей того, что предоставлено намъ на собственную нашу волю. Богъ хочетъ, чтобы мы были добры; Онъ не можетъ желать зла. Въ нашей волѣ хотѣть творить зло вопреки волѣ Бога, желающаго единственно добра. Я говорю, что воля сія находится въ самихъ насъ, потому что мы подобны въ семъ отношеніи праотцу нашему. *Адамъ*, первый человѣкъ и первый грѣшникъ, захотѣлъ, какъ скоро согрѣшилъ. Діаволъ не вселилъ въ него воли согрѣшить, но подалъ ему только поводъ къ тому. Воля Божія была, чтобъ *Адамъ* повиновался Ему свободно. Такъ должно быть и съ тобою. Богъ даровалъ тебѣ произволъ, то есть, волю хотѣть. Потомъ Онъ предоставляетъ тебѣ дѣлать даже и то, что Ему не угодно. Если ты ослушаешься Его: то сдѣлаешься рабомъ діавола, одолѣвшаго тебя. Діаволъ хочетъ, чтобы ты желалъ того, что Богу не угодно; но онъ не можетъ заставить тебя хотѣть сего, потому что не могъ и первыхъ человѣковъ принудить противъ воли сдѣлать

зло. Если они на то и согласились, то не безъ невѣдѣнія о томъ: имъ весьма извѣстна была воля Бога, который конечно не хотѣлъ того, что запретилъ имъ подъ смертною казнію. Все, что діаволъ въ состояніи сдѣлать, заключается въ томъ, что онъ можетъ измѣнять твою волю по твоему произволу. Если ты поддашься ему, то сдѣлаешься его служителемъ, не потому, чтобъ онъ могъ вселить въ тебя особую волю, но потому что возобладаетъ волею, въ тебѣ находящеюся. Стало быть мы вольны хотѣть или не хотѣть: душѣ принадлежитъ явить предъ лицемъ Божіимъ, согласна ли съ волею Его ея воля.

III. И такъ я утверждаю, что надлежитъ тщательно изучать волю Божію, и не только волю Его явную, всѣмъ намъ извѣстную, но и волю Его сокровенную. Есть вещи, съ перваго взгляда согласующіяся съ волею Божіею, потому что Онъ ихъ дозволяетъ; но что только дозволено, то не составляетъ еще прямой воли дозволяющаго. Дозволеніе означаетъ болѣе снисходительность, нежели волю. Оно конечно дается не безъ участія воли; но тутъ воля возбуждается особою причиною, какъ бы принуждающею ее дозволить то, что она велѣть затрудняется. Изучай волю Божію, какова она сама по себѣ, и старайся вникнуть въ причины, заставляющія ее въ извѣстныхъ случаяхъ уклоняться отъ прямаго пути. Воля Его состоитъ не въ томъ, что Онъ по снисхожденію дозволяетъ, но въ томъ, что закономъ Его предписывается. Какъ скоро Онъ дозволяетъ какую вещь, то тѣмъ самымъ показываетъ, что Онъ ей другую вещь предпочитаетъ. Не ясно ли же, что намъ надобно преимущественнѣе творить то, что Имъ предпочитается, нежели то, что Имъ дозволяется? Показывая намъ то, что для Него болѣе пріятно, не отсовѣтываетъ ли

Онъ намъ того, что менѣе пріятно для Него? Давая намъ знать о томъ, что Онъ дозволяетъ и что предпочитаетъ, не обязываетъ ли Онъ насъ послѣдовать тому пути, который изъ угожденія Ему сами мы должны предпочесть? Такимъ образомъ удостовѣрясь въ томъ, что Онъ болѣе любитъ и что любитъ менѣе, если и за симъ станешь ты дѣлать не то, что Онъ предпочитаетъ, то будешь дѣйствовать противъ Его воли, будешь Его оскорблять; а это не есть способъ удостоиться отъ Него освященія. Дѣлая то, что Онъ дозволяетъ, и отвергая то, чего Онъ собственно хочетъ, ты нѣкоторымъ образомъ грѣшишь, и едва ли попадешь въ число избранныхъ. Не хотѣть удостоиться освященія, значитъ грѣшить. И такъ если второе супружество основывается на волѣ Божіи, допущенной и какъ бы вынужденной снисходительностію: то мы не обинуясь говоримъ, что это не чистая и не прямая воля Его, потому что она тутъ покоряется причинѣ, требовавшей снисходительности. Сему второму супружеству очевидно предпочитается воздержаніе потому, что одна лучшая вещь не можетъ предпочтена быть другой лучшей вещи: одна изъ нихъ должна быть не столько хороша, какъ другая. Я изложилъ сіи основныя начала на тотъ конецъ, чтобы послѣ сего руководствоваться уже наставленіями Апостола. Нельзя счесть меня злочестивымъ, если я скажу, что и Апостолъ учитъ насъ предпочитать воздержаніе. Надобно во-первыхъ замѣтить, что снисходительность его въ отношеніи ко второму браку происходитъ такъ сказать не отъ Святаго Духа, но отъ человѣческаго разума. Повелѣвая вдовцамъ, *аще не удержатся, да посягаютъ; лучше бо есть женитися, нежели разжизатися*, онъ тотчасъ обращается къ другому предмету, и присовокупляетъ: *а оженившимся*

завѣщаваю, не азъ, но Господь и пр. (1 Кор. VII, 9 и 10). Онъ тутъ довольно ясно показываетъ, что сіи слова: *лучше есть женитися, нежели разжизатися*, произнесены имъ отъ самаго себя именемъ Господнимъ. Онѣ относятся какъ къ женатымъ, такъ и къ хотящимъ жениться. Разсмотримъ однакожъ, что это за благо, которое потому только благо, что лучше ужасной казни, и которое тогда только бываетъ благо, когда сравнивается со зломъ. Супружество есть благо потому, что разжизаться еще хуже супружества. По моему мнѣнію надлежитъ называть благомъ одно только то, что заслуживаетъ сіе названіе, не оправдываясь сравненіемъ. Благо не должно быть сравниваемо не только съ какимъ либо зломъ, но и съ такимъ благомъ, которое въ семъ случаѣ теряетъ нѣсколько свою цѣну, хотя и не перестаетъ быть благомъ. Но когда какая вещь признается благомъ единственно по сравненію со зломъ: то я утверждаю, что она есть только меньшее зло, кажущееся благомъ передъ большимъ зломъ. Можно ли безъ сего сравненія просто сказать: *лучше женитися*, не объяснивъ, чему предпочитается бракъ? А какъ нельзя прямо сказать: бракъ лучше, то не слѣдуетъ говорить, что онъ есть и благо. Бракъ тутъ есть только нѣчто лучшее въ сравненіи съ худшимъ. Стало быть когда говорится: *лучше женитися, нежели разжизатися*, то это тоже, какъ бы кто сказалъ: лучше быть кривымъ, нежели слѣпымъ. Оставя сравненіе, никто конечно не скажетъ: лучше, или же хорошо быть кривымъ. Слѣдовательно никто да не толкуетъ въ свою пользу сего текста, который впрочемъ касается собственно до не женатыхъ и холостыхъ людей; да и сіи обязаны обращать вниманіе преимущественно на то, что есть лучшаго въ бракѣ.

IV. Апостолъ также сказалъ: *Привязался ли еси*

женѣ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился ли еси жены, не ищи жены; аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси (1 Кор. VII, 27 и 28). Но и въ семъ текстѣ говоритъ это самъ онъ, а не Духъ Святый. Великое различіе между заповѣдію Божіею и совѣтомъ человѣка. *Повелѣнія Господня*, говоритъ онъ выше, *не имамъ, совѣтъ же даю* (25). Дѣйствительно ни въ Евангеліи ни въ посланіяхъ св. *Павла*, нѣтъ заповѣди оставлять жену свою. Изъ чего заключить слѣдуетъ, что дозволенное Господомъ должно считать попущеніемъ, если не запрещеніемъ. Послѣ сего совѣта, даннаго имъ какъ бы отвлеченно, онъ снова утверждаетъ сказанное уже имъ, и говоритъ: *скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи* (28). Потомъ присовокупляетъ: *сіе же глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее, да и имущіи жены, яко же не имущіи будутъ* (29). Говоря, *яко добро человѣку тако быти* (26), то есть, не жениться, онъ отсовѣтываетъ исполнять то, что предъ тѣмъ дозволилъ; отсовѣтываетъ вступать въ первый бракъ, а кольми паче во вторый. Совѣтуя намъ послѣдовать своему примѣру, онъ ясно обозначаетъ, чего отъ насъ требуетъ, и отъ чего должны мы отречься сходно съ его желаніемъ. Чего онъ не хочетъ, того не дозволяетъ онъ ни волею ни помышленіемъ; если же бы хотѣлъ или помышлялъ, то далъ бы на то не дозволеніе, а повелѣніе. Далѣе говоритъ онъ: *Жена, аще умретъ мужъ ея, свободна есть, за него же хощетъ, поспѣти, точію о Господѣ; блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ по моему совѣту; мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (39 и 40). Здѣсь представляются два различныя мнѣнія: однимъ дозволяетъ онъ вновь жениться, другимъ предписываетъ воздержаніе. Какого держаться, спросишь ты? Самъ разсмотри и вникни. Гдѣ онъ дозволяетъ, тамъ излагаетъ мнѣніе свое,

какъ человѣкъ благоразумный; а гдѣ запрещаетъ, тамъ говоритъ какъ человѣкъ, руководимый Духомъ Святымъ. Послѣдуй же изъ сихъ двухъ мнѣній тому, которое божественно. Иные вѣрующіе имѣютъ духъ Божій, но не всѣ вѣрующіе суть Апостолы. Св. *Павелъ*, какъ вѣрующій, говоритъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти*; въ чемъ и сомнѣваться нельзя, потому что онъ дѣйствительно вѣрующій: но слова сіи прибавлены имъ для того, чтобы воспріять достоинство и власть своего апостольства. Какъ Духъ Святый преимущественно былъ дарованъ Апостоламъ, являвшимъ Его въ своихъ писаніяхъ, чудесахъ, пророчествахъ и проповѣди: то они обладали Имъ болѣе, нежели другіе вѣрующіе. Св. *Павелъ* воспользовался наипаче авторитетомъ Святаго Духа, когда повелѣлъ намъ отворить то, чего онъ предпочтительно хотѣлъ; а по причинѣ величества Духа Святаго, онъ преподалъ намъ уже тутъ не совѣтъ, но заповѣдь.

V. Теперь хочу я поговорить о законѣ брака, каковъ онъ есть самъ по себѣ. Происхожденіе рода человѣческаго освятило его, показавъ намъ то, что Богъ съ самаго начала постановилъ правиломъ для всего потомства *Адамова*. Богъ, сотворивъ человѣка, призналъ за благо дать ему помощницу: изъ одного ребра его извлекъ Онъ ему жену. Въ веществѣ безъ сомнѣнія недостатка не было, потому что Адамъ имѣлъ не одно, а много ребръ. Руки Божіи были неутомимы, и Онъ конечно могъ бы сотворить *Адаму* нѣсколько женъ, если бы восхотѣлъ; но того не сдѣлалъ. *Адамъ*, сынъ Божій, и *Ева*, дщерь Божія, женились, и должны довольствоваться другъ другомъ. Такъ состоялся законъ брака. Сказано: *и будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24), стало быть не три и не четыре будутъ въ плоть едину. И такъ, кто женится одинъ разъ,

тотъ составляетъ одну плоть и *два въ плоть едину;* а кто вступаетъ въ союзъ сей два раза и болѣе, у того плоть перестаетъ быть единою, тотъ становится три, четыре и болѣе, въ одной плоти. Съ другой стороны Апостолъ, толкуя текстъ сей, приспособляетъ его къ союзу Іисуса-Христа съ Его Церковію. Какъ Христосъ единъ, такъ и Церковь едина. Мы видимъ съ семъ истолкованіи новое для себя побужденіе придерживаться единобрачія, потому именно, что какъ праотецъ нашъ *Адамъ* вступилъ одинъ только разъ въ союзъ съ *Евою* по плоти, такъ и Христосъ съ Своею Церковію заключилъ одинъ союзъ по духу. Кто отступаетъ отъ единобрачія, тотъ слѣдовательно грѣшитъ и по плоти и по духу. Первый многоженецъ подвергся проклятію: то былъ *Ламехъ*, который, женясь на двухъ женахъ, составилъ три существа въ одной плоти.

VI. Но, скажутъ иные, блаженные патріархи имѣли не только по нѣскольку женъ, но и наложницъ; а потому намъ надобно дозволить по крайней мѣрѣ жениться нѣсколько разъ.—Все сіе происходило подъ старымъ закономъ, котораго первая заповѣдь была: *раститеся и множитеся* (Быт. 1, 28); происходило тогда, какъ состоялся между Богомъ и Его народомъ прежній завѣтъ, котораго прообразованіемъ были подобные браки и пр. Но когда новое откровеніе возвѣстило намъ, что *время прекращено есть прочее, да и имущіи жены, яко не имущіи, будутъ:* то Евангеліе, одобряя воздержаніе и обуздывая многобрачіе, тѣмъ самымъ положило конецъ древнему закону. Впрочемъ оба сіи закона, повидимому противорѣчащіе одинъ другому, происходятъ отъ одного и того же Бога, который сперва хотѣлъ, чтобы родъ человѣческій размножился, и міръ наполнился людьми для пріятія новаго завѣта; нынѣ же, когда мы приблизились къ прекращенію

временъ, Богу угодно было прекратить и прежнее дозволеніе. Такимъ образомъ Богъ не безъ причины то, что сначала попустилъ, нынѣ отмѣняетъ. Такъ и всегда случается: начало слабо, а конецъ крѣпокъ. Богъ поступилъ подобно человѣку, который сажаетъ лѣсныя отрасли, съ тѣмъ чтобы въ свое время имѣть огромныя деревья на строеніе. Древній законъ имѣлъ цѣль сажаніе сего лѣса; а Евангеліе подаетъ сѣкиру для рубки его. Такъ отмѣнены и многія другія статьи стараго закона. Прежде говорили: *око за око, зубъ за зубъ*; а нынѣ строго *запрещено* воздавать *зло за зло*. Даже и въ человѣческомъ законодательствѣ кажется принято за правило, что новый законъ всегда измѣняетъ старый.

VII. Почему не стараемся мы лучше находить въ ветхомъ завѣтѣ правилъ, согласующихся съ нашими правилами, и по своему сообразію включенныхъ въ новый завѣтъ? Я вижу, что въ древнія времена также обуздываема часто была излишняя наклонность вступать въ браки. Въ книгѣ Левитъ сказано: *Сей* (жрецъ) *въ жену дѣву отъ рода своего да пойметъ* (XXI, 13); слѣдовательно одну дѣву, а не многихъ. Также въ другомъ мѣстѣ говорится: *И да не умножитъ себѣ женъ, да не превратится сердце его* (Второз. XVII, 17). Но и въ семъ случаѣ, какъ во всякомъ другомъ, предоставлено было Іисусу-Христу исполнить или пополнить законъ. По сему у Христіанъ вмѣнено въ точнѣйшую и строжайшую обязанность священникамъ жениться одинъ только разъ, такъ что, какъ мнѣ извѣстно, кто имѣлъ двухъ женъ, тотъ лишается священства. Вы возразите можетъ быть, что какъ запрещеніе сіе касается до однихъ священниковъ; то стало быть прочимъ вѣрующимъ дозволено вступать во вторый бракъ. Какое безуміе полагать, что мірянамъ дозволяется дѣлать то,

что запрещено священникамъ! Развѣ мы не всѣ священники? Господь нашъ Іисусъ-Христосъ содѣлалъ всѣхъ насъ не только служителями, но и священниками Отца небеснаго. Власть Церкви постановила границы между священниками и міряпами. Но существенная обязанность служенія Богу принадлежитъ неотъемлемо каждому. Развѣ не приносимъ мы и безъ священниковъ жертвъ Ему въ молитвахъ, колѣнопреклоненіяхъ, бдѣніяхъ, и даже въ поученіи другихъ? Развѣ не имѣемъ мы права сами крестить въ случаѣ нужды? Ты священникъ для себя и для нѣкоторыхъ, хотя и не для всѣхъ. Гдѣ собралось трое вѣрующихъ, хотя бы мірянъ, тамъ и Церковь: каждый оживляется своею вѣрою, и Богъ не зритъ на лица. Ты оправданъ будешь не какъ служитель, но какъ членъ Церкви. Стало быть если ты исправляешь иногда должность священника: то долженъ покоряться и закону священства. Осмѣлишься ли ты кого крестить и приносить жертвы Богу, имѣвши двухъ женъ? Если священнику двоеженцу воспрещено сіе: то мірянинъ, посягнувшій на то, еще болѣе преступенъ. Но ты скажешь, что таковый поступокъ извиняется въ случаѣ надобности. Знай же, что нельзя назвать надобностію того, что бываетъ иногда и не надобнымъ. Не вступай во вторый бракъ, и ты никогда не будешь имѣть надобности нарушать законъ, до церковныхъ обрядовъ касающійся. Богъ хочетъ, чтобы мы всегда готовы были приступать къ совершенію Его таинствъ. Если міряне, изъ среды которыхъ избираются священники, не станутъ покоряться условіямъ священства: то откуда брать священниковъ, когда потребуются? Такимъ образомъ, мы должны поступать такъ, чтобы міряне не женились два раза (*), потому, что не можно избрать

(*) Тертулліанъ по строгости своихъ правилъ и вѣроятно по

въ священники никого другаго, какъ такого міряниа, который долженъ быть женатъ одинъ только разъ.

VIII. И такъ пусть люди женятся, если все, что дозволено, есть добро, не взирая на изреченіе *Павла: вся ми лѣть суть, но не вся назидаютъ* (I. Кор. X, 23). Скажите однакожъ, можно ли назвать добромъ то, что не полезно? Если то, что для спасенія не полезно, можетъ дозволено быть: то изъ сего слѣдуетъ, что и недобрыя вещи могутъ быть дозволены. Что же ты предпочтешь, то ли, что считаешь добромъ, потому что оно позволено, или то, что само по себѣ есть добро, потому что полезно? Отъ своеволія далеко спасеніе. О томъ, что само по себѣ есть добро, нечего и говорить, потому что оно не имѣетъ надобности въ дозволеніи. Но обыкновенно дозволяется то, что въ своей добротѣ сомнительно, чего можно бы было и не дозволить, а особливо, когда нѣтъ особыхъ обстоятельствъ, оправдывающихъ дозволеніе. Вторый бракъ дозволенъ для избѣжанія опасности отъ невоздержанія. Предоставляя вѣрующимъ выборъ вещи, менѣе доброй, Богъ испытываетъ ихъ, чтобы желающихъ слѣдовать волѣ Его отдѣлить отъ желающихъ покоряться своимъ страстямъ, и чтобы распознать, кто ищетъ полезнаго и кто пріятнаго, кто хочетъ угождать Богу и кто самому себѣ. Произволъ есть камень претыканія для повиновенія, потому что повиновеніе испытывается искушеніемъ, а искушеніе опирается на произволъ. Вотъ почему позволены многія сами по себѣ какъ бы недобрыя и неполезныя вещи. Кто имѣетъ волю, тотъ

внутреннему убѣжденію, весьма часто преувеличивалъ вещи. Напримѣръ и тутъ, не смотря на удостовѣреніе св. Павла, что тотъ не согрѣшаетъ, кто по смерти мужа или жены посягнетъ, онъ настоитъ на томъ, чтобы свѣтскіе люди въ другой разъ не женились: чего однакожъ, какъ извѣстно, православная Церковь не приняла.

искушается; а кто искушается, тотъ подверженъ суду Божію. Апостолы имѣли дозволеніе жениться и водить съ собою женъ въ мірѣ. Но тотъ, кто не захотѣлъ воспользоваться симъ дозволеніемъ, совѣтуетъ намъ послѣдовать его примѣру, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что произволъ тутъ не иное что есть какъ испытаніе, обращенное имъ въ пользу воздержанія.

IX. Входя въ глубокій смыслъ сихъ послѣднихъ словъ, мы находимъ, что вообще бракъ есть терпимое такъ сказать любодѣяніе. Св. *Павелъ* говоря, что супруги *пекутся, како угодити себѣ*, конечно не думалъ тутъ, чтобъ они угождали себѣ чистотою нравовъ, чего вѣрно бы не опорочилъ; но онъ говорилъ тутъ о нарядахъ, украшеніяхъ и прочихъ мѣлочахъ, посредствомъ которыхъ супруги стараются возбуждать другъ друга къ сладострастію. Желаніе нравиться внѣшно есть самая сущность плотской похоти, которая съ своей стороны есть причина любодѣянія. Но бракъ не уподобляется ли любодѣянію, не бываетъ ли цѣлію удовлетворенія тѣхъ же пожеланій? Самъ Господь сказалъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мат. V, 28). Человѣкъ, ищущій вступить въ бракъ съ женщиною, не творитъ ли того же самаго, хотя бы послѣ и женился на ней? Да и женился ли бы онъ на ней, прежде нежели бы посмотрѣлъ на нее съ похотію, исключая развѣ бы бралъ такую жену, которой не видалъ и не желалъ? Для совѣсти мужа важно то, если онъ прежде женитьбы не пожелалъ чужой жены; прежде же женитьбы всѣ жены чужія, такъ что никакая жена не выходитъ замужъ иначе, какъ когда мужъ уже взоромъ любодѣйствовалъ съ нею. Законы повидимому полагаютъ различіе между бракомъ и любодѣяніемъ; но различіе сіе относится

собственно къ дозволенію данному или отвергнутому, а не къ самой вещи. Это касается и до мужей и до женъ. Бракъ и любодѣяніе составляютъ одинъ союзъ, одно плотское сочетаніе, пожеланіе котораго Господомъ названо любодѣяніемъ. — На сіе вы возразите, что я слишкомъ далеко увлекаюсь, что нападаю даже и на первый бракъ.—Это правда. Я нападаю на него, потому что онъ основывается также на пожеланіи; а пожеланіе есть уже любодѣяніе. Самое лучшее для человѣка совершенно удаляться отъ женскаго пола, и вотъ почему дѣвство имѣетъ преимущество, будучи изъято отъ всякаго подобія любодѣянія. Если разсужденія сіи столько не благопріятны для первыхъ браковъ: то какую силу должны онѣ имѣть противъ вторыхъ и третьихъ браковъ? Благодарите Бога, что Онъ дозволилъ вамъ жениться одинъ разъ; а о второмъ бракѣ лучше и не помышляйте, полагая его какъ бы запрещеннымъ. Пользоваться дозволеніемъ не скромно, то есть, неумѣренно, значитъ употреблять его во зло. Развѣ не довольно для тебя, что ты изъ дѣвства сошелъ на вторую ступень цѣломудрія, и нужно ли тебѣ опускаться еще на третью и четвертую ступень? Если для тебя мало одного брака: то чѣмъ себя ты ограничишь? Тотъ, кто осуждаетъ двоеженцевъ, не положилъ опредѣленнаго числа браковъ. Стало быть можно жениться всякій день, пока наконецъ постигнетъ насъ судъ, подобно какъ постигъ онъ Содомъ и Гомору. Тогда-то исполнится слово, произнесенное въ Евангеліи: *горе имущимъ во утробѣ и доящимъ въ тыя дни* (Лук. XXI, 23), то есть, горе мужьямъ любодѣямъ, плодотворящимъ утробу женъ, и женамъ, производящимъ и кормящимъ дѣтей. Но когда пресѣкутся браки сіи? Вѣроятно тогда, какъ подобные мужья и жены перестанутъ существовать.

X. И такъ откажемся отъ плотскихъ вещей, и займемся лучше вещами духовными. Воспользуйся, любезный братъ, симъ случаемъ, тобою не ожиданнымъ, но представляющимся весьма кстати, чтобы избавиться тебѣ навсегда отъ всякаго земнаго обязательства. Ты болѣе не должникъ. Ты счастливъ, потерявши жену. Потеря сія для тебя пріобрѣтеніе. Ты теперь удобно можешь посредствомъ воздержанія совершить дѣло святости. Изнуряя плоть, ты обогатишь духъ свой. Посмотри, какъ близокъ человѣкъ къ духовной природѣ, освободясь по случаю отъ жены. Онъ чувствуетъ себя какъ бы вновь рожденнымъ. Когда молится, онъ кажется видитъ себя ближе къ небу. Онъ проводитъ ночи въ размышленіяхъ о священномъ Писаніи. Сердце его исполняется блаженства. Борясь съ діаволомъ, пріобрѣтаетъ онъ довѣріе къ самому себѣ. Апостолъ совѣтуетъ намъ соблюдать тѣлесную чистоту, приносящую наибольшее достоинство молитвѣ, поучая насъ чрезъ то, что чистота сердца необходима, и что мы должны очищать себя часто. Во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, нужна молитва; а слѣдовательно нужна и чистота, предшественница молитвы. Молитва истекаетъ отъ души: если душа имѣетъ причину краснѣть, то и молитва объята бываетъ стыдомъ и робостію. Духъ Святый возноситъ молитву къ Богу. Видя стыдъ души, какъ можетъ Онъ пріять молитву ея и вознести къ небу? Сей святый посланникъ не покроется ли и Самъ стыдомъ души? Слѣдующее слово изъ ветхаго завѣта есть истинное пророчество: *будите святи, яко святъ есмь Азъ Господь* (Левит. XIX, 2). Также: *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и со избраннымъ избранъ будеши* (Псал. XVII, 26, и 27). Мы должны входить въ духъ божественнаго закона

сообразно съ достоинствомъ Господа, а не по буйнымъ похотямъ плоти. Согласно съ симъ говоритъ и Апостолъ: *Мудрованіе плотское смерть есть, а мудрованіе духовное животъ и миръ* (къ Римл. VIII, 6). Когда же плоть во время перваго брака удаляетъ отъ насъ такимъ образомъ Духа Святаго: то тѣмъ съ большею силою будетъ она дѣйствовать, когда мы женимся въ другой разъ.

XI. Вторый бракъ подаетъ два предлога къ стыду. Душа человѣка волнуется отъ двухъ женъ: отъ одной по воспоминанію, отъ другой по дѣйствительности. Ты не можешь ненавидѣть первой жены, память которой для тебя тѣмъ священнѣе, что она уже находится въ царствѣ Божіемъ, и что ты ежегодно творишь по ней поминовенія. Стало быть ты будешь предстоять предъ Богомъ твоимъ со столькими женами, за сколькихъ молишься: ты станешь за двухъ женъ приступать къ исполненію Святыхъ Таинъ, совершаемыхъ руками священника единобрачнаго, а можетъ быть и дѣвственника, окруженнаго своими діаконами и канониссами тоже единобрачными или дѣвственницами. И послѣ всего сего осмѣлишься ли ты хладнокровно приносить Богу жертву моленія твоего, и между прочими милостями станешь ли испрашивать у него дара цѣломудрія какъ для себя, такъ и для новой твоей супруги?

Знаю я, что многіе ссылаются на ненасытимую похоть плоти. Другіе приводятъ въ извиненіе надобность снискивать себѣ друзей, имѣть кого либо для управленія домомъ и семействомъ, для содержанія въ порядкѣ хозяйства, для наблюденія за служителями, для сбереженія расходовъ. Выходитъ по твоему, что одни только домы женатыхъ людей могутъ хорошо быть управляемы, и что холостые люди должны пе-

премѣнно разоряться. Но развѣ евнухи, военные люди и путешественники не обходятся безъ женъ, и всегда теряютъ имущество свое? Да и сами мы развѣ не воины, и не должны подвергаться дисциплинѣ величайшаго изъ властителей? Развѣ сами мы не путешественники въ мірѣ семъ? Какимъ же образомъ ты, христіанинъ, не можешь обойтись безъ жены? — Но мнѣ, говоришь ты, нужна подруга, чтобы поддерживать тягость домашняго быта. — Въ такомъ случаѣ избери себѣ супругу прямо духовную; избери въ подруги вдову, красующуюся религіознымъ усердіемъ, богатую бѣдностію своею, облагороженную степеннымъ возрастомъ. Такой бракъ для тебя весьма хорошъ. Такихъ супругъ или сестръ можешь ты вездѣ отъискать себѣ, сколько угодно, не боясь Бога. Но нѣтъ! Христіане, которые не должны бы думать о завтрешнемъ днѣ, хотятъ имѣть потомство. Служители Божіи, отказавшіеся отъ наслѣдства мірскими услажденіями, хотятъ имѣть наслѣдниковъ. Не имѣя дѣтей отъ перваго брака, они стараются получить ихъ отъ втораго. Имъ хотѣлось бы подолѣе пожить, тогда какъ Апостолъ желаетъ и проситъ Бога, чтобы скорѣе разстаться съ міромъ. Вѣроятно подобный Христіанинъ менѣе заботиться будетъ о гоненіяхъ, съ большимъ мужествомъ претерпитъ муки, умнѣе станетъ отвѣчать при допросахъ, и наконецъ гораздо спокойнѣе умретъ, оставя послѣ себя дѣтей, чтобы было кому похоронить его. Подумать можно, что Христіане дѣйствуютъ такимъ образомъ для блага какой либо республики, опасаясь, дабы не случилось недостатка въ жителяхъ, когда не станутъ они пещись о размноженіи ихъ. Они можетъ быть страшатся, чтобы не перестали процвѣтать законы и торговля, чтобы не опустѣли храмы, чтобы неравно никого не осталось, кто бы могъ кри-

чать: Христіанъ на растерзаніе звѣрямъ! Вѣроятно кто хочетъ имѣть дѣтей, тому не противенъ такой крикъ.— Казалось бы одной заботы о дѣтяхъ достаточно, чтобы заставить насъ оставаться холостыми. Законы обязываютъ отцевъ воспитывать ихъ, предвидѣвши, конечно, что ни одинъ смышленый человѣкъ добровольно не приметъ на себя столь тягостнаго труда. Что же станешь ты дѣлать, когда и женѣ твоей перелашь сіи обременительныя чувства? Чего добраго? Не употребишь ли медикаментовъ, чтобъ истребить зародышъ въ утробѣ ея? Но я думаю, что намъ не дозволено убивать дитя ни прежде ни послѣ рожденія его. Можетъ быть во время беременности жены твоей вздумаешь ты просить Бога, чтобъ Онъ исполнилъ то, чего ты самъ исполнить не смѣешь, или же изберешь жену безплодную, неспособную по лѣтамъ къ дѣторожденію. Размысли обо всемъ и не предавайся мечтамъ. Если Богу угодно, то и жена безплодная или старая сдѣлается плодоносною, потому именно, что ты считалъ ее къ тому неспособною. Съ нами самими знакомъ одинъ человѣкъ, который для управленія домомъ своимъ взялъ себѣ вторую жену, считавшуюся безплодною; но она вскорѣ удвоила число дѣтей его.

XII. Я окончу разсужденіе сіе, любезный братъ, приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ, заимствованныхъ отъ язычниковъ, примѣровъ, которые Богъ представляетъ намъ часто въ доказательство того, что угодное Ему нерѣдко признается за добро и со стороны свѣтской мудрости. Язычники имѣютъ величайшее уваженіе къ единобрачію, до того, что когда дѣвицы вступаютъ въ законный бракъ, то къ нимъ всегда опредѣляются въ собесѣдницы женщины, бывшія одинъ только разъ за мужемъ. Если люди считаютъ это за добрре предвѣщаніе: то я нахожу, что они правы.

При религіозныхъ церемоніяхъ и при другихъ празднествахъ, жены единобрачныя имѣютъ всегда предпочтеніе предъ другими. Жрица Юпитера не можетъ имѣть болѣе одного мужа. Великій жрецъ можетъ жениться одинъ только разъ. Вотъ въ какой чести у нихъ единобрачіе. Если же сатана въ насмѣшку намъ такъ искусно передразниваетъ священные законы Божіи: то намъ ли не устыдиться, что не приносимъ Господу той жертвы, какую столь многіе люди воздаютъ діаволу, посвящая ему свое дѣвство или всегдашнее вдовство? Всѣ мы слышали о дѣвственницахъ Весты, Юноны въ Ахаіи, Аполлона въ Ефесѣ и Минервы въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Жрецы вола Аписа въ Египтѣ даютъ обѣтъ цѣломудрія. Жены, посвящаемыя Африканской Церерѣ, отказываются добровольно отъ правъ супружества и лишаютъ себя даже удовольствія обнимать и цѣловать собственныхъ дѣтей мужескаго пола. Послѣ сладострастія діаволъ умѣетъ претворяться въ орудіе погибели и самымъ воздержаніемъ. Какъ же преступенъ Христіанинъ, отвергающій воздержаніе, которое могло бы служить для него орудіемъ спасенія! Въ послѣдній день мы узримъ, что во свидѣтельство противъ насъ возстанутъ сіи идолопоклонствовавшія жены, умѣвшія сохранить вдовство свое, дабы обрѣсти добрую о себѣ молву, подобно *Дидонѣ*, царицѣ, бѣжавшей въ чужую землю, которая могла бы пожелать войти въ связь съ Африканскимъ государемъ, но, чтобы не вступить во второй бракъ, предпочла предать себя сожженію на кострѣ, или подобно знаменитой *Лукреціи*, которая за то, что одинъ разъ, да и то насильственно, была въ объятіяхъ чужаго мужчины, омыла кровію покрытое стыдомъ лице свое, и не захотѣла жить, познавши двухъ мужей. Я могъ бы найти гораздо болѣе примѣровъ

сего рода между Христіанами, примѣровъ несравненно превосходнѣйшихъ въ томъ, что лучше жить цѣломудренно, нежели умереть за цѣломудріе, потому что жизнь и цѣломудріе суть двѣ такія вещи, которыя лучше сохранять вмѣстѣ, нежели отдѣлять ихъ другъ отъ друга смертію. Сколько святыхъ мужей, сколько дѣвственницъ въ духовномъ званіи, посвятили себя воздержанію, и предпочли сочетаться съ единымъ Богомъ! Они почти поравняли плоть съ духомъ, и отсѣкли отъ нихъ все то, что не можетъ войти въ царствіе небесное. Это заставляетъ насъ мыслить, что кто хочетъ вступить въ рай, тотъ долженъ воздерживаться отъ того, что войти въ рай не можетъ.

СТАТЬЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

О ЗРѢЛИЩАХЪ (*).

I. Вѣрные служители Іисуса-Христа! Вы, оглашенные, желающіе вскорѣ соединиться съ Нимъ чрезъ крещеніе, и вы, Христіане, увѣровавшіе уже въ Него и участвующіе въ Его таинствахъ! Слѣдуя правиламъ вѣры, началамъ истины и законамъ благочинія, познайте обязанность свою удаляться отъ всякихъ зрѣлищъ, равно какъ и отъ безумія вѣка сего. Научитесь не грѣшить ни по невѣдѣнію, ни изъ притворства. Сила удовольствія такъ велика, что при случаѣ привлекаетъ къ себѣ невѣдущихъ, а другихъ заставляетъ измѣнять собственной своей совѣсти: двойное несчастіе, случающееся весьма нерѣдко! Есть люди, которые, соблазнясь льстивыми, но ложными правилами язычниковъ, разсуждаютъ такъ: нѣтъ ничего противнаго Религіи въ томъ удовольствіи, которое дается для глазъ и для слуха, потому что душа отъ того нисколько не терпитъ; Богъ не можетъ оскорбляться такимъ увеселеніемъ, среди котораго человѣкъ сохраняетъ страхъ и должное почтеніе къ Господу своему. Мечта, возлюбленные мои братья, опасное заблужденіе, весьма противное и истинной Религіи и совершенному повиновенію нашему Богу! Сіе-то наипаче рѣшился я вамъ здѣсь неоспоримо доказать.

(*) Статья сія сочинена въ 203 году по Р. Х.

Иные думаютъ, что Христіанинъ, то есть, человѣкъ, долженствующій всегда быть готовымъ къ смерти, устраняется отъ удовольствій единственно по трусости. Какъ это? Вотъ какъ, говорятъ они. Какъ Христіане вообще народъ подлый и робкій: то они всячески стараются укрѣплять себя противъ угрозъ смерти. Дабы быть въ состояніи презирать жизнь, они нечувствительно разрушаютъ связи, наиболѣе насъ къ ней привязывающія, и слѣдовательно находятъ менѣе заботъ при концѣ дней своихъ и менѣе труда оставить такую вещь, которую успѣли уже сдѣлать для себя какъ бы безполезною: они такимъ образомъ умираютъ съ меньшимъ сожалѣніемъ. Отсюда происходитъ стоическое постоянство, оказываемое ими во время претерпѣваемыхъ ими мученій; но оно есть болѣе дѣйствіе человѣческаго благоразумія, нежели истинная покорность повелѣніямъ Божіимъ. Извѣстно, что тѣ изъ нихъ, которые долгое время наслаждались сими увеселеніями, всегда почти изъявляли чрезвычайную трудность умереть за Іисуса-Христа. — Пусть такъ! По крайней мѣрѣ такая предъусмотрительность была не безполезна, потому что произвела то удивительное великодушіе, которое поставило ихъ превыше всѣхъ ужасовъ смерти.

II. Вотъ еще пустый предлогъ, приводимый множествомъ людей. Богъ, говорятъ они, сотворилъ всѣ вещи въ мірѣ и отдалъ ихъ въ даръ человѣку (тоже и мы признаемъ). А какъ всѣ вещи суть благо, потому что Зиждитель ихъ существенно благъ: то въ то число надлежитъ включить и все то, что принадлежитъ къ зрѣлищамъ, каковы суть: циркъ, львы, силы тѣлесныя и пріятности голоса. Нельзя почитать противнымъ волѣ Божіей того, что Самъ Онъ сотворилъ. Стало быть служители Божіи не должны убѣгать то-

го, чего Господь ихъ не ненавидитъ. Такимъ образомъ не льзя утверждать, чтобы Господь осуждалъ амфитеатры, потому что Имъ сотворены и камни и цементы и мраморъ и колонны. Вообще игры и зрѣлища происходятъ въ виду неба, сотвореннаго также Богомъ.—О невѣжество человѣческое! Сколько суетныхъ причинъ изобрѣтаешь ты, а особливо когда дѣло идетъ о потерѣ какого-либо удовольствія!

Дѣйствительно многіе удаляются отъ Христіанской религіи болѣе изъ опасенія лишиться увеселеній, нежели изъ страха лишиться жизни. Сколько бы кто ни былъ безуменъ, но онъ имѣетъ довольно мужества, чтобы не бояться смерти, почитая ее какъ бы данію природы; но въ отношеніи къ удовольствіямъ, прелесть ихъ такъ сильна, что и мудрѣйшіе люди поражаются ими столько же, какъ глупцы, потому что удовольствія составляютъ пріятнѣйшее очарованіе жизни для тѣхъ и для другихъ.

Никто не отрицаетъ (потому что нельзя не знать того, что открываетъ намъ естественный свѣтъ), никто, говорю, не отрицаетъ, чтобы Богъ не былъ творцемъ всѣхъ вещей. Нельзя также не согласиться, что всѣ вещи сами по себѣ суть благо, и что онѣ опредѣлены для услугъ человѣку. Но кто познаетъ Бога только посредствомъ естественнаго свѣта, а не посредствомъ свѣтильника вѣры, кто взираетъ на Него издалека, а не вблизи, тотъ не совершенно Его знаетъ. Онъ не вѣдаетъ, на какое собственно употребленіе должны мы по волѣ Божіей обращать Его творенія; а притомъ не вѣдаетъ и намѣреній того непримиримаго и невидимаго врага, который побуждаетъ насъ употреблять дары Божіи совсѣмъ не такъ, какъ Богъ хочетъ. Причина сему невѣжеству та, что кто не совершенно знаетъ Бога, тотъ не можетъ отличить

воли Его отъ умысловъ Его противника. Почему надлежитъ не только познавать Того, кто сотворилъ всѣ вещи, но знать еще и превратное употребленіе оныхъ. Симъ способомъ ясно можно усмотрѣть, къ чему и на какое употребленіе обращать ихъ слѣдуетъ. Великое различіе находится между тѣмъ, что чисто и повреждено: точно такое различіе, какое существуетъ между Творцемъ и между губителемъ.

Впрочемъ столько дурныхъ дѣлъ, строго запрещаемыхъ самими язычниками, не производится ли посредствомъ тѣхъ же тварей, которыхъ создалъ Богъ? Хотите ли совершить убійство, вы можете избрать для того или мечь или ядъ или волхвованіе. Но мечь, равно какъ ядовитыя травы и злые ангелы, не творенія ли Божіи? Думаете ли вы однакожъ, что Богъ произвелъ тварей сихъ на тотъ конецъ, чтобъ умерщвлять людей? Или лучше сказать, не Самъ ли Онъ произнесъ смертный приговоръ противъ человѣкоубійства, сказавши: *не убій* (Исх. XX, 13). Равнымъ образомъ кто сотворилъ золото, серебро, мѣдь, слоновую кость, дерево и всѣ другія вещи, изъ которыхъ дѣлаются идолы, и кто произвелъ металлы, какъ не Тотъ, кто создалъ и землю? Но, для того ли далъ Онъ имъ существо, чтобы люди боготворили ихъ вмѣсто Его? Конечно нѣтъ, потому что идолопоклонство есть величайшее оскорбленіе, оказываемое Богу. Мы не полагаемъ, чтобы вещи, оскорбляющія Бога, произведены были не отъ Него; но употребленіе, дѣлаемое изъ нихъ для оскорбленія Бога, не есть уже твореніе Божіе.

Самый человѣкъ, виновникъ всякаго рода злодѣяній, не твореніе ли Божіе, и притомъ не образъ ли Божій? За всѣмъ тѣмъ онъ употребилъ во зло и душу свою и тѣло свое, чтобы возмутиться противъ своего

Творца. Извѣстно, что мы получили глаза не для того, чтобы воспламенять въ себѣ похоть, уши не для того, чтобы слышать злыя рѣчи, языкъ не для того, чтобы клеветать, уста не для того, чтобъ обжираться, желудокъ не для невоздержности, руки не для воровства, ноги не для исканія преступленій. Равномѣрно и душа наша не для того соединена съ тѣломъ, чтобы быть орудіемъ обмановъ и неправдъ. Если же правда, что Богъ, безконечно благій, гнушается употребленіемъ во зло твореній Его: то изъ сего очевидно явствуетъ, что все, осуждаемое Имъ, сотворилъ Онъ не для дурной цѣли, и что вещи, которыми люди пользуются для содѣланія зла, дурны только по дурному ихъ употребленію. И такъ мы, знающіе Бога и врага Его, и умѣющіе отличать Творца отъ губителя тварей, мы нисколько не должны удивляться тому, что діаволъ успѣлъ такъ измѣнить человѣческій родъ. Вѣдая, что сей злый духъ имѣлъ возможность перваго человѣка, сотвореннаго по образу Божію, исторгнуть изъ состоянія невинности, мы не должны сомнѣваться въ томъ, что отъ него же совращены съ пути и человѣкъ и все то, что человѣку даровано отъ Бога. Онъ возненавидѣлъ на то, что человѣкъ получилъ власть надъ тварями, и потому рѣшился исхитить изъ рукъ его власть сію, дабы воспользоваться ею для содѣланія человѣка виновнымъ.

III. Будучи увѣрены, какъ и слѣдуетъ, въ сихъ истинахъ вопреки ослѣпленію и ложнымъ понятіямъ язычниковъ, обратимся теперь къ откровеніямъ нашей Религіи. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ, люди или слишкомъ простые или слишкомъ затруднительные, хотятъ быть убѣжденными авторитетомъ священнаго Писанія, чтобы рѣшиться отказаться отъ зрѣлищъ, сомнѣваясь въ томъ, должны ли они совершенно устраняться отъ

того, чего Богъ не запретилъ имъ точными словами Писанія. Правда, что мы не находимъ буквальнаго запрещенія не ходить въ циркъ, въ театръ, на ристалище, въ амфитеатръ, подобно какъ имѣемъ повелѣніе не убивать, не покланяться идоламъ, не красть, не прелюбодѣйствовать (Исх. XX). Но мы встрѣчаемъ достаточное на сей счетъ запрещеніе въ началѣ перваго псалма царя Давида: *Блаженъ мужъ*, говоритъ онъ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.* Хотя Пророкъ тутъ повидимому говоритъ собственно о праведникѣ, не принимавшемъ участія въ совѣтѣ Іудеевъ, безпрерывно возмущавшихся противъ Господа своего; но священное Писаніе заключаетъ въ себѣ многіе смыслы, а особливо когда нравственный смыслъ сообразенъ съ буквальнымъ.

Такимъ образомъ сіи *Давидовы* слова могутъ прямо относиться къ запрещенію присутствовать на зрѣлищахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ если онъ наименовалъ совѣтомъ нечестивыхъ небольшое скопище Іудеевъ: то не болѣе ли приличествуетъ наименованіе сіе безчисленному на зрѣлищахъ собранію язычниковъ? Развѣ язычники теперь меньшіе грѣшники, меньшіе враги Іисуса-Христа, нежели каковы были прежде Іудеи? Прочее имѣетъ тоже сходство. Въ амфитеатрѣ устроены *пути* или проходы, чтобы смотрѣть на зрѣлища: *путями* называется множество ступеней, раздѣляющихъ народъ отъ патриціевъ; а мѣста, гдѣ роскошно лежатъ Сенаторы, именуются *сѣдалищами*. И такъ если можно справедливо сказать съ Пророкомъ: горе тому, кто ходитъ на какой бы то ни было совѣтъ нечестивыхъ, кто останавливается на различныхъ путяхъ грѣшниковъ, и кто сидитъ на сѣдалищѣ погибели: то мы должны быть удостовѣрены, что слова

надобно разумѣть въ общемъ смыслѣ, равно какъ могутъ онѣ быть пріемлемы и въ смыслѣ частномъ: ибо часто рѣчь относится столько же къ частному лицу, сколько и ко всему собранію. Такимъ образомъ когда Богъ даетъ повелѣнія или запрещенія Израильтянамъ: то нѣтъ сомнѣнія, что Онъ даетъ ихъ и всѣмъ людямъ. Примѣромъ тому служатъ десять заповѣдей (Исх. XX). Когда Богъ угрожаетъ истребленіемъ Египту и Еѳіопіи: то угрозы Его простираются и на всѣ преступные народы (Исх. XIX). Подъ именемъ сихъ двухъ царствъ Онъ понимаетъ весь міръ. Равнымъ образомъ, въ отношеніи къ зрѣлищамъ, Онъ даетъ имъ имя совѣта нечестивыхъ: это какъ бы переходъ отъ общаго къ частному.

IV. Но чтобы кто не подумалъ, что я забавляюсь тутъ утонченными софизмами, приступимъ къ главнѣйшему правилу, запрещающему намъ зрѣлища: оно основано на таинствѣ крещенія. Вступая въ крестную купѣль, мы исповѣдуемъ Христіанскую вѣру въ предписываемыхъ ею изреченіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы торжественно обѣщаемся отречься сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Гдѣ же болѣе діаволъ господствуетъ съ своими сообщниками, какъ не въ идолопоклонствѣ? Не тутъ ли престолъ нечистаго духа и сѣдалище злочестія? Я докажу сіе пространнѣе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же если докажу, что все устройство зрѣлищъ основано на идолопоклонствѣ: то это будетъ явнымъ знакомъ, что мы въ крещеніи дѣйствительно отрекаемся отъ зрѣлищъ, изъ которыхъ идолопоклонство составило какъ бы жертвоприношеніе сатанѣ и ангеламъ его. Вникнемъ въ происхожденіе всякаго зрѣлища особо, какимъ образомъ игрища сіи введены во вселенной. Разсмотримъ потомъ наименованія каждаго изъ нихъ, и наконецъ ихъ устройство, сопровождает-

мое множествомъ суевѣрій, разныя ихъ обстоятельства, какому божеству какое изъ нихъ посвящено, самыя ихъ представленія, и кто именно были ихъ учредители. Если бы что изъ всего сего не относилось къ идоламъ, въ такомъ случаѣ мы готовы сознаться, что это не касается ни до идолопоклонства ни до сдѣланнаго нами при крещеніи отреченія.

V. Какъ происхожденіе игрищь довольно темно и неизвѣстно большей части братьевъ нашихъ: то искать его надобно только въ исторіи язычниковъ. Многіе изъ нихъ о семъ писали. Вотъ что они на сей счетъ повѣствуютъ. По сказанію *Тимея* Лидійцы, вышедшіе изъ Азіи подъ предводительствомъ *Тиррена*, принужденнаго уступить царство брату своему *Лидію*, остановились въ Тосканѣ, и тамъ между прочими суевѣрными церемоніями учредили зрѣлища подъ завѣсою религіи. Римляне, вызвавъ потомъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ сихъ пришельцевъ, переняли у нихъ и церемоніи сихъ игрищь и время ихъ празднованія, такъ что въ послѣдствіи дано зрѣлищамъ симъ и Латинское названіе *Ludi*, отъ слова Лидійцевъ, ихъ изобрѣвшихъ. *Варронъ* правда производитъ слово сіе отъ *ludere*, играть, шутить, веселиться, подобно какъ прежде назывались *руперкаліями* игрища, которыя молодые люди производили шуточнымъ образомъ; тѣмъ не менѣе происхожденіе сихъ игрищь и увеселеній онъ приписываетъ также установленію какого либо празнества, посвященію храма или другому подобному религіозному побужденію.

Но за чѣмъ останавливаться намъ на розыскѣ имени, когда самая вещь отзывается прямо идолопоклонствомъ? Всѣ игрища имѣютъ названіе какого либо языческаго божества. *Либеріями* именуются праздники, установленные въ честь *Либера* или *Бахуса*: сему лож-

ному богу простый народъ посвящаетъ свои игрища изъ благодарности за открытіе употребленія вина. *Консуаліями* названы игрища, посвященныя *Нептуну*, именуемому иначе *Консусомъ*; *эквиріями* тѣ, которыя *Ромулъ* посвятилъ *Марсу*. Нѣкоторые впрочемъ писатели приписываютъ игрища *консуаліи* тому же *Ромулу*, который хотѣлъ почтить *Консуса*, какъ бога добраго совѣта за внушеніе ему мысли похитить Сабинокъ, чтобъ женить на нихъ своихъ воиновъ. Совѣтъ подлинно превосходный! Да и теперь не считается ли совѣтъ сей у Римлянъ за дѣло справедливое и дозволенное? Не говорю уже о томъ, каковъ онъ предъ очами Божіими: гнушаться имъ должно уже по тому одному, что онъ произошелъ отъ обмана, отъ насильства, отъ жестокости, отъ сына Марсова. Существуетъ еще и нынѣ въ циркѣ вблизи первыхъ ступеней жертвенникъ, посвященный богу *Консусу* съ надписью: *Консусъ предсѣдитъ въ совѣтѣ, Марсъ на войнѣ, Лары въ собраніяхъ*. Публичные жрецы приносятъ тамъ жертвы 7-го Іюля, а великій жрецъ горы Квиринальской съ весталками 27 августа. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того *Ромулъ* установилъ игрища въ честь Юпитера Феретрейскаго на Тарпейской горѣ; отъ чего и прозваны они *тарпейскими* и *капитолійскими*, какъ повѣствуетъ *Пизонъ*. Потомъ *Нума Помпилій* учредилъ другіе праздники, посвященные Марсу и Ржавчинѣ; ибо и ржавчина возведена была въ богини. Подобныя же учрежденія установлены еще *Тулліемъ Гостиліемъ*, *Анкомъ Марціемъ* и другими Римскими царями. Кто хочетъ знать, какимъ идоламъ посвящены сіи различныя игрища, тотъ долженъ читать *Светона* и другихъ прежде его бывшихъ писателей. Но довольно уже говорили мы объ идолопоклонническомъ происхожденіи сихъ преступныхъ и богомерзкихъ игрищъ.

VI. Къ симъ свидѣтельствамъ древности прибавимъ свидѣтельство позднѣйшихъ временъ, столь же ясно открывающее происхожденіе новыхъ зрѣлищъ изъ данныхъ имъ наименованій. Наименованія сіи покажутъ, какимъ идоламъ и какому суевѣрію посвящены сіи разнаго рода игрища: изъ нихъ такъ названныя *мегалезійскія, Аполлоніевы, Церерины, цвѣтоносныя, латіарійскія*, каждый годъ празднуются публично. Другія, менѣе извѣстныя, установлены по случаю или вѣнчанія царей или благоденствія республики или суевѣрныхъ праздниковъ муниципальныхъ городовъ. Къ симъ своевольнымъ игрищамъ можно присовокупить еще и тѣ изъ нихъ, которыя частные люди празднуютъ въ честь усопшихъ своихъ родственниковъ, желая исполнить тѣмъ какъ бы долгъ своего къ нимъ благоговѣнія: обычай древній, раздѣляющій игрища на священныя и похоронныя, изъ которыхъ первыя учреждены въ честь мѣстныхъ боговъ, а другія въ память усопшихъ людей. Но какая намъ нужда знать, подъ какимъ именемъ и по какому поводу онѣ установлены? Какъ скоро онѣ посвящены тѣмъ же духамъ, отъ которыхъ мы отреклись при крещеніи: то для насъ сего довольно. Празднуются ли онѣ въ честь боговъ или въ память усопшихъ, тутъ одно и тоже идолопоклонство, которое должны мы отвергать.

VII. Какъ происхожденіе сихъ различныхъ игрищъ одно и тоже, и какъ наименованія ихъ, происходя отъ одинакой причины, также однѣ и тѣже: то представленіе ихъ неизбѣжно есть несчастный плодъ породившаго ихъ идолопоклонства. Надобно сознаться, что постановка игрищъ цирка составляетъ дѣйствительно великолѣпнѣйшее зрѣлище: доказательствомъ тому служитъ безмѣрное количество статуй, несмѣтное число картинъ, блескъ и пышность колесницъ, носилокъ,

вѣнковъ и всякихъ другихъ украшеній. Сверхъ того сколько церемоній, сколько жертвоприношеній предшествуетъ, сопровождаетъ и оканчиваетъ сіи игрища! Сколько движется жрецовъ, приставовъ, воиновъ! Свидѣтели всего того жители сего пышнаго города, въ которомъ демоны во множествѣ утвердили кажется навсегда свое жилище. Хотя зрѣлища сіи въ провинціяхъ по недостатку средствъ и менѣе великолѣпны; но какъ и въ какомъ мѣстѣ онѣ бы ни праздновались, никогда не надобно забывать ихъ происхожденія: отсюда происходитъ вся ихъ тлетворность. Подобно сему вѣтвь или ручей сохраняютъ въ себѣ дурныя качества, заключающіяся въ самомъ деревѣ или источникѣ. И такъ игрища сіи, бываютъ ли пышны или нѣтъ, во всякомъ случаѣ оскорбляютъ Господа. Какое бы ни было великолѣпіе цирка, хотя бы въ немъ было и немного статуй; но все это есть идолопоклонство, если бы имѣло и не болѣе одного идола. Хотя бы въ немъ возима была одна только колесница; все же это колесница Юпитерова. Какою бы скудостію, какою бы умѣренною постановкою ни сопровождалось идолопоклонство, оно слишкомъ явно обнаруживается своимъ происхожденіемъ.

VIII. Станемъ слѣдовать предположенной нами цѣли. Взглянемъ на мѣста, гдѣ зрѣлища сіи представляются. Циркъ въ особенности посвященъ *Солнцу*. Посреди его воздвигнутъ ему храмъ, и лучезарный образъ его сіяетъ на вершинѣ храма. Подивитесь сему устройству. Благочестивые сіи идолопоклонники вздумали, что не должно помѣщать подъ темнотою крова то божество, которое видятъ они вседневно блестящимъ надъ своею головою. Увѣряя, что *Цирцея* первая учредила зрѣлища въ честь мощнаго отца своего *Солнца*, они мечтаютъ, что она же и Цирку дала имя

свое. Да и подлинно знаменитая сія волшебница оказала достаточныя услуги тѣмъ, чья она жрица, я хочу сказать, демонамъ и ихъ служителямъ. Посмотрите, сколько идолопоклонствъ являетъ одно сіе мѣсто: сколько украшеній въ циркѣ, столько и храмовъ богохульныхъ. Здѣсь овальныя фигуры: онѣ посвящены *Кастору* и *Поллуксу* со стороны тѣхъ, которые безумно вѣрятъ, что Юпитеръ, превратясь въ лебедя, былъ отцемъ сихъ двухъ близнецовъ, и что они вылупились изъ яйца. Тамъ дельфины, посвященные Нептуну. Съ другой стороны возвышаются огромныя колонны, поддерживающія статуи: колонны или *сессиійскія*, такъ названныя по имени богини надъ посѣвами, или *мессіенскія* отъ имени богини надъ жатвою, или *тутелійскія* отъ богини, пекущейся о плодахъ. Передъ сими колоннами стоятъ три жертвенника, посвященные тремъ божествамъ, и именно: *великимъ*, *могущественнымъ* и *добрымъ*. Язычники полагаютъ, что божества сіи тѣ самыя, которыя пришли изъ Самоѳракіи.

Величайшій и славный обелискъ, по сказанію *Гермагела*, посвященъ или лучше сказать выставленъ на позоръ Солнцу. Гіероглифы, на немъ начертанные, какъ нѣкія таинства, достаточно свидѣтельствуютъ, что это не иное что, какъ суевѣріе Египтянъ. Сіе собраніе демоновъ могло бы исчахнуть безъ своего праотца; а потому оно и предсѣдитъ надъ огромнымъ бассейномъ, именуемымъ *Еврипою*. Консусъ, какъ уже я сказалъ, пребываетъ скрытымъ подъ землею по близости Термовъ. Тутъ еще не все: рубежи мурційскія также получили имя свое отъ идола, потому что богиня *Мурція* почитается язычниками за богиню любви. Почему благочестивые люди сіи и не упустили воздвигнуть ей храмъ на семъ мѣстѣ.—Посмотрите, вѣр-

ные ученики Іисуса-Христа, какимъ множествомъ позорныхъ именъ наполненъ циркъ! Да будетъ далека отъ васъ религія, въ которой предсѣдятъ всѣ демоны.

Говоря о сихъ злочестивыхъ мѣстахъ, мы хорошо поступимъ, когда постараемся отразить возраженія нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей.—Какъ, говорятъ они, если я пойду въ циркъ не во время представленій: то развѣ долженъ я бояться, чтобы душа моя не заразилась отъ того какою-либо скверною?—Мѣста сами по себѣ не имѣютъ ничего предосудительнаго. Служитель Божій безъ всякой опасности можетъ входить не только въ тѣ мѣста, гдѣ производятся зрѣлища, но и въ самые языческіе храмы, когда есть къ тому побудительныя причины, безъ всякаго однакожъ участія въ отправленіи послугъ и прочихъ принадлежностей сихъ мѣстъ. Впрочемъ гдѣ и какъ иначе жить Христіанамъ? Улицы, площади, бани, гостинницы, самые домы наши, окружены идолами: сатана и ангелы его заняли весь свѣтъ. Но хотя и живемъ мы въ мірѣ, однакожъ не должны оставлять Бога: оставлять же Его значитъ прилѣпляться къ правиламъ и удовольствіямъ міра. Когда вхожу я въ Капитолій или въ храмъ Сераписовъ для того, чтобы тамъ молиться или приносить жертвы: тогда я отрекаюсь отъ Бога. Когда я иду въ циркъ или въ театръ для того именно, чтобы присутствовать на зрѣлищахъ: то я измѣняю моей Религіи. Не мѣста сами по себѣ оскверняютъ душу нашу, но то, что происходитъ въ сихъ мѣстахъ, и что самихъ ихъ оскверняетъ, какъ то мною объяснено. Портятъ насъ вещи поврежденныя и испорченныя.—Я распространился нѣсколько о томъ, какимъ божествамъ посвящены мѣста сіи на тотъ единственно конецъ, дабы яснѣе представить, что вещи, происходящія въ нихъ, принадлежатъ исключительно тѣмъ идоламъ, которымъ

сіи мѣста посвящены. Поговоримъ теперь о томъ, какимъ образомъ представляются игрища въ циркѣ.

IX. Употребленіе лошадей было сначала весьма простое. Онѣ служили для путешествій и перевозокъ, и никто не обращалъ ихъ для дурнаго употребленія. Но когда понадобились онѣ для игрищъ: тогда то, что было даромъ Божіимъ, содѣлалось орудіемъ сатаны. По сему-то новое ихъ употребленіе приписано Кастору и Поллуксу, которымъ Меркурій даетъ для сего коней, какъ повѣствуетъ *Стезихоръ*. Есть и другія подобныя ристанія, посвященныя Нептуну, которыя отъ Грековъ получили особое названіе, извѣстное подъ словомъ *всадникъ*. Игрища сіи, производимыя запряженными конями, столь же неразлучны съ идолопоклонствомъ, какъ и прочія. Колесницы, запряженныя четырьмя конями, посвящены солнцу, а запряженныя двумя, лунѣ. Впрочемъ какъ говоритъ поэтъ:

Primus Erichthonius currus et quatuor ausus
Jungere equos, rapidisque rotis insistere victor.
(Virg. Géorg. liv. III, v. 113 et 114).

то есть: Эрихтонъ первый дерзнулъ запречь въ колесницу четырехъ коней и на быстрыхъ колесахъ одержать побѣду.

Эрихтонъ же сей, богомерзское исчадіе распутства Вулкана и Минервы, былъ не змѣй, но діавольское чудовище или воплощенный діаволъ. Изобрѣтатель колесницъ *Трохилъ* Греческій посвятилъ первое свое сего рода произведеніе Юнонѣ. Наконецъ если *Ромулъ* ввелъ употребленіе сихъ колесницъ у Римлянъ: то онъ и самъ долженъ причтенъ быть къ числу прочихъ идоловъ, а особливо когда онъ тоже, что *Квиринiй*. Таковы были изобрѣтатели четвероконныхъ колесницъ. Чему же дивиться, что участники сихъ ристаній на-

дѣли на себя тотчасъ такъ сказать и ливрею идолопоклонства? Сначала ливрея сія состояла изъ двухъ цвѣтовъ: изъ бѣлаго, посвященнаго зимѣ по причинѣ бѣлизны снѣга, и изъ огненнаго, посвященнаго лѣту по причинѣ яркости солнечныхъ лучей. Въ послѣдствіи по мѣрѣ умноженія удовольствій и суевѣрія, измѣнено и назначеніе сихъ двухъ цвѣтовъ, и къ нимъ прибавлены еще два. Красный цвѣтъ посвященъ Марсу, бѣлый зефирамъ, зеленый землѣ или веснѣ, и голубый небу, морю или осени. А какъ всякое идолопоклонство предано отъ Бога проклятію: то нѣтъ сомнѣнія, что имъ прокляты и всѣ подобныя посвященія различнымъ стихіямъ міра.

X. Перейдемъ къ театру. Происхожденіе его тоже, что и цирка, какъ уже выше примѣчено, когда говорено было объ игрищахъ вообще. Постановка театра ни въ чемъ почти не отличается отъ постановки цирка. На то и на другое зрѣлище люди являются не иначе, какъ по выходѣ изъ храма, по изобильномъ употребленіи тамъ куреній и по орошеніи жертвенниковъ кровію множества жертвъ. Входятъ при звукѣ флейтъ и трубъ, между тѣмъ какъ двѣ позорныя особы, директоры похоронныхъ и священныхъ жертвъ то есть, церемоніймейстеръ и волхвователь, предводительствуютъ симъ общимъ шествіемъ. Но вотъ какую театръ имѣетъ особенность, и чѣмъ отличается отъ цирка: посмотримъ прежде, какъ постыдно мѣсто сіе.

Театръ есть собственно храмъ Венерынъ. Подъ видомъ воздавія чести богинѣ, богомерзкое мѣсто сіе обоготворено въ мірѣ. Въ старину, когда воздвигался какой-либо новый театръ, не удостоенный торжественнаго посвященія: то цензоры часто повелѣвали его разрушать во избѣжаніе порчи нравовъ, неминуемо происходящей отъ соблазнительныхъ на немъ пред-

ставленій. Тутъ нельзя не замѣтить мимоходомъ, какъ язычники сами себя осуждаютъ собственными приговорами, и какъ они оправдываютъ насъ, обращающихъ вниманіе на соблюденіе благочинія. Какъ бы то ни было, но великій *Помпей*, котораго величіе не поравнялось только съ величіемъ его театра, рѣшившись воздвигнуть великолѣпное зданіе для позорныхъ всякаго рода мерзостей, и опасаясь справедливыхъ упрековъ, которые памятникъ сей могъ навлечь на память его, превратилъ сей театръ въ священный домъ. Такимъ образомъ пригласивъ весь свѣтъ на сіе посвященіе, онъ отнялъ у этого зданія званіе театра, и далъ ему имя храма *Венерина*, въ которомъ, сказалъ онъ, прибавили мы нѣкоторыя помѣщенія для зрѣлищъ. Симъ способомъ онъ прикрылъ именемъ храма зданіе чисто мірское, и посмѣялся надъ благочиніемъ подъ суетнымъ предлогомъ религіозности.

Театръ посвященъ не только богинѣ любви, но и богу вина. Два сіи демона распутства и пьянства такъ тѣсно соединены между собою, что кажется сдѣлали какъ бы заговоръ противъ добродѣтели. Чертогъ Венерипъ есть вмѣстѣ и гостинница Бахусова. Въ старину нѣкоторыя игрища театральныя назывались *либеріями*, не только потому, что посвящены были Бахусу, подобно какъ *діонизіи* у Грековъ, но и потому, что Бахусъ былъ ихъ учредитель. Оба сіи богомерзкія божества предсѣдятъ какъ надъ дѣйствіями театра, такъ и надъ самымъ театромъ, наблюдая и за гнусностію жестовъ и за другими развратными тѣлодвиженіями, чѣмъ наиболѣе отличаются актеры въ комедіи. Сіи послѣдніе въ жалкомъ своемъ ремеслѣ вмѣняютъ себѣ какъ бы въ славу жертвовать своею совѣстію Венерѣ и Бахусу, представляя или ужасное распутство или самое грубое сладострастіе. Что касается до сти-

ховъ, музыки, флейтъ, скрипокъ: то все сіе отзывается всегда Аполлонами, Музами, Минервами, Меркуріями. — Ученики Христовы! Неужели не возгнушаетесь вы предметами, которыхъ изобрѣтатели должны показаться вамъ столь достойными омерзѣнія? — Прибавимъ еще нѣсколько словъ на счетъ театральныхъ дѣйствій и качествъ ихъ учредителей, которыхъ одно уже названіе отвратительно. Намъ извѣстно, что имена сихъ умершихъ людей сами по себѣ ничто, равно какъ и ихъ кумиры. Знаемъ мы также и то, что поддѣлыватели или переимщики божества, подъ заимствованными именами и подъ новыми образами, не кто иной, какъ злые духи, то есть, демоны. Слѣдовательно театральныя дѣйствія, о которыхъ рѣчь идетъ, посвящены именно тѣмъ, которые прикрыли себя именемъ ихъ изобрѣтателей, а потому и составляютъ идолопоклонство; ибо учредители ихъ считаются богами. Но я ошибаюсь: мнѣ должно бы сказать, что происхожденіе сихъ дѣйствій гораздо еще древнѣе. Сами демоны, предвидя съ самаго начала, что удовольствіе отъ зрѣлищь послужитъ дѣятельнѣйшимъ средствомъ ко введенію идолопоклонства, внушили людямъ склонность къ изобрѣтенію театральныхъ представленій. Да и въ самомъ дѣлѣ то, что долженствовало обратиться къ ихъ славѣ, не могло ни кѣмъ инымъ внушено быть, какъ ими, и для распространенія въ мірѣ пагубнаго сего ученія, они должны были употреблять къ тому не иныхъ людей, какъ тѣхъ, въ обоготвореніи которыхъ находили свою знаменитость и особенную выгоду.

XI. Держась назначеннаго нами порядка, побесѣдуемъ объ игрищахъ Атлетовъ или борцевъ. Происхожденіе ихъ почти такое же, какъ и предъидущихъ, и онѣ раздѣляются также на священныя и похорон-

ныя, то есть, посвящены или богамъ или усопшимъ людямъ. Посему наименованія ихъ равномѣрно преисполнены идолопоклонства. Игрища *олимпическія* посвящены Юпитеру, какъ и *капитолійскія*; *пиѳійскія* Аполлону; *немейскія* Геркулесу: *истмійскія* Нептуну; прочія во многомъ числѣ людямъ усопшимъ. Должно ли удивляться, что постановка сихъ игрищь осквернена идолопоклонническими знаменіями? Свидѣтельствомъ тому служатъ злочестивые вѣнки, раздаваемые въ награду побѣдителямъ; присутствіе тамъ жрецовъ; отправленіе туда судей или пословъ со стороны правительства; наконецъ кровь приносимыхъ тамъ въ жертву животныхъ. Мѣсто, гдѣ сражаются Атлеты, сообразно также мѣсту цирка или театра. Какъ въ послѣднемъ является множество играющихъ на флейтахъ, скрипкахъ и другихъ орудіяхъ, посвященныхъ музамъ, Аполлону и Минервѣ, такъ и въ игрищахъ Атлетовъ марціальныя скопища, посвященныя Марсу, служатъ для одушевленія сражающихся при звукѣ громкихъ трубъ. Такимъ образомъ ристалище совершенно походитъ на циркъ, кромѣ того, что ристалище можетъ еще почесться какъ бы за храмъ того идола, въ честь котораго Атлеты празднуютъ торжественно свои игрища. Наконецъ извѣстно, что Касторъ и Поллуксъ Меркурій и Геркулесъ, суть учредители всякаго рода ристаній и бѣга.

XII. Остается поговорить о самомъ знаменитомъ и пріятнѣйшемъ для Римлянъ зрѣлищѣ (Амфитеатрѣ). Оно сначала названо *долгомъ* или *повинностію*: слова однозначущія. Древніе думали, что сего рода зрѣлищами они воздаютъ долгъ свой мертвымъ, а особливо, когда стали соблюдать болѣе умѣренности въ своемъ варварствѣ. Прежде полагая, что души усопшихъ облегчаются пролитіемъ крови человѣческой, они просто

при гробахъ ихъ предавали смерти или несчастныхъ плѣнниковъ или непокорныхъ рабовъ, которыхъ нарочно для сего покупали. Но потомъ сочтено приличнѣйшимъ столь жестокое безчеловѣчіе прикрыть завѣсою увеселенія; а потому поставлено за правило пріучать сихъ бѣдняковъ обращаться съ оружіемъ, и владѣть имъ, какъ ни попало, лишь бы умѣли другъ друга умерщвлять. Пріучивъ ихъ такимъ образомъ, стали приводить ихъ въ назначенный день на похороны, дабы они какъ бы для забавы зрителей убивали одинъ другаго при гробахъ усопшихъ. Вотъ происхожденіе сего *долга* или *повинности*. Зрѣлище сіе въ послѣдствіи становилось тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ было жесточе. Мало того, что употреблялся мечь для истребленія людей, къ довершенію забавы признано нужнымъ подвергать ихъ сверхъ того ярости свирѣпыхъ звѣрей. Умерщвляемые симъ способомъ считались жертвою, приносимою въ честь умершихъ родственниковъ. Но такая жертва не иное что есть, какъ настоящее идолопоклонство, къ которому принадлежитъ и воздаяніе служенія мертвымъ: сіи похоронныя почести и идолопоклонство составляютъ одно и тоже. А какъ во гробахъ и въ статуяхъ обитаютъ тѣже демоны: то тутъ совершается единственно поклоненіе демонамъ.

Показавши происхожденіе игрищъ гладіаторовъ, разсмотримъ особенныя ихъ качества. Хотя сего рода зрѣлища перешли отъ почестей мертвыхъ къ почестямъ живущимъ, какъ то: квесторамъ, судьямъ, первосвященникамъ и жрецамъ; но надобно сказать, что если званія сіи относятся къ идолопоклонству (а онѣ дѣйствительно къ нему относятся): то все, исполняющееся во имя ихъ, должно непремѣнно быть осквернено и искажено, потому что источникъ ихъ испорченъ. Мы должны тоже сказать и о постановкѣ или

устройствѣ сихъ игрищъ. Багряница, шарфы, перевязи, вѣнки, рѣчи, празднества, дѣлаемыя наканунѣ: вся сія пышность принадлежитъ діаволу. Что сказать и какъ судить о столь ужасномъ мѣстѣ, которое еще мерзостнѣе, нежели самыя клятвопреступничества, тамъ совершающіяся явно? Мѣсто сіе именуется амфитеатромъ, который посвященъ еще большему числу демоновъ, нежели самый Капитолій, сей общій храмъ всѣхъ демоновъ. Тамъ столько же нечистыхъ духовъ, сколько дѣйствующихъ лицъ и зрителей. Марсъ и Діана предсѣдятъ надъ занятіями амфитеатра, то есть, надъ сраженіями и охотою.

XIII. Я кажется достаточно объяснилъ разные роды идолопоклонства, оскверняющіе зрѣлища. Я показалъ, что ихъ происхожденіе, ихъ постановка, ихъ наименованія, ихъ мѣста, ихъ представленія, не имѣютъ инаго источника, какъ идолопоклонство. Изъ сего слѣдуетъ, что какъ мы отреклись отъ идолопоклонства: то намъ отнюдь не дозволяется присутствовать при такихъ дѣлахъ, которыя съ идолопоклонствомъ неразлучны, не потому, чтобъ идолы были что либо, какъ говоритъ Апостолъ, но потому, что жервы, приносимыя идоламъ, приносятся не иному кому, какъ демонамъ, обитающимъ въ сихъ идолахъ, *аще бо и суть глаголеміи бози, бози мнози, но намъ единъ Богъ* (1. Кор. VIII, 5 и 6). А какъ два рода идоловъ: одни представляютъ мертвыхъ людей, а другіе мнимыхъ боговъ, и оба сіи рода одна и таже химера: то мы должны равно воздерживаться отъ того и другаго идолопоклонства. Такимъ образомъ мы гнушаемся не менѣе храмами боговъ сихъ, какъ и гробами мертвецовъ; не приближаемся къ жертвенникамъ однихъ, не поклапяемся и образамъ другихъ; не приносимъ ни жертвъ первымъ, ни даровъ послѣднимъ; не

ѣдимъ мясъ и жертвъ, посвящаемыхъ тѣмъ и другимъ, потому что не можемъ участвовать вмѣстѣ и въ тайной вечери Господней и въ яствахъ, изготовляемыхъ для сатаны. И такъ когда мы совѣстимся осквернять уста свое яденіемъ злочестивыхъ мясъ: то кольми паче должны отъ всякаго зрѣлища, посвященнаго богамъ или мертвецамъ, устранять другіе органы нашихъ чувствъ, еще болѣе для насъ драгоцѣнные, должны устранять отъ нихъ глаза и уши наши, потому что все, входящее въ сіи органы, разрѣшается или такъ сказать переваривается не въ желудкѣ, а въ душѣ; извѣстно же, что чистота души нашей гораздо пріятнѣе Богу, нежели опрятность нашего тѣла.

XIV. Хотя я доселѣ ясно показалъ, что идолопоклонство господствуетъ во всѣхъ родахъ игрищь (чего кажется и довольно, чтобы намъ ихъ возненавидѣть); но постараемся представить еще новые на сей счетъ доводы, хотя бы то было только въ отвѣтъ на возраженія нѣкоторыхъ людей, остающихся при томъ мнѣніи, что въ священномъ Писаніи не видно положительнаго закона, запрещающаго намъ присутствовать на зрѣлищахъ, какъ будто бы зрѣлища сіи не входили въ общее для Христіанъ запрещеніе не предаваться плотской похоти (I. Іоан. II, 15. и 16). Подобно какъ бываетъ похоть къ богатствамъ, къ почестямъ, къ обжорству, къ удовлетворенію плоти, такъ точно бываетъ похоть къ удовольствіямъ и увеселеніямъ. Между прочими родами удовольствій нельзя не считать также и зрѣлищъ. Похоти, предъ симъ упомянутыя, въ общемъ смыслѣ заключаютъ въ себѣ и удовольствія: равнымъ образомъ и удовольствія, пріемлемыя въ общемъ же значеніи, простираются на зрѣлища. Впрочемъ мы уже сказали, что оскверняютъ насъ не мѣста, гдѣ сіи зрѣлища бываютъ, но

происходящія тамъ вещи, потому что сіи послѣднія, будучи сами по себѣ позорны, сообщаютъ позоръ свой и зрителямъ.—Разсудите сами, любезные братья, дозволяется ли намъ участвовать въ такомъ увеселеніи, которое всюду носитъ знаки идолопоклонства?

XV. Но какъ извѣстные умы съ трудомъ могутъ принять сіи истины: то надобно убѣдить ихъ другими причинами. Богъ повелѣваетъ намъ чтить Святаго Духа *со всякимъ смиренномудріемъ, кротостію и долготерпѣніемъ, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (къ Еф. IV, 2 и 3); напротивъ же того строго воспрещаетъ оскорблять того же Духа Святаго, говоря: *всяка горесть и гнѣвъ и ярость и кличь и хула, да возмется отъ васъ со всякою злобою* (Тамъ же 31). Какимъ же образомъ согласить все сіе со зрѣлищами, тревожащими и такъ сильно возмущающими духъ нашъ? Гдѣ удовольствіе, тамъ и страсть, безъ чего всякое удовольствіе непріятно; а гдѣ страсть, тамъ и соревнованіе, безъ котораго всякая страсть непріятна. Соревнованіе же приноситъ съ собою споры, ссоры, гнѣвъ, бѣшенство, огорченіе и всѣ другія подобныя страсти, ничего общаго не имѣющія съ обязанностями нашей Религіи. Положимъ, что кто либо могъ бы присутствовать на зрѣлищѣ, соблюдая степенность и скромность, приличныя его званію, лѣтамъ или счастливому характеру; но и тутъ весьма трудно душѣ пребыть покойною и не почувствовать смятенія или тайнаго какого либо волненія. Нельзя быть при сихъ увеселеніяхъ, не имѣя какой либо въ себѣ страсти, и нельзя имѣть страсти сей, не почувствовавъ производимаго ею на душу дѣйствія. Съ другой стороны если нѣтъ страсти, то нѣтъ и удовольствія, и тогда человѣкъ остается въ печальной безполезности, находясь тамъ, гдѣ нечего ему дѣлать. Вообще всякое суетное и безпо-

лезное дѣяніе кажется неприлично для Христіанъ. Человѣкъ самъ себя осуждаетъ, поступая за одно съ людьми, которымъ не хочетъ быть подобенъ, и которымъ объявляетъ себя какъ бы врагомъ. Для насъ не довольно того, чтобы самимъ не дѣлать зла: намъ не должно имѣть и общенія съ тѣми, кто его дѣлаетъ. Послушаемъ, какой упрекъ на сей счетъ дѣлаетъ намъ пророкъ: *аще видѣлъ еси татя, текъ еси съ нимъ* (Пс. XLIX, 18). Далъ бы Богъ совсѣмъ не жить намъ въ семъ мірѣ съ подобными людьми! Но будучи къ тому обязаны прискорбною необходимостію, мы должны по крайней мѣрѣ устраняться отъ нихъ въ отношеніи къ мірскимъ вещамъ. Міръ, правда, твореніе Божіе; но мірскія вещи, твореніе діавола.

XVI. Когда намъ запрещено предаваться ярости, то вмѣстѣ съ тѣмъ запрещены для насъ и всякаго рода зрѣлища, а особливо циркъ, гдѣ ярость главнѣйше господствуетъ. Посмотрите на народъ, поспѣшающій внѣ себя къ тому мѣсту, гдѣ происходить будетъ зрѣлище, посмотрите на него, въ какомъ находится онъ смятеніи, волненіи, одуреніи, выжидая нетерпѣливо, кто останется побѣдителемъ. Что-то преторъ замѣшкался. Каждый смотритъ пристально на урну. Зрители какъ бы сами привязаны къ жребію. Ожидаютъ въ нерѣшимости объявленія Претора. Каждый расказываетъ свои бредни. Судите о безуміи ихъ по ихъ расказамъ. Онъ уже, говорятъ, послалъ повязки (для вѣнчанія). Каждый пересказываетъ сосѣду своему то, что самъ сосѣдъ видѣлъ. Тутъ очевидное свидѣтельство ихъ ослѣпленія. Они худо видятъ то, что полагаютъ хорошо видѣть: думаютъ видѣть повязку, а это не иное что, какъ образъ діавола, низверженнаго съ неба во адъ. Потомъ начинаютъ горячиться, бѣситься, ссориться, творить все то, что строго запре-

щено ученикамъ Бога мирнаго. Сколько произносятъ они проклятій, сколько дѣлаютъ обидъ ближнему безъ всякой правды, сколько воздаютъ похвалъ и одобреній недостойнымъ? Но какой пользы зрители могутъ ожидать для себя, когда внѣ себя находятся? Они скорбятъ о несчастіи другихъ, радуются о счастіи другихъ же: все, чего они желаютъ, все, что клянутъ, до нихъ не касается. Пристрастіе ихъ суетно, ненависть несправедлива. Можетъ быть дозволительно бы болѣе было любить безъ цѣли, нежели ненавидѣть несправедливо. Но Богъ запрещаетъ намъ ненавидѣть кого либо даже и не безъ причины, потому самому, что велитъ любить враговъ нашихъ (Лук. VI, 27). Онъ запрещаетъ намъ проклинать, хотя бы былъ къ тому и поводъ, потому что велитъ благословлять клянущихъ насъ. — Между тѣмъ гдѣ болѣе буйства и вражды, какъ не въ циркѣ, въ которомъ не щадятъ ни Сенаторовъ ни гражданъ? Если какой либо изъ буйственныхъ поступковъ позволителенъ Христіанамъ, то онъ позволителенъ имъ и въ циркѣ; если же всюду запрещенъ, то запрещенъ и тамъ.

XVII. Равнымъ образомъ намъ повелѣно отрекаться отъ всякаго рода нечистоты; стало быть для насъ долженъ быть запертъ и театръ, который составляетъ такъ сказать консисторію безстыдства, гдѣ ничему иному нельзя научиться, какъ только тому, что повсемѣстно не одобряется. Величайшая прелесть театра состоитъ обыкновенно въ представленіи всякаго рода позоровъ. Позоры сіи выводитъ на сцену или тосканецъ нахабными своими тѣлодвиженіями, или комедіантъ, переодѣтый въ женскую одежду, своими пантомимами посредствомъ гнусныхъ непристойностей, къ которымъ пріучилъ онъ тѣло свое съ самаго дѣтства, дабы подавать другимъ примѣръ безчинства.

Сверхъ того извѣстныя безстыдницы, опозоривающія тѣло свое передъ публикою, не бываютъ ли на театрѣ тѣмъ несноснѣе, что показывая въ другихъ мѣстахъ скаредность свою однимъ мужчинамъ, тутъ обнаруживаютъ ее передъ другими женщинами, отъ которыхъ всегда стараются скрываться? Онѣ тутъ являются передъ всѣмъ свѣтомъ, передъ людьми всякихъ лѣтъ, званія и достоинства. Публичный крикунъ провозглашаетъ сихъ блудницъ во услышаніе тѣмъ, которые слишкомъ хорошо ихъ знаютъ. Вотъ, говоритъ онъ, ложа такой-то: чтобы видѣть ее, надобно всѣмъ пожертвовать, она имѣетъ такія и такія качества... Но прейдемъ въ молчаніи всѣ подобныя гнусности, которыя должны бы погребены быть подъ непроницаемымъ мракомъ, дабы не осквернять и свѣта дневнаго. — О вы, сенаторы, судіи, граждане Римскіе! Покройтесь стыдомъ и пошошеніемъ. Сіи жалкія твари, потерявшія всякую стыдливость, по крайней мѣрѣ боятся иногда показывать передъ народомъ безстыдныя свои тѣлодвиженія, по крайней мѣрѣ краснѣютъ хотя однажды въ годъ. — И такъ если мы имѣемъ въ омерзѣніи всякаго рода нечистоту: то за чѣмъ слушать намъ то, чего нельзя говорить безъ преступленія, вѣдая при томъ, что Богъ осуждаетъ *за всяко слово праздно, еже рекутъ человѣцы* (Мат. XII, 36). За чѣмъ смотрѣть на то, что запрещено намъ дѣлать? Почему вещи, оскверняющія человѣка языкомъ, не могутъ осквернять его очами и ушами, тогда какъ очи и уши суть можно сказать преддверіе души нашей? Трудно, чтобы сердце было чисто, когда входъ въ него поврежденъ. Такимъ образомъ театръ непремѣнно долженъ быть возбраненъ, когда нечистота подвержена осужденію.

XVIII. Если ты скажешь, что театральныя представленія выдуманы для изученія вѣжливости и науки

жить въ свѣтѣ: то я отвѣчать буду, что намъ надлежитъ презирать сію свѣтскую науку, которая есть безуміе предъ Богомъ, и что слѣдственно мы должны гнушаться сими двумя зрѣлищами, то есть, комедіею и трагедіею, въ которыхъ выставляются на показъ всѣ прелести сей тлетворной науки. Комедія есть такъ сказать школа нечистоты, а трагедія учитъ только жестокости, злочестію и варварству. Будьте увѣрены, что разсказъ о постыдномъ дѣлѣ столько же безполезенъ и опасенъ, какъ и самое дѣло. Ты возразишь, что и въ священномъ Писаніи упомянуто о *позорищѣ* (1. Кор. IX, 24). Это правда; но правда и то, что нельзя безъ срама смотрѣть на все то, что происходитъ на позорищѣ, а именно: на кулачный бой, на попиранія ногами, на пощечины и на другія буйства, обезображивающія лице человѣка, сотвореннаго по образу Божію. Благоговѣя къ Религіи, ты не станешь одобрять безумнаго бѣга и бѣшеныхъ схватокъ, сопровождающихъ игру въ дискъ, равно какъ и другихъ тѣлодвиженій, одно другаго сумазбродпѣйшихъ. Уважая справедливость, ты не будешь выхвалять напряженія тѣлесныхъ силъ, служащаго единственно къ тщеславію того, кто ихъ употребляетъ, и къ униженію того, противъ кого онъ ихъ употребляетъ; еще менѣе можешь ты восхищаться наукою, выдуманною праздполюбивыми Греками, поддѣлывать или подкрашивать тѣло свое на маперъ чучелъ, какъ бы для того, чтобъ измѣнить то тѣло, которое Богъ намъ даровалъ. Нѣтъ! Люди, занимающіеся подобными ремеслами, заслуживаютъ одно наше омерзѣніе. Вообще борьба есть изобрѣтеніе сатаны: онъ началъ ее съ тѣхъ поръ, какъ искусствомъ своимъ повергъ ницъ нашихъ прародителей. Движенія борцевъ не иное что, какъ увертки, похожія на извиванія адской змѣи. Они

цѣпляются, чтобъ остановить противника, нагибаются, чтобъ обхватить его, скользятъ, чтобъ отъ него увернуться. Люди борются и сражаются, скажешь ты, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе удостоиться полученія вѣнковъ. Но вѣнки сіи для какого употребленія могутъ служить Христіанамъ?

XIX. Нужно ли послѣ сего говорить о томъ, осуждается ли священнымъ Писаніемъ Амфитеатръ? Если мы можемъ доказать, что жестокость, свирѣпство, варварство, намъ позволительны: то не о чемъ и толковать: пойдемъ въ Амфитеатръ. Если мы таковы, какъ о насъ говорятъ: то станемъ насыщаться кровію человѣческою. Ты скажешь можетъ быть, что злодѣи должны быть наказываемы. Кто станетъ о томъ спорить, исключая развѣ самихъ злодѣевъ? Я согласенъ на то; но согласитесь же и вы, что доброму человѣку нельзя любоваться казнію человѣка злаго: онъ скорѣе долженъ скорбѣть о томъ, что подобный ему человѣкъ имѣлъ несчастіе впасть въ преступленіе, заслуживающее строгаго наказанія. Впрочемъ можно ли ручаться за то, чтобъ одни только прямо виновные предавались на растерзаніе звѣрямъ и подвергались другимъ казнямъ? Не случается ли иногда, что и невинные къ тому приговариваются или по злобѣ судіи или по небреженію адвоката или по неправильности судопроизводства? Гораздо лучше не присутствовать при казни злыхъ и при гибели добрыхъ людей, если только сіи послѣдніе могутъ именоваться добрыми. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ числа гладіаторовъ есть и невинные люди, приносимые въ жертву удовольствію публики. Другіе изъ нихъ приводятся, какъ виновные. Но какъ? За легкую напримѣръ кражу пріучаются они быть человѣкоубійцами. —Впрочемъ всѣ подробности, мною здѣсь описанныя, должны служить какъ бы отвѣтомъ

однимъ язычникамъ. Сохрани Богъ, чтобы Христіанину нужны были дальнѣйшія на сей счетъ свѣдѣнія для отверженія всякаго рода зрѣлищъ. Никто лучше не знаетъ, что происходитъ въ амфитеатрѣ, какъ тотъ, кто продолжаетъ посѣщать его. Что до меня касается, я лучше хочу ни о чемъ не говорить, нежели приводить иное на память.

XX. И такъ не легковѣрна ли и не жалка ли отговорка людей, желающихъ подъ пустыми предлогами увѣрить себя, что подобныя удовольствія имъ не запрещены? Когда, говорятъ они, нѣтъ въ священномъ Писаніи рѣшительнаго постановленія, осуждающаго зрѣлища: то развѣ Христіанинъ не можетъ на нихъ присутствовать? Недавно слышалъ я человѣка, разсуждающаго еще слѣдующимъ образомъ. Не только солнце, но и Самъ Богъ съ высоты небесъ смотрятъ на комедію, на сраженія гладіаторовъ и на другія игры, и отъ того не получаютъ никакой нечистоты. — Это правда, всякому извѣстно, что солнце лучами своими освѣщаетъ лужу, и остается не запятнаннымъ. Если бы Богъ не взиралъ на наши преступленія и позорныя дѣла: то можетъ быть не подвергались бы мы тогда и строгости суда Его. Но увы! Онъ видитъ ихъ, Онъ не можетъ не видѣть нашихъ грабежей, нашихъ обмановъ, нашихъ прелюбодѣйствъ, нашихъ неправдъ, нашихъ идолопоклонствъ, нашихъ зрѣлищъ; потому-то мы и не должны на сихъ послѣднихъ присутствовать, чтобы не увидѣлъ насъ Тотъ, кто все видитъ. О дерзкій человѣкъ! Тебѣ ли сравнивать виновнаго съ Судіею? Одинъ виновенъ въ томъ, что преступленіе его открыто, а другой есть Судія: нѣтъ ничего, чего бы Онъ не могъ открыть. Думаешь ли ты, что дозволено предаваться ярости внѣ цирка, безпутствовать внѣ театра, безчинствовать внѣ позорища, быть жесто-

кимъ внѣ амфитеатра, потому что Богъ видитъ все и внѣ портика, и внѣ ложъ, и внѣ ступеней? Не обманывайся: что Богъ осуждаетъ, то нигдѣ и никогда не позволительно; что Богъ запрещаетъ, то всегда законопротивно. Въ семъ-то и состоитъ истина и полнота Христіанской нравственности, соблюденіе страха Божія и вѣрность въ повиновеніи, подобающемъ Богу. Никогда не должно нарушать строгихъ Его повелѣній и мечтать о послабленіи вѣчныхъ Его судовъ. Что само по себѣ добро, то никогда не можетъ быть зломъ, равно какъ что само по себѣ зло, то никогда не можетъ быть добромъ. Все измѣрено и опредѣлено истиною, никогда не измѣняющеюся.

XXI. Язычники, не имѣющіе сей полноты истины, потому что не хотятъ познать Виновника и Учителя истины, судятъ о добрѣ и злѣ по своимъ прихотямъ. Что сегодня кажется имъ добромъ, то завтра для нихъ зло; что считаютъ они въ одномъ мѣстѣ запрещеннымъ, то въ другомъ признаютъ позволеннымъ. Чтожъ изъ того происходитъ? Вотъ что. Кто на улицѣ посовѣстился бы поднять нѣсколько робу, чтобъ исправить свою нужду, тотъ въ циркѣ становится столько безстыденъ, что безъ всякаго зазрѣнія передъ всѣмъ свѣтомъ обнажаетъ такія части тѣла, которыя наиболѣе долженъ бы скрывать. Кто передъ дочерью своею не смѣлъ бы произнести ни одного неблагопристойнаго слова, тотъ самъ ведетъ ее въ комедію, чтобъ она слышала самыя скверныя рѣчи, и видѣла всякаго рода неприличныя коверканья. Кто за долгъ себѣ поставляетъ укрощать буйныхъ людей, тотъ одобряетъ Атлетовъ, когда они на позорищѣ другъ другу наносятъ кровавыя раны. Кто ужасается, глядя на трупъ человѣка, умершаго обыкновенною смертію, тотъ въ амфитеатрѣ находитъ удовольствіе

пресыщать взоры свои, смотря на тѣло, котораго члены, въ куски изорванные, плаваютъ въ излившейся изъ него крови. Кто по обязанности своей долженъ присутствовать въ амфитеатрѣ для наказанія человѣкоубійцы, тотъ самъ ведетъ туда на убой жалкаго раба, подгоняя его палочными ударами. Кто хочетъ и требуетъ, чтобы каждый убійца преданъ былъ на растерзаніе свирѣпому льву, тотъ проситъ о дарованіи свободы гладіатору въ награду если бы онъ вышелъ изъ сраженія побѣдителемъ; въ случаѣ же смерти его, изъявляетъ о немъ чувствительное сожалѣніе и состраданіе, хотя самъ же былъ орудіемъ его смерти, и не оказалъ къ нему сначала ни малѣйшаго человѣколюбія.

XXII. Станемъ ли мы дивиться непостоянству сихъ слѣпыхъ людей, судящихъ о добрѣ и злѣ по собственному своенравію? Вотъ новое тому доказательство. Правители республики, судіи и распорядители игрищь, лишаютъ всякаго почетнаго званія подвижниковъ цирка, Атлетовъ, комедіантовъ, гладіаторовъ (то есть, тѣхъ самыхъ весельчаковъ, которымъ знатныя Римскія дамы приносятъ въ жертву свое сердце, а часто и самое тѣло, вступая съ ними въ постыдныя связи, хотя публично подобныя связи и порицаютъ); правители, говорю, предаютъ сего рода людей послѣднему уничтоженію, не допуская ихъ пользоваться никакими правами и достоинствами ни въ судилищахъ, ни въ сенатѣ, ни въ преимуществахъ патриціевъ, ниже въ другихъ какихъ-либо должностяхъ. Чудное дѣло! Они объявляютъ ихъ безчестными людьми; а между тѣмъ охотно присутствуютъ на ихъ игрищахъ. Они любятъ тѣхъ, которыхъ наказываютъ; презираютъ тѣхъ, которыхъ одобряютъ; хвалятъ дѣло, а дѣлателя позорятъ. Какой странный родъ суда без-

кимъ внѣ амфитеатра, потому что Богъ видитъ все и внѣ портика, и внѣ ложъ, и внѣ ступеней? Не обманывайся: что Богъ осуждаетъ, то нигдѣ и никогда не позволительно; что Богъ запрещаетъ, то всегда законопротивно. Въ семъ-то и состоитъ истина и полнота Христіанской нравственности, соблюденіе страха Божія и вѣрность въ повиновеніи, подобающемъ Богу. Никогда не должно нарушать строгихъ Его повелѣній и мечтать о послабленіи вѣчныхъ Его судовъ. Что само по себѣ добро, то никогда не можетъ быть зломъ, равно какъ что само по себѣ зло, то никогда не можетъ быть добромъ. Все измѣрено и опредѣлено истиною, никогда не измѣняющеюся.

XXI. Язычники, не имѣющіе сей полноты истины, потому что не хотятъ познать Виновника и Учителя истины, судятъ о добрѣ и злѣ по своимъ прихотямъ. Что сегодня кажется имъ добромъ, то завтра для нихъ зло; что считаютъ они въ одномъ мѣстѣ запрещеннымъ, то въ другомъ признаютъ позволеннымъ. Чтожъ изъ того происходитъ? Вотъ что. Кто на улицѣ посовѣстился бы поднять нѣсколько робу, чтобъ исправить свою нужду, тотъ въ циркѣ становится столько безстыденъ, что безъ всякаго зазрѣнія передъ всѣмъ свѣтомъ обнажаетъ такія части тѣла, которыя наиболѣе долженъ бы скрывать. Кто передъ дочерью своею не смѣлъ бы произнести ни одного неблагопристойнаго слова, тотъ самъ ведетъ ее въ комедію, чтобъ она слышала самыя скверныя рѣчи, и видѣла всякаго рода неприличныя коверканья. Кто за долгъ себѣ поставляетъ укрощать буйныхъ людей, тотъ одобряетъ Атлетовъ, когда они на позорищѣ другъ другу наносятъ кровавыя раны. Кто ужасается, глядя на трупъ человѣка, умершаго обыкновенною смертію, тотъ въ амфитеатрѣ находитъ удовольствіе

пресыщать взоры свои, смотря на тѣло, котораго члены, въ куски изорванные, плаваютъ въ излившейся изъ него крови. Кто по обязанности своей долженъ присутствовать въ амфитеатрѣ для наказанія человѣкоубійцы, тотъ самъ ведетъ туда на убой жалкаго раба, подгоняя его палочными ударами. Кто хочетъ и требуетъ, чтобы каждый убійца преданъ былъ на растерзаніе свирѣпому льву, тотъ проситъ о дарованіи свободы гладіатору въ награду если бы онъ вышелъ изъ сраженія побѣдителемъ; въ случаѣ же смерти его, изъявляетъ о немъ чувствительное сожалѣніе и состраданіе, хотя самъ же былъ орудіемъ его смерти, и не оказалъ къ нему сначала ни малѣйшаго человѣколюбія.

XXII. Станемъ ли мы дивиться непостоянству сихъ слѣпыхъ людей, судящихъ о добрѣ и злѣ по собственному своенравію? Вотъ новое тому доказательство. Правители республики, судіи и распорядители игрищь, лишаютъ всякаго почетнаго званія подвижниковъ цирка, Атлетовъ, комедіантовъ, гладіаторовъ (то есть, тѣхъ самыхъ весельчаковъ, которымъ знатныя Римскія дамы приносятъ въ жертву свое сердце, а часто и самое тѣло, вступая съ ними въ постыдныя связи, хотя публично подобныя связи и порицаютъ); правители, говорю, предаютъ сего рода людей послѣднему уничтоженію, не допуская ихъ пользоваться никакими правами и достоинствами ни въ судилищахъ, ни въ сенатѣ, ни въ преимуществахъ патриціевъ, ниже въ другихъ какихъ-либо должностяхъ. Чудное дѣло! Они объявляютъ ихъ безчестными людьми; а между тѣмъ охотно присутствуютъ на ихъ игрищахъ. Они любятъ тѣхъ, которыхъ наказываютъ; презираютъ тѣхъ, которыхъ одобряютъ; хвалятъ дѣло, а дѣлателя позорятъ. Какой странный родъ суда без-

честить человѣка за то самое, за что воздается ему честь, или лучше сказать, какое безмолвное сознаніе злаго дѣла, когда тотъ, кто его производитъ, сколько бы ни доставлялъ удовольствія, предается безславію!

XXIII. Если человѣческое правосудіе осуждаетъ сихъ несчастныхъ людей, не смотря на забавы, доставляемыя ими своимъ судьямъ, если и оно исключаетъ ихъ изъ всякаго почетнаго званія, заточая ихъ часто въ ужасныя и пустынныя мѣста: то во сколько кратъ строже явится нѣкогда противъ нихъ правосудіе божественное? Думаете ли вы, что Богъ можетъ одобрить сего возницу въ циркѣ, возмущающаго столько душъ, возбуждающаго столько изступленія, тревожащаго столько зрителей? Полагаете ли вы, что онъ весьма пріятенъ небу, когда, увѣнчанный цвѣтами подобно языческому жрецу, или облеченный въ испещренную ризу подобно гаеру, является стоящимъ торжественно на колесницѣ? Смотря на него, не скажете ли вы, что діаволъ возноситъ своего Илію на небо, какъ нѣкогда Богъ восхитилъ туда истиннаго Илію? Равнымъ образомъ думаете ли вы, что Богу нравится комедіантъ, съ такимъ стараніемъ обрившій себѣ бороду, и чрезъ то обезобразившій дарованное ему лице? Не доволенъ будучи тѣмъ, что сдѣлался видомъ подобенъ Сатурну, Бахусу или Изидѣ, онъ дозволяетъ дать себѣ столько пощечинъ, что какъ будто самъ діаволъ учитъ его, *аще кто ударитъ въ десную ланиту, обращать ему и другую* (Матѳ. V, 39). Сей соперникъ Божій знаетъ, что *никтоже, пекійся о себѣ, можетъ приложити возрасту своему локоть единъ* (Матѳ. VI, 27); но учитъ трагическихъ актеровъ подыматься на каблукахъ, какъ бы издѣваясь надъ сими словами. Полагаете ли вы также, что употребленіе масокъ одобряется Богомъ? Спрашиваю: если

запрещены намъ всякаго рода кумиры и подобія: то не строже ли еще взыщетъ Онъ за то, что мы безобразимъ образъ Его? Нѣтъ! Виновникъ истины не можетъ одобрять ничего лживаго. Онъ считаетъ за нѣкоторый родъ прелюбодѣянія все то, что мы измѣняемъ въ Его твореніи. Осуждая всякаго рода притворство, помилуетъ ли Онъ комедіанта, поддѣлывающаго свой голосъ, свой возрастъ, свой полъ, представляющаго изъ себя влюбленнаго или гнѣвливаго человѣка, проливающаго лживыя слезы или испускающаго ложные вздохи? Когда Господь заповѣдалъ въ законѣ Своемъ: *да не облачится мужъ въ ризу женску, яко мерзость есть Господеви всякъ творяй сія* (Второз. XXII, 5): то думаете ли вы, что Онъ не осудитъ того, кто пріемлетъ не только одежду, но голосъ, тѣлодвиженія и поступь женщинъ? Считаете ли вы также, что искусный мастеръ въ кулачномъ бою останется безъ наказанія? Для того ли Создатель далъ ему крѣпкія мышцы; чтобъ онъ подвергалъ ихъ ударамъ кистеня? Для того ли получилъ онъ уши, чтобы терпѣть заушенія? Для того ли дарованы ему глаза, чтобы лопаться отъ досадъ? Не говорю уже о тѣхъ, которые подталкиваютъ другихъ и заставляютъ ихъ подойти ближе ко льву, дабы показаться не столько жестокими, какъ звѣрь, ихъ терзающій?

XXIV. Нужны ли еще какія доказательства для убѣжденія истинныхъ служителей Божіихъ возгнушаться всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ зрѣлищамъ, такъ какъ все сіе противно божественному ихъ Учителю? Если правда, какъ уже мною замѣчено, что зрѣлища установлены въ честь діавола, если постановка ихъ есть твореніе рукъ того же діавола, такъ какъ все, что не отъ Бога, происходитъ отъ діавола же: то изъ сего явствуетъ неоспоримо, что это суть дѣла сатаны,

отъ которыхъ мы при крещеніи совершенно отреклись. Стало быть того, что мы тогда проклялп, намъ не должно уже искать ни нашими дѣяніями, ни нашими словами, ни нашими взорами, ни нашими пожеланіями. А притомъ нарушить обѣщаніе наше, не тоже ли самое, что сокрушить крещеніе? Но для вящшаго еще убѣжденія спросимъ самихъ язычниковъ. Спросимъ ихъ: позволяется ли Христіанамъ присутствовать на зрѣлищахъ? Что они отвѣчать будутъ? Этотъ человѣкъ, скажутъ они, безъ сомнѣнія сдѣлался Христіаниномъ, потому что отсталъ отъ зрѣлищь, не является уже на нихъ. Изъ сего вы можете видѣть, что кто не лишаетъ себя сего отличительнаго признака, тотъ не Христіанинъ. Какая же надежда остается сему несчастному? Воинъ не перебѣгаетъ ко врагамъ иначе, какъ оставя прежнюю свою службу, покинувъ знамена своего Государя, нарушивъ вѣрность къ нему, поклявшись умереть съ тѣми, кому передается.

XXV. Вѣроятно ли, чтобы Христіанинъ бѣглецъ дѣйствительно помышлялъ о Богѣ въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничто не напоминаетъ ему присутствія Его? Вѣроятно ли, чтобъ онъ сохранялъ спокойствіе души тамъ, гдѣ пристрастно держитъ сторону гладіатора? Легко ли держаться правилъ цѣломудрія и стыдливости тамъ, гдѣ глаза устремлены на позорныя тѣлодвиженія комедіанта? Можно ли гдѣ встрѣтить болѣе соблазна, какъ на зрѣлищахъ въ блестящихъ и чрезвычайныхъ украшеніяхъ и въ толпѣ сидящихъ въ смѣшеніи мужчинъ и женщинъ? Смѣшеніе чудовищное, подающее тѣмъ и другимъ поводъ къ взаимнымъ разговорамъ, воспламеняющимъ искры плотской похоти! Прибавьте къ сему, что первая мысль при входѣ въ какое либо зрѣлище состоитъ въ томъ, чтобы видѣть другихъ и себя показать. Впрочемъ при

ужасныхъ восклицаніяхъ актера, удобно ли внимать спасительнымъ увѣщаніямъ пророка? Удобно ли соединять пѣніе псалмовъ съ женоподобными пѣснями оперы? Смотря на двухъ атлетовъ, окровавливающихъ другъ друга кулачными ударами, удобно ли приводить себѣ на память сдѣланное намъ запрещеніе воздавать зло за зло? Можно ли наконецъ научиться кротости и человѣколюбію, услаждаясь видомъ людей, терзаемыхъ медвѣдемъ, или видомъ двухъ гладіаторовъ, сцѣпившихся одинъ съ другимъ, и обтирающихъ кровь, изъ нихъ льющуюся?—Боже милосердый! Избавь служителей Твоихъ отъ пожеланій участвовать въ столь гибельныхъ увеселеніяхъ. О братья любезные! вникните, что мы дѣлаемъ, переходя изъ церкви Божіей въ храмъ діавола, изъ священнаго мѣста въ мѣсто злочестивое, изъ сіянія небесъ такъ сказать въ тину земную. Руки, подъемлемыя къ Господу, спустя минуту утомляемъ мы на одобреніе шутовъ; устами, произносившими *аминь* при совершеніи богослуженія, выхваляемъ мы гладіатора въ амфитеатрѣ; и кромѣ всего сего смѣть ли намъ кому другому, а не Іисусу-Христу Богу нашему, говорить: буди благословенъ!

XXVI. Нечему послѣ сего удивляться, что діаволъ легко овладѣваетъ сими невѣрными Христіанами. Богъ попускалъ сіе неоднократно; доказательствомъ тому можетъ служить трагическій примѣръ одной женщины, которая пошедши въ комедію, возвратилась оттуда, будучи одержима бѣсомъ. Когда нечистый духъ былъ заклятъ и спрошенъ, за чѣмъ вошелъ въ нее, то онъ отвѣчалъ: я не напрасно овладѣлъ ею, я нашелъ ее у себя. Извѣстно также, что другая женщина видѣла во снѣ обезьяну въ тотъ самый день, когда ходила она слышать одного комедіанта, и что имя комедіанта сего часто повторялось въ ушахъ ея

съ ужасными угрозами: черезъ пять дней ее не было уже въ живыхъ. Множество есть другихъ подобныхъ примѣровъ съ людьми, лишившимися Господа за то, что имѣли общеніе съ діаволомъ, присутствуя на зрѣлищахъ; ибо *никто же можетъ двѣма господиома работати* (Мат. VI, 24). Какое отношеніе можетъ существовать между свѣтомъ и тьмою, между жизнію и смертію? Мы должны предавать проклятію сіи языческія собранія, какъ потому что въ нихъ хулится имя Божіе, такъ и потому, что тамъ же люди заботятся о предаціи насъ на растерзаніе львамъ, совѣтуются о предпріятіи противъ насъ гоненій, избираютъ лазутчиковъ для отысканія Христіанъ и для ихъ мученія.

XXVII. Что ты дѣлать станешь, когда будешь включенъ въ число буйныхъ участниковъ въ сихъ злочестивыхъ совѣтахъ? Бояться гоненія отъ людей тебѣ не для чего: никто не сочтетъ тебя Христіаниномъ, когда ты присутствуешь на зрѣлищахъ. Но помысли о томъ, что скажетъ о тебѣ Господь на небесахъ; не явится ли оттуда противъ тебя множество свидѣтелей? Въ то время, какъ ты находишься въ храмѣ діавола, тысячи Ангеловъ взираютъ съ небесъ на тебя; они особенно замѣчаютъ того, кто произноситъ хулу, кто ее слушаетъ, кто предаетъ сатанѣ языкъ свой и уши свои, чтобы противиться Богу. Не рѣшишься ли ты послѣ сего бѣжать изъ сихъ собраній, бунтующихъ противъ Іисуса-Христа, оставить сіи скопища, исполненныя разврата, удалиться отъ сего воздуха, зараженнаго гласомъ несмѣтнаго множества вопіющихъ злодѣевъ? Положимъ, что на сихъ зрѣлищахъ происходятъ иногда вещи, въ самомъ дѣлѣ пріятныя, простыя, скромныя и даже не безчестныя; но вспомни, что обыкновенно ядъ смѣшивается не съ желчью и чемерицею, а съ сладкими и вкусными жидкостями.

Такъ всегда діаволъ поступаетъ; онъ кроетъ смертельный ядъ свой въ яствахъ, наиболѣе пріятныхъ и лакомыхъ. Слѣдовательно все то, что въ зрѣлищахъ покажется тебѣ великимъ, вѣжливымъ, сладкозвучнымъ, веселымъ, утонченнымъ, гармоническимъ, ты долженъ принимать за медъ, отравленный ядомъ. Обращай вниманіе не столько на удовольствіе устъ, сколько на опасность, неминуемо сопряженную съ симъ удовольствіемъ.

XXVIII. Предоставь клевретамъ діавола суетное удовольствіе пресыщаться яствами, имъ отъ него предлагаемыми. Они могутъ исправно являться на мѣста, назначенныя для зрѣлищъ, по приглашенію своего патрона. Для насъ не наступило еще время празднествъ и увеселеній. Мы не можемъ веселиться съ язычниками, потому что и они не могутъ съ нами веселиться. Каждому своя доля: они теперь въ радости, а мы въ печали. Іисусъ-Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *міръ возрадуется, вы же печални будете* (Іоан. XVI, 20). Будемъ воздыхать, доколѣ язычники радуются, дабы и намъ возрадоваться, когда они воздыхать станутъ. Остережемся теперь веселиться съ ними, дабы нѣкогда намъ не восплакать, какъ они восплачутъ. — О ученикъ Христовъ! Ты слишкомъ изнѣженъ, когда думаешь найти удовольствіе въ семъ мірѣ, или лучше сказать, ты безуменъ, когда радость міра сего считаешь за истинное удовольствіе. Философы имя удовольствія или услажденія приписали спокойствію души, и принимаютъ спокойствіе сіе за основаніе своихъ радостей, своихъ увеселеній и своей славы. Ты же напротивъ того воздыхаешь о смутахъ и тревогахъ цирка, театра, амфитеатра и другихъ позорищъ. Смѣешь ли ты думать, что намъ жить нельзя безъ удовольствій, намъ, долженствующимъ находить

величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы не жить? Чего намъ лучше желать, какъ не того, чтобы вмѣстѣ съ Апостоломъ *имѣти желаніе разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. 1. 23)? Тамъ должно быть и удовольствіе наше, куда стремится наше желаніе.

XXIX. Но если ты думаешь, что нельзя проводить жизни сей безъ какой либо пріятности: то почему ты столько неблагодаренъ, что не хочешь ни признать ни вкушать различныхъ удовольствій, которыя Богъ произвелъ и которыя слишкомъ достаточны для удовлетворенія твоихъ желаній? Чего лучше и счастливѣе, какъ быть примиреннымъ съ Богомъ Отцемъ и со Іисусомъ-Христомъ Сыномъ Его! Чего прибыльнѣе, какъ познать истину, открыть свои заблужденія и получить прощеніе въ содѣянныхъ прежде преступленіяхъ? Чего пріятнѣе, какъ удаляться отъ пріятностей, презирать міръ сей, наслаждаться истинною свободою, спокойствіемъ добраго къ себѣ довѣрія, святостію жизни и отсутствіемъ боязни смерти? Какое больше удовольствіе, какъ попирать ногами языческихъ боговъ, изгонять бѣсовъ, пользоваться дарами чудесныхъ врачеваній и небесныхъ откровеній, и наконецъ жить и быть всегда съ Богомъ? Вотъ прямыя услажденія Христіанъ, вотъ безвинныя ихъ зрѣлища, не стоющія имъ ничего! Сравните съ сими святыми зрѣлищами суетность игрищъ цирка, быстрое прехожденіе всѣхъ вещей міра сего, премѣнчивость и стремительный бѣгъ времени, предѣлы нашихъ усилій. Возьмите лучше сторону Христіанскихъ обществъ, одушевите себя воззрѣніемъ на небесное знамя, воспрянте при звукѣ трубнаго гласа Ангела, возжелайте получить славную пальму мученичества. Если вы прельщаетесь поэзіею: то у васъ довольно другихъ книгъ, кромѣ языческихъ; у васъ довольно прекрасныхъ сти-

ховъ, довольно превосходныхъ поученій, довольно гимновъ, довольно музыкальныхъ хоровъ. Это не грубыя басни, но священныя истины; не скопище надутыхъ строфъ, но сокровище чистыхъ и безпритворныхъ изреченій нравственности. Нужны ли вамъ сраженія, борьбы, побѣды: Христіанство представитъ вамъ и ихъ во множествѣ. Взгляните, какъ нечистота низлагается цѣломудріемъ, коварство побѣждается вѣрою, жестокость одолѣвается милосердіемъ, буйство низвергается смиреніемъ: вотъ сраженія, свойственныя Христіанамъ, сраженія, со славою насъ вѣнчающія! Хотите ли вы видѣть еще и кровь пролитую: у васъ есть спасительная кровь Іисуса-Христа.

XXX. Но въ особенности какое будетъ зрѣлище, когда всѣ народы земли соберутся вмѣстѣ, и, скорѣе чѣмъ вообще думаютъ, узрятъ Господа на облакахъ торжествующимъ, исполненнымъ славы и величія, признаннымъ отъ всѣхъ за истиннаго Сына Божія! Какая въ сей день будетъ радость Ангеловъ, слава святыхъ, награда праведниковъ и велѣпіе новаго Іерусалима, въ которомъ они будутъ царствовать вѣчно! Правда, что вмѣстѣ съ тѣмъ представится также зрѣлище совсѣмъ другое, я хочу сказать, страшный день суда, день изъ всѣхъ дней послѣдній и первый день вѣчности; тотъ день, котораго язычники не ожидаютъ, и надъ которымъ издѣваются; тотъ день когда столь многіе пышные и древніе памятники гордости человѣческой уничтожатся, и вся земля съ жителями своими истребится потоками огня (2 Петр. III, 10). Какое тогда будетъ обширное позорище, какое изумленіе, или, если угодно, какой для насъ предлогъ къ радости и удовольствію, когда множество знаменитыхъ, невѣрующихъ государей, почитавшихся за царей неба и земли, станутъ тогда наполнять воздухъ вздохами

среди мрачныхъ пропастей ада со своимъ богомъ Юпитеромъ и со всѣми своими любимцами и приверженцами! Какое внезапное восхищеніе, когда мы увидимъ, что столько правителей, столько судей, столько гонителей имени Христіанскаго, горятъ неугасимымъ огнемъ, который будетъ гораздо несноснѣе огня, пожиравшаго мучениковъ, между тѣмъ какъ сіи послѣдніе возрадуются и возвеселятся, взирая на ихъ жестокую и вѣчную казнь! Присовокупите къ сему, что множество гордыхъ философовъ, славившихся именемъ мудрецовъ, будутъ тогда покрыты стыдомъ и также преданы огню въ присутствіи несчастныхъ своихъ учениковъ, которыхъ сіи безумные наставники старались увѣрить, что въ мірѣ нѣтъ провидѣнія, что души наши ничто, что онѣ никогда не соединятся вновь съ тѣломъ. Наконецъ прибавьте, сколько поэтовъ вострепещетъ отъ страха и ужаса не передъ какимъ нибудь Миносомъ или Радамантомъ, но предъ судомъ Іисуса-Христа, о которомъ они никогда и помыслить не хотѣли!

Тогда-то трагическіе актеры подъ бремепемъ своего несчастія будутъ испускать вопли гораздо плачевнѣе и громче, нежели какими прежде оглашали театръ. Тогда-то шуты и гаеры явятся въ настоящемъ своемъ видѣ, изгибаясь отъ пламени, ихъ пожигающаго. Тогда-то надмѣнные возничіе цирка будутъ болѣе и болѣе поражать взоры наши, возсѣдя на огненной колесницѣ, окруженные отовсюду пламенемъ. Тогда-то увидимъ мы многихъ гладіаторовъ, пронзенныхъ не остріемъ копія какъ прежде въ ихъ Академіяхъ, но множествомъ огненныхъ стрѣлъ, со всѣхъ сторонъ сыплющихся. Правда однакожъ, что я не обращу тогда вниманія моего столько на сихъ жалкихъ бѣдняковъ, сколько на тѣхъ чудовищъ безчеловѣчія (Іудеевъ), которые изощряли прежде бѣшенство свое

противъ Самаго Господа. Вотъ, скажу я имъ, тотъ Сынъ плотника и бѣдной матери, тотъ истребитель субботъ, тотъ Самаритянинъ, тотъ одержимый бѣсомъ человѣкъ; вотъ тотъ, кого вамъ продалъ измѣнникъ Іуда, кто терпѣлъ отъ васъ удары и заушенія, кого обезобразили вы оплеваніями, кого напоили желчью и уксусомъ; вотъ тотъ, кто будто бы тайно похищенъ былъ учениками Своими для увѣренія другихъ, что Онъ воскресъ!—Чтобы видѣть столь величественное зрѣлище, чтобы доставить вамъ столь великолѣпное увеселеніе: что тутъ въ состояніи сдѣлать какой либо Преторъ, Консулъ, Квесторъ или первосвященникъ? Вы можетъ быть возразите мнѣ на сіе, что такое зрѣлище далеко еще отъ насъ. Нѣтъ, братія мои. Вѣра дѣлаетъ намъ его близкимъ, и мы можемъ воображать его какъ бы уже происходящимъ предъ нашими глазами. Впрочемъ какія тогда должны для насъ быть тѣ радости и утѣшенія, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (I. Кор. II, 9)? Повѣрте, что онѣ безконечно превосходятъ всѣ мнимыя удовольствія Цирка, Театра, Амфитеатра и всѣхъ другихъ позорищъ, какія суета ни изобрѣла для зрѣлищъ.

СТАТЬЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ОБЪ ОДѢЯНІИ ЖЕНЩИНЪ (*).

Если бы на землѣ было болѣе вѣры, нежели сколько ожидается награды на небесахъ: то я увѣренъ, возлюбленныя сестры мои, что ни одна изъ васъ, познавши Бога и размысливъ о собственномъ бѣдствіи, не захотѣла бы казаться веселою, а тѣмъ паче гордою, въ своемъ одѣяніи; но напротивъ того вѣрно старалась бы носить самыя грубыя и простыя одежды. Въ такомъ нарядѣ каждый сознавалъ бы въ васъ *Еву* огорченную и кающуюся, и вы бы могли скромностію своею изгладить съ одной стороны стыдъ перваго преступленія, навлеченный на васъ прематерью вашею, а съ другой упрекъ, дѣлаемый полу вашему въ томъ, что онъ былъ причиною гибели всего рода человѣческаго. Всякая жена не можетъ не сознать въ лицѣ своемъ первопреступной *Евы*, потому что она подобно ей раждаетъ дѣтей въ болѣзняхъ, терпитъ тѣже муки, состоитъ въ той же зависимости. Наказаніе первой жены не перестаетъ лежать на всемъ ея полѣ, который по сему какъ будто не можетъ не участвовать и въ ея преступленіи. Какъ же, несчастная жена! Ты была такъ сказать дверью для діавола, ты получила отъ него для нашей гибели за-

(*) Сочинена въ 203 году по Р. Х.

прещенный плодъ, ты первая возмутилась противъ Творца твоего, ты соблазнила того, на кого діаволъ не смѣлъ напасть, ты изгладила въ человѣкѣ лучшія черты божества, наконецъ исправленіе вины твоей стоило жизни Самому Сыну Божію; — и послѣ всего сего ты мечтаешь, ты смѣешь украшать всячески ту кожу, которая дана была тебѣ единственно для прикрытія стыда (Быт. III, 21).

Если бы съ самаго начала міра были въ употребленіи тончайшая Милезійская шерсть и собираемая Скиѳами съ деревъ хлопчатая бумага, если бы роскошь уставила съ тѣхъ поръ цѣнность багряницѣ Тирской, вышиванью Фригійскому и тканью Вавилонскому, если бы люди начали съ того времени придавать блескъ одеждамъ посредствомъ бѣлизны жемчуга и ослѣпительнаго сіянія драгоцѣнныхъ камней, если бы скупость человѣческая тогда же извлекла золото изъ сердца земли, если бы любопытство женъ изобрѣло употребленіе зеркала для легчайшаго обмана глазъ заимствованными пріятностями, если бы вся сія смѣсь гордости и суетности совмѣстна была въ мірѣ съ самаго начала его: то думаете ли вы, любезныя сестры, что праматерь ваша *Ева*, отягощенная бремеемъ своего грѣха, изгнанная изъ рая сладости, изъ жилища счастія, полумертвая какъ отъ раскаянія такъ и отъ предчувствія заслуженной ею смерти, думаете ли вы, говорю, что она въ семъ состояніи стала бы заботиться о столь многихъ суетныхъ и пышныхъ украшеніяхъ для прикрытія бѣднаго своего тѣла и для избѣжанія отъ стыда, грѣхомъ причиненнаго? И такъ если вы хотите оживить въ себѣ праматерь свою *Еву*, изможенную и кающуюся: то вамъ не надобно искать и знать того, чего она не имѣла и не знала во время своей жизни. Всѣ сіи суетныя укра-

шенія приводятъ только въ замѣшательство жену, изъятую отъ благодати и почти уже осужденную: онѣ кажется ни къ чему иному не служатъ, какъ къ погребальной ея церемоніи.

Изобрѣтатели сихъ украшеній, я хочу сказать, мнимые сыны Божіи, оставившіе Бога для обладанія дочерьми человѣческими (Быт. VI, 2), были за то осуждены на смертную казнь, и сіе послужило также къ безславію жены. Они-то или потомки ихъ изобрѣли или открыли многія вещи, скрываемыя тщательно природою, и научились многимъ искусствамъ, которыхъ лучше бы было не знать; они-то, говорю, показали людямъ, какъ искать металловъ во внутренности земли, они открыли силу и качество травъ; они первые стали производить чары, и возмечтали въ расположеніи звѣздъ найти науку знать будущность. Главное же стараніе ихъ состояло въ томъ, чтобы доставить женамъ всѣ тѣ орудія суеты, которыми онѣ себя украшаютъ съ такою разборчивостію: изъ ихъ рукъ истекли блескъ бриллiантовъ, которыми сіяютъ ожерелья, все золото на запястьяхъ, пріятное разнообразіе цвѣтовъ тканей, словомъ сказать, всѣ многоразличныя вещества, которыми жены пользуются для прикрасы себя и для сокрытія лица своего. О свойствѣ всѣхъ сихъ вещей можно судить по качествамъ ихъ изобрѣтателей: тотъ долженъ быть совершенно слѣпъ, кто не увидитъ, что грѣшники никогда не доведутъ до невинности, что любовники-соблазнители никогда не научатъ блюсти цѣломудріе, что сіи такъ сказать духи возмутительные, или клевреты ихъ, никогда не поселятъ въ насъ страха къ тому Богу, котораго они оставили. Если бы изобрѣтенія ихъ были настоящія науки: то столь негодные учители не могутъ порядочно въ нихъ наставлять; если же дары сіи не

иное что, какъ залогъ распутства: то что постыднѣе быть можетъ?

Есть преданіе, что соблазнителями дочерей человѣческихъ, о которыхъ упоминается въ книгѣ Бытія, были падшіе отверженные ангелы, и что они, позавидовавъ предназначенію, обѣщанному женѣ стереть главу змію, то есть, сатанѣ, рѣшились не только, обольстивъ означенныхъ дочерей, повредить сему предназначенію, но изобрѣли къ тому и найлучшее средство, состоящее въ томъ, чтобъ ослѣпить ихъ пышнымъ убранствомъ, столь сильно подстрекающимъ врожденное имъ любопытство. Но кто бы ни были обольстители женскаго пола, кто бы ни были изобрѣтатели тѣхъ искусствъ и тканей, которыя пораждаютъ суету, особенно въ сердцахъ женщинъ, постараемся изслѣдовать самую природу и сущность сихъ вещей, дабы въ точности узнать, какія причины побуждаютъ насъ искать ихъ съ такимъ усердіемъ. Подъ словомъ *одѣяніе женщинъ* я разумѣю во первыхъ собственно одежду ихъ, золото, серебро, драгоцѣнные камни и прочія принадлежащія къ тому украшенія, во вторыхъ крайнюю ихъ заботливость убирать разнообразно волосы, поддерживать свое дородство, сохранять свѣжесть и цвѣтъ лица, и примѣнять къ свѣтскому образу жизни прочія части тѣла, подверженныя взорамъ людей. Я полагаю, что первая изъ сихъ прихотей происходитъ отъ тщеславія, а вторая есть настоящее распутство. Предоставляю разсудить Христіанскимъ женамъ, служительницамъ Божіимъ, могутъ ли онѣ найти тутъ что либо похожее на смиреніе, что либо сообразное съ цѣломудріемъ, которое первымъ долгомъ своимъ поставили онѣ блюсти ненарушимо.

Что такое есть золото и серебро, составляющія главнѣйшее вещество великолѣпія свѣтскихъ людей?

Отъ чего вещество сіе, которое есть таже земля, для нихъ драгоцѣннѣе, нежели земля, попираемая ногами? Не отъ того ли, что извлеченіе его изъ глубокихъ пещеръ, гдѣ оно создано, стоитъ часто жизни тѣмъ несчастнымъ, которые осуждены добывать его оттуда? Или отъ того, что измѣнивъ видъ свой отъ огня, пріемлетъ оно имя металла, дабы служить къ такому употребленію, на какое честолюбіе человѣка обратить его пожелаетъ? Я не нахожу во всемъ семъ ничего инаго, какъ тоже самое, что происходитъ съ желѣзомъ, мѣдью и другими произведеніями земли и обыкновенными металлами; а потому безразсудно полагать, чтобы драгоцѣнныя сіи вещества одарены были отъ природы какимъ либо преимущественнымъ достоинствомъ противъ другихъ металловъ; но напротивъ того ничего нѣтъ благоразумнѣе, какъ предпочесть имъ желѣзо и мѣдь, потому что отъ сихъ послѣднихъ пріобрѣтаемъ мы гораздо больше пользы и услугъ, нежели отъ золота и серебра, которыя иногда по справедливости обращаются на одинакое съ ними употребленіе.

Не встрѣчались ли часто желѣзныя кольца и другія того металла утвари между тріумфальными украшеніями? Не сохраняются ли и донынѣ мѣдные сосуды, сдѣлавшіеся драгоцѣнною рѣдкостію отъ древности? А обручальныя кольца, которыя и теперь дѣлаются изъ желѣза, не служатъ ли доказательствомъ, что металлъ сей приличенъ для украшенія, между тѣмъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ и объ умѣренности отцевъ нашихъ? Пусть люди, привязанные къ золоту и серебру, покажутъ мнѣ, какое можно сдѣлать изъ нихъ полезное и нужное употребленіе, подобно употребленію желѣза и мѣди. Никогда земля не была обработываема золотомъ, и корабли не строились изъ сере-

бра. Никогда золотый мечь не защитилъ ни чьей живни, и серебреныя стѣны не служили оплотомъ для людей ни противъ непогодъ ни противъ непріятельскихъ нападеній. Наконецъ золото и серебро никогда не употреблялись для добычи и обработки желѣза, между тѣмъ какъ сами онѣ ни къ чему годны безъ помощи желѣза. Изъ всего сего не вижу я, чтобы золото и серебро получили отъ природы какое либо преимущество передъ другими металлами.

Можно ли также что лучшаго сказать въ пользу драгоцѣнныхъ камней, почитаемыхъ дороже золота и серебра? Не одинакаго ли они вещества съ кремнями и безплоднымъ хрящемъ, которые не иное что, какъ изверженія земли? О сихъ драгоцѣнныхъ камняхъ можно уже рѣшительно сказать, что они никакой прямой пользы не приносятъ. Ихъ нельзя употребить ни для фундаментовъ домовъ, ни для постройки крѣпостныхъ стѣнъ, ни для покрыши зданій, ни для устройства террасъ. Они служатъ единственно для удовлетворенія честолюбія женщинъ и для умноженія ихъ гордости; и для сего-то изящнаго употребленія, ихъ съ такимъ трудомъ полируютъ, чтобы придать имъ болѣе блеску, такъ искусно обдѣлываютъ, чтобы поражать взоры отличнымъ соединеніемъ и разнообразіемъ цвѣтовъ, такъ осторожно прокалываютъ, чтобы привѣшивать къ ушамъ, такъ мастерски оправляютъ золотомъ, чтобы смѣсью сего металла придать имъ новую красу.

Но честолюбіе не довольствуется сими извлекаемыми изъ земли вещами. Ему нужно, чтобы люди погружались въ глубину моря, и тамъ отъискивали и почерпали для него новую пищу изъ самомалѣйшихъ раковинъ; и что всего удивительнѣе, такъ именуемый жемчугъ не иное что есть, какъ недостатокъ сихъ ра-

ковинъ, какъ болѣзненный наростъ, образующійся внутри сихъ животныхъ. Вообще нѣтъ въ свѣтѣ ничего, чѣмъ бы не воспользовалась суета для своего удовлетворенія: она проникаетъ даже въ голову дракона, чтобы найти тамъ для украшенія своего мнимо-драгоцѣнный камушекъ, какъ будто бы для женщины Христіанки не довольно того, что прародительница ея научилась отъ змія ослушаться Бога, и какъ будто бы нужно ей отъ животнаго, послужившаго орудіемъ нашему искусителю, заимствовать вещество для вящшаго воспламененія въ себѣ огня честолюбія и гордости. Не думаете ли вы, любезныя сестры, что лучшее средство стереть главу змію состоитъ въ томъ, чтобы такъ дорого цѣнить его изверженія? Не явный ли это признакъ, что вы безмолвно ему покоряетесь, когда носите на головѣ своей сіи камушки, когда поставляете за славу украшать ими чело свое?

Когда бы цѣнность столь много уважаемыхъ вами вещей признаваема была по крайней мѣрѣ общимъ согласіемъ и одобреніемъ всѣхъ народовъ: то я могъ бы подумать, что вы позволили себѣ увлечься могущественною силою общаго мнѣнія. Но вещества сіи, почитаемыя вами за драгоцѣнность, презираются въ тѣхъ земляхъ, откуда приходятъ, и высоко цѣнятся только тамъ, гдѣ онѣ чужды, то есть, гдѣ неизвѣстна настоящая ихъ цѣна. Изобиліе сихъ вещей поселяетъ къ нимъ равнодушіе; и у Пароянъ, Медовъ и другихъ народовъ, обилующихъ золотыми копями, часто куются изъ золота цѣпи для рабовъ и преступниковъ, такъ что сіи послѣдніе, отягощаясь такъ именуемымъ у насъ богатствомъ, бываютъ тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ болѣе богаты, и тѣмъ самымъ доказываютъ ту истину, что золото можетъ иногда быть предметомъ презрѣнія.

У сихъ народовъ не болѣе уважаются и драгоцѣнные камни. Мы видѣли недавно въ Римѣ, съ какимъ пренебреженіемъ они поступаютъ съ ними. Знатнѣйшимъ нашимъ дамамъ стыдно было смотрѣть, на какое употребленіе варварскіе сіи народы обращали найлучшія ихъ украшенія. Изумруды, испещрявшіе изгибы ихъ поясовъ, и бриллiанты, вставленные въ ножны мечей ихъ, небрежно скрывались подъ самою простою одеждою; а жемчугъ, покрывавшій ихъ башмаки, часто и самъ покрытъ былъ грязью. Они носятъ драгоцѣнности въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ нельзя ихъ видѣть, какъ будто бы хотѣли научить Римскихъ дамъ, что стыдно имъ превозноситься ими. Они не довольствуются тѣмъ, что одѣваютъ рабовъ своихъ въ дорогія разноцвѣтныя ткани, но обыкновенно покрываютъ ими стѣны домовъ своихъ, считая ихъ какъ бы нестоющими того, чтобы человѣкъ ихъ употреблялъ. Они предпочитаютъ багряницѣ одежду простаго естественнаго цвѣта.

Не думаю я, чтобы такое общее презрѣніе къ симъ вещамъ могло подвергнуто быть порицанію и считаться варварскимъ. Какое другое заключеніе можно извлечь изъ сего сверхъестественнаго смѣшенія цвѣтовъ и разнообразія тканей, какъ не то, что Богъ не въ состояніи былъ сотворить такихъ овецъ, на которыхъ шерсть была бы багрянаго или другаго блестящаго цвѣта, въ какой она теперь окрашивается? А какъ извѣстно, что Онъ могъ бы и сіе сотворить: то надлежитъ согласиться, что Ему было то не угодно, потому что Онъ того не сдѣлалъ; стало быть измѣнять волю Его, есть не иное что, какъ дерзость. Такимъ образомъ вещи сіи, происходящія не отъ Бога, не составляютъ добра, но онѣ суть изобрѣтеніе противника Его, то есть, діавола, извращающаго все есте-

ственное. Что не отъ Бога, то происходитъ отъ соперника славы Его; а соперникъ сей не иной кто, какъ діаволъ съ своими ангелами.

Но, возразите вы, всѣ сіи ткани произведены собственно не руками Божіими. — Пусть такъ. Однакожъ вы употребляете ихъ не сообразно съ волею Божіею. Это похоже на то, какъ если бы вы захотѣли увѣрить меня, что языческія зрѣлища, противъ которыхъ предъ симъ я писалъ, и самое идолопоклонство, согласны съ волею Божіею, потому что Богъ сотворилъ вещи, употребляемыя людьми на сіи мерзости. Стало быть если Христіанину не дозволено присутствовать на языческихъ зрѣлищахъ: то онъ равномѣрно не долженъ присвоивать себѣ и права обращать въ свою пользу золото и драгоцѣнные камни, созданные Богомъ единственно для Его славы.

Но какъ удаленъ преступный и тщеславный вѣкъ сей отъ исполненія воли Божіей! Въ то время какъ Богъ распредѣлилъ всѣ вещи различно по различнымъ землямъ, такъ что онѣ взаимно бываютъ рѣдки и чужды тамъ, гдѣ не родятся, мы вмѣсто того, чтобы довольствоваться произведеніями, по волѣ Божіей собственно намъ предоставленными, обуреваемся слѣпою похотію новизны, и къ несчастію стремимся сердцемъ и душею обладать такими вещами, которыя Богъ опредѣлилъ въ пользу другихъ народовъ.

Сія проклятая страсть не имѣетъ границъ, какъ скоро мы ей покоримся, и непомѣрное стремленіе къ обладанію рѣдкихъ вещей, возбуждаемое честолюбіемъ, до того исполняетъ сердце наше тщеславіемъ, что для насъ бываетъ почти уже невозможнымъ обуздывать его; влеченіе же къ тщеславію, не основанное на добрыхъ дѣлахъ, поддерживается единственно похотію, самою опасною болѣзнію ума человѣческаго, ко-

торая важнѣе, чѣмъ болѣе воспламеняется. Похоть становится тѣмъ ненасытнѣе, чѣмъ обширнѣе бываетъ обладаніе вещами. Мы видимъ разореніе знатнѣйшихъ фамилій отъ пріобрѣтенія какихъ нибудь ящиковъ и шкатулокъ; видимъ вуали, стоющіе до двадцати пяти тысячь золотыхъ монетъ; видимъ стоимость цѣлыхъ лѣсовъ и острововъ, украшающихъ нѣжную голову; видимъ несмѣтные доходы, висящіе на ушахъ честолюбивой красавицы; видимъ на пальцахъ стоимость нѣсколькихъ мѣшковъ золота. Можно ли сказать послѣ сего, чтобы честолюбіе не торжествовало, когда на женщинъ тратятся столь неимовѣрныя издержки?

СТАТЬЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

О ЖЕНСКИХЪ УКРАШЕНІЯХЪ (*).

I. Знаменитыя служительницы Бога живаго, любезнѣйшія во Христѣ сестры мои! Позвольте, чтобы я въ качествѣ вашего собрата, хотя и считаю себя недостойнымъ сего достохвальнаго имени, представилъ вамъ сіе краткое поученіе, движимый не чувствомъ тщеславія, но однимъ побужденіемъ любви къ дѣлу вашего спасенія; дѣло же сіе, о которомъ всѣ мы равно должны пещись, состоитъ главнѣйше въ неукоризненныхъ доказательствахъ нашей чистоты. Какъ мы всѣ составляемъ храмъ Божій чрезъ освященіе насъ Духомъ Святымъ при крещеніи: то чистота сія должна быть такъ сказать привратникомъ и стражемъ сего храма, дабы не входило въ него ничто нечистое, ничто мірское, и дабы Господь, въ немъ обитающій, видя жилище Свое оскверненнымъ, не удалился изъ него съ негодованіемъ. Но я не имѣю теперь намѣренія показать вамъ необходимость чистоты: божественныя заповѣди довольно на сей счетъ положительны. Я ограничусь только объясненіемъ вамъ одной важной обязанности, относящейся къ сей добродѣтели, обязанности, какую вы должны соблюдать въ разсужденіи вашей внѣшности. Многія изъ васъ (позвольте мнѣ

(*) Сочинена въ 203 году по Р. Х.

сдѣлать вамъ сей упрекъ, хотя никто не достоинъ столько упрековъ, какъ я), многія изъ васъ, подъ видомъ мнимаго невѣдѣнія или смѣлаго притворства, ведутъ себя по наружности довольно невоздержно, какъ будто бы чистота состояла только въ томъ, чтобъ удаляться отъ грубыхъ плотскихъ удовольствій, и какъ будто бы наружность, то есть, наряды и украшенія тѣла, совершенно ничего не значили.

Особы сіи ничего не упускаютъ къ поддержанію своей красоты и мнимаго своего благоприличія, такъ что никакого почти различія нѣтъ между ими и языческими женами, которымъ истинное цѣломудріе по несчастію неизвѣстно. Я говорю, что сіи невѣрующія не знаютъ истиннаго цѣломудрія, потому что кто не знаетъ истиннаго Бога, виновника и хранителя всякой истины, тотъ не можетъ слѣдовать инымъ путемъ, какъ путемъ заблужденія и лжи. Дѣйствительно если бы даже и можно было повѣрить, что между язычницами существуетъ цѣломудріе: то однако жъ сія ихъ добродѣтель столько несовершенна и недостаточна, что, какъ бы онѣ ни были цѣломудренны въ душѣ, но роскошь одѣянія ихъ обнаруживаетъ въ нихъ наклонность къ разврату. Суетность ихъ такова, что если нельзя имѣть полнаго удовольствія, то онѣ рады воспользоваться частичкою онаго. Сколько между ими такихъ, которыя, притворяясь, что хотятъ нравиться только мужьямъ своимъ, употребляютъ особенное стараніе украшать и наряжать тѣло свое для привлеченія взоровъ чужихъ мужчинъ, сколько бы ни казалось по наружности, что онѣ не имѣютъ тутъ никакого дурнаго намѣренія? Скажемъ еще болѣе. Обыкновенно случается съ сими цѣломудренными язычницами, что если онѣ и не смѣютъ сдѣлать преступленія, то имѣютъ къ тому желаніе, или если теперь и

не желаютъ, то по крайней мѣрѣ не заботятся искоренить въ себѣ таковое желаніе. Должно ли сему удивляться? Все, что не происходитъ отъ Бога, не можетъ не быть безнравственно. Язычницы сіи, не имѣя возможности достигнуть до совершеннаго добра, порятятъ и малое добро, которымъ онѣ обладаютъ, примѣшивая къ нему зло.

II. Вамъ, любезнѣйшія сестры, надлежитъ отличаться отъ нихъ въ одѣяніи столько же, какъ вы отъ нихъ отличаетесь во всемъ прочемъ, *да будете совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. V, 48). Сіе совершенство, я хочу сказать, христіанская чистота, должно не только отнять у васъ желаніе быть любимыми, но заставить васъ ненавидѣть и отвергать все то, что можетъ воспламенять опасную любовь въ другихъ. Вопервыхъ желаніе нравиться посредствомъ искуственныхъ прикрасъ можетъ происходить единственно отъ испорченнаго и развращеннаго сердца. Извѣстно, какою приманкою сіи прикрасы служатъ къ вовлеченію людей въ запрещенныя удовольствія. За чѣмъ вамъ возжигать преступное пламя? За чѣмъ привлекать къ такому удовольствію, которое долгъ вашъ велитъ считать непозволеннымъ? Во вторыхъ намъ отнюдь не должно пролагать пути искушеніямъ, которыя и безъ того часто торжествуютъ, непрестанно на насъ нападая, или по крайней мѣрѣ сильно нарушаютъ спокойствіе души. О Боже! сохрани насъ отъ сего пагубнаго камня претыканія. Мы должны имѣть наружность такую скромную, степенную, Христіанскую, чтобы совѣсть ни въ чемъ не могла насъ упрекнуть. Желая пребывать всегда въ семъ счастливомъ положеніи, мы не должны слишкомъ полагаться на себя; ибо полагаясь на собственныя силы, мы будемъ менѣе остерегаться, сдѣлаемся болѣе отважны.

Страхъ есть основаніе спасенія: надмѣнность противоположна страху. Гораздо лучше недовѣрять своей добродѣтели: недовѣріе вселитъ въ насъ страхъ, страхъ сдѣлаетъ насъ осторожнѣе, осторожность поставитъ насъ въ состояніе избѣгать опасности. Напротивъ того если мы положимся на себя: то не боясь ничего и не уважая довольно опасностей, мы почти не можемъ не подвергнуться паденію. Кто ходитъ въ безопасности и ни отъ чего не остерегается, тотъ никогда не станетъ на твердой почвѣ. Но кто внимателенъ ко всему, опасается всего, тотъ пріобрѣтетъ покой и увѣренность въ себѣ. Далъ бы Богъ, чтобы служители Его удостоены были во всякомъ случаѣ Его покровительства, и могли всегда хвалиться милостями, отъ Него изливаемыми!

За чѣмъ намъ стараться губить нашихъ братьевъ? За чѣмъ притворными прикрасами возбуждать въ сердцахъ ихъ похоть? Если новый Господній законъ равное полагаетъ наказаніе и за желанія и за дѣла безчестныя: то думаете ли вы, что тотъ, кто причинилъ другому гибель, останется безъ наказанія? Знайте же, что вы дѣйствительно губите брата своего, когда, представляя глазамъ его свою красоту, пораждаете въ немъ похотливыя желанія. Онъ уже въ душѣ своей совершилъ-то, чего преступнически пожелалъ, и вы становитесь для него такъ сказать мечемъ, его убивающимъ. Тутъ хотя бы съ вашей стороны и не было никакого положительнаго проступка: но не менѣе того вы не извинительны. Подобно сему, когда случится убійство въ домѣ: то хозяинъ дома, хотя бы и не участвовалъ въ преступленіи, но за небреженіе подвергается строгости правосудія.

И такъ украшайте себя, если угодно, убирайте тщательно тѣло свое, дабы братья ваши, смотря на

васъ, погибали. Но что тогда послѣдуетъ съ божественною заповѣдію: *возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе* (Матѳ. XXII, 39)? Увы! Если вы мало печетесь о собственномъ спасеніи: то по крайней мѣрѣ не разрушайте спасенія другихъ. Не думайте, чтобы Духъ Святый изъяснился такимъ образомъ въ отношеніи только къ исполненію нѣкоторыхъ дѣлъ милосердія. Нѣтъ! Онъ тутъ говоритъ о всѣхъ вообще случаяхъ, гдѣ только мы можемъ быть полезны ближнему. А какъ неоспоримо то, что собственное наше духовное благо, равно какъ и благо другихъ, подвергается опасности, когда прелести, сами собою уже слишкомъ опасныя, тщательно умножаются: то будьте увѣрены, что долгъ вашъ есть не только отвергать всякаго рода украшенія, воспламеняющія наши страсти, но даже убавлять или изглаживать блескъ природной красоты вашей посредствомъ нѣкотораго рода небреженія, котораго источникомъ былъ бы Богъ. Симъ способомъ вы пресѣчете опасныя слѣдствія, обыкновенно производимыя глазами. Хотя конечно не должно совершенно осуждать красоты, поколику она составляетъ преимущество тѣла, и будучи украшеніемъ дѣла рукъ Божіихъ, служитъ такъ сказать почетною завѣсою души нашей; но вредъ, какой можемъ мы причинить смотрящимъ на насъ, долженъ возбуждать въ насъ тѣже опасенія, какимъ подвергся *Авраамъ* отъ красоты *Сарры* (Быт. XII, 15. XX, 2). Сей отецъ вѣрующихъ долженъ былъ выдать жену свою за сестру, чтобъ освободить ее отъ поруганія Египтянъ и царя Герарскаго.

III. Впрочемъ пускай красота будетъ не опасна для пользующихся ею и не пагубна для живущихъ съ нами, пускай не подвергаетъ она никого искушенію и не подаетъ повода къ соблазну и паденію; но

развѣ недовольно того, что она не нужна для невѣстъ Христовыхъ? Какъ скоро кто Христіански цѣломудренъ, тому нечего дѣлать съ временною красотою, потому что, сказать собственно, отъ нея нельзя ожидать иная употребленія и плода, кромѣ сладострастія. Я не похожу, чтобъ о ней можно было судить иначе. По сему надлежитъ оставить попеченіе объ умноженіи тѣхъ пріятностей, какія мы имѣемъ, или о пріобрѣтаніи такихъ, какихъ въ насъ нѣтъ. Предоставимъ попеченіе сіе безумнымъ женщинамъ, которыя, занимаясь своею красотою, думаютъ, что хлопочутъ для себя, между тѣмъ какъ онѣ хлопочутъ для другихъ.— Какъ! скажетъ кто либо. Неужели кто сохраняетъ красоту свою, тотъ преступникъ и тогда, какъ блюдетъ цѣломудріе? Развѣ не позволено намъ пользоваться украшеніями тѣла и наслаждаться удовольствіемъ быть хорошо сложенными? — Обстоятельство сіе предаю я на судъ тому, кто поставляетъ все достоинство свое въ преимуществахъ плоти. Мы же должны презирать сію безразсудную выгоду, составляющую качество суетной души; а суетность совсѣмъ не приличествуетъ людямъ, почитающимъ долгомъ званія своего сохранять Христіанское человѣколюбіе. Если всякая вообще слава суетна и безполезна: то какого презрѣнія достойна та слава, которая извлекается отъ слабыхъ нарядовъ тѣла? Вѣрныя ученицы Христовы! Къ вамъ обращаю рѣчь мою. Если позволено хвалиться чѣмъ либо: то надобно хвалиться единственно духовными благами. Прекрасныя качества тѣла не должны насъ много занимать, потому что долгъ нашъ есть украшать только душу свою. Мы должны только радоваться тому, въ чемъ можемъ оказать прямые успѣхи. Слава наша состоитъ въ заслугахъ добрыхъ дѣлъ.

Можно допустить, чтобы Христіанинъ хвалился

своею плотію, но плотію, изможденною покаяніемъ и какъ бы отвердѣвшею отъ святыхъ подвиговъ, дабы изможденная такимъ образомъ плоть доставляла торжество уму, а не унижала его, привлеклая на себя взоры и вздохи какого нибудь безумнаго молодаго человѣка. Убѣдясь доводами, любезнѣйшія сестры, что красота вамъ безполезна, не заботьтесь о томъ, если нѣтъ ее у васъ; а если есть, то пренебрегайте ею со смиреніемъ. Христіанка естественно можетъ хорошо быть сложена; но красота ея не должна быть предметомъ соблазна. Ей не слѣдуетъ не только привлекать на себя разными прикрасами взоровъ мужчинъ, но и быть ими замѣченною.

IV. Хотите ли вы, чтобъ я говорилъ съ вами такъ сказать не по Христіански, и далъ бы вамъ такой совѣтъ, какой могъ бы дать и язычницамъ? Будьте увѣрены, что вы должны стараться нравиться не иному кому, какъ своимъ мужьямъ; нравиться же имъ можете вы только по мѣрѣ того, какъ перестанете заботиться о томъ, чтобы нравиться другимъ. Не бойтесь; жена не можетъ казаться мужу противною. Она ему довольно нравилась, когда качества тѣла и души заставили его избрать ее себѣ супругою. Не вѣрьте, чтобы, презирая убранства и украшенія, могли вы навлечь на себя ненависть или холодность мужей вашихъ. Мужъ, какой бы ни былъ, требуетъ отъ жены своей паче всего ненарушимаго цѣломудрія. Христіанинъ не долженъ обращать вниманія на красоту, потому что преимущества, льстящія язычникамъ, не могутъ нами дорого цѣниться. Да и сами невѣрующіе почитаютъ красоту за вещь подозрительную и опасную. Для кого же хотите вы украшать лице свое? Христіанинъ того не требуетъ, невѣрующій тому не довѣряетъ. Къ чему хлопотать о нарядахъ, возбуждаю-

щихъ въ одномъ презрѣніе, а въ другомъ подозрительность? Не напрасно ли тратите вы на то время?

V. Все то, что мною доселѣ сказано, не къ тому клонится, чтобъ обратить васъ къ образу жизни такъ сказать мужицкому и отвратительному, или посовѣтовать вамъ не соблюдать опрятности въ своей особѣ. Намѣреніе мое состоитъ только въ томъ, чтобъ показать вамъ, до такой степени и до какихъ предѣловъ можетъ простираться заботливость ваша о своемъ тѣлѣ, дабы цѣломудріе было неприкосновенно. Не должно выходить изъ границъ скромной благопристойности и приличной опрятности. Надобно начинать съ того, чтобы нравиться Богу. Наиболѣе оскорбляетъ Его безмѣрная склонность многихъ женщинъ употреблять всякаго рода снадобья, чтобы сдѣлать кожу свою бѣлою и гладкою, чтобы красить лице и щеки свои румянами, чтобы чернить свои брови сажею. Видно, что простое твореніе Божіе имъ не нравится когда онѣ находятъ въ немъ недостатки. Онѣ осуждаютъ премудрость верховнаго Творца всѣхъ вещей; ибо исправлять или передѣлывать то, что сотворено Богомъ, значитъ именно осуждать Его. Но кто учитъ ихъ поступать такъ? Не иной кто, какъ врагъ Божій, какъ діаволъ. Дѣйствительно кто въ состояніи научить безобразить тѣло, какъ не тотъ, злоба котораго успѣла измѣнить и умъ человѣка? Перестанемъ сомнѣваться: онъ, именно онъ изобрѣтатель всѣхъ сихъ преступныхъ хитростей, дабы въ самихъ насъ нѣкоторымъ образомъ вести войну противъ Бога. Что пріемлемъ мы отъ рожденія, то твореніе есть рукъ Божіихъ; а что къ тому прибавляемъ, то не отъ кого инаго происходитъ, какъ отъ сатаны. Какая же смѣлость, какая дерзость употреблять въ помощь сатану, чтобы претворять дѣло рукъ Божіихъ! Рабы наши не смѣютъ

ничего заимствовать отъ нашихъ враговъ. Воины не требуютъ ничего отъ вождей противной стороны: они считаютъ за преступленіе прибѣгать къ непріятелю своего властителя. Не ужели же Христіанамъ прибѣгать къ злѣйшему своему врагу, то есть, къ злобному духу? Но что я говорю: Христіанамъ? Могутъ ли они послѣ такой невѣрности именоваться Христіанами? Они скорѣе должны называться учениками того, котораго ученію послѣдуютъ.

Изъ сихъ предначертаній познайте, любезныя сестры, какъ недостойно имени Христіанина и противно Религіи, вами исповѣдуемой, искуственно себя наряжать, тогда какъ вамъ предписано соблюдать священную простоту во всемъ вашемъ поведеніи; претворять ваше лице, когда вамъ запрещено претворять всякія ваши чувсвта; желать того, чего провидѣніе вамъ не дало, въ то время какъ вамъ повелѣвается ничего того не желать, что принадлежитъ другому; стараться умножать ваши прелести, когда требуется отъ васъ строгое цѣломудріе. Скажите, пожалуйте, какъ соблюдать вамъ то, что трудно въ законѣ, когда не храните вы и того, что въ немъ легко и нисколько не тягостно?

VI. Иныя изъ васъ безпрерывно занимаются маканіемъ своихъ волосъ, чтобы доставить имъ бѣлокурый цвѣтъ. Онѣ какъ будто стыдятся своего отечества, и сердятся, что рождены не въ Галліи или Германіи. Онѣ стараются насильственно передать волосамъ своимъ то, чѣмъ природа одарила сіи народы. Печальное предзнаменованіе составляютъ сіи блестящіе волосы: суетная и мнимая красота ихъ приводитъ къ безобразію. Дѣйствительно, не говоря о прочихъ неудобствахъ, не правда ли, что чрезъ употребленіе сихъ благовоній теряются нечувствительно волосы? Не

правда ли, что и самый мозгъ слабѣетъ отъ сихъ посторонних влагъ и отъ безмѣрнаго солнечнаго жара, на которомъ угодно вамъ палить и сушить свою голову? Можно ли любить прикрасы, производящія столь гибельныя слѣдствія? Должно ли называть добромъ то, что составлено изъ столь непристойныхъ вещей?

Христіанка дѣлаетъ изъ головы своей какъ бы жертвенникъ, на который возливаетъ множество благовоній. Не подобіе ли это жертвы, приносимой нечистому духу? Не лучше ли было бы обратить вещества сіи на употребленіе благочестивое, полезное и нужное, на которое онѣ Богомъ сотворены? Съ другой стороны что заповѣдалъ Іисусъ-Христосъ? *Не можеши*, говоритъ Онъ, *власа единаго бѣла или черна сотворити* (Мат. V, 36). И жены смѣютъ прекословить Богу? Посмотрите, говорятъ онѣ, какъ искусно изъ темнорусыхъ или черныхъ волосъ дѣлаемъ мы бѣлокурые, и отъ того бываемъ пригожѣе. Но придетъ время, когда онѣ ничего не упустятъ, чтобы бѣлые волосы опять обратились въ черные, и когда старость возвѣститъ имъ, что онѣ слишкомъ долго наслаждались жизнію. Какая несообразность! Люди стыдятся возраста, до котораго усердно желали достигнуть; жалуются на потерю, которой давно уже надлежало ожидать; воздыхаютъ о юности, которую провели преступно; хотѣли бы возобновить случаи къ непозволительнымъ удовольствіямъ. Не дай Богъ, чтобы подобное безуміе приходило въ умъ прямому Христіанину. Чѣмъ кто болѣе старается скрывать свою старость, тѣмъ болѣе она обнаруживается. Если ты хочешь никогда не состарѣться: то сохраняй свою невинность, пріобрѣтенную крещеніемъ. Сію-то нетлѣнную красоту должны мы стараться соблюсти, пока не переселимся на небеса, гдѣ невинность наша получитъ

возмездіе. Думаешь ли ты, что приближаешься къ небу, и что заботишься какъ можно скорѣе оставить несчастный міръ сей, когда конецъ дней своихъ почитаешь за несносное для себя бремя и безобразіе?

VII. Какую пользу приносятъ спасенію вашему украшенія вашей головы? Развѣ не можете вы оставить въ покоѣ своихъ волосъ? Вы ихъ то завиваете, то развиваете; то подымаете, то понижаете; сегодня ихъ заплетаете, а завтра оставляете волноваться небрежно; иногда обременяете ихъ множествомъ чужихъ волосъ, составляя изъ нихъ или родъ шапки, которою покрываете голову, или видъ пирамиды, чтобы шея была открыта. Какая странность хотѣть преступать безпрерывно заповѣдь Божію! *Кто отъ васъ пекійся,* говоритъ Спаситель, *можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ* (Мат. VI, 27). А вы хотите непремѣнно прибавить къ нему что либо, накопляя на головѣ своей пуки волосъ съ кучею украшеній, которыми обременяете темя головы, какъ бы средоточіе шлема. Если не стыдно вамъ носить такое бремя: то постыдитесь по крайней мѣрѣ недостоинства его. Не кладите на голову, освященную крещеніемъ, смертныхъ остатковъ какого либо бѣдняка, умершаго отъ распутства, или какого нибудь злодѣя, осужденнаго умереть на эшафотѣ. Свободная голова должна устранять себя отъ рабства всѣхъ сихъ тягостныхъ убранствъ. Впрочемъ напрасно стараетесь вы казаться великолѣпно одѣтыми; напрасно употребляете искуснѣйшихъ мастеровъ для уборки волосъ: Богъ хочетъ, чтобы вы были подъ покрываломъ. А за чѣмъ? вѣроятно за тѣмъ, чтобы никто не видалъ головы женъ, *срамляющихъ себе откровенною главою* (1 Кор. XI, 5).

Далъ бы Богъ, чтобы въ великій день торжества Христіанъ позволено было мнѣ бѣдному грѣшнику

поднять голову до гордой вашей высоты, дабы быть свидѣтелемъ, воскреснете ли вы съ вашими румянами и бѣлилами, съ вашими благовоніями и пышными волосами и представятъ ли васъ Ангелы Іисусу-Христу съ сими свѣтскими нарядами и украшеніями. Думаете ли вы, что если Богъ не одобряетъ роскоши сей здѣсь, то вы обрѣтете ее можетъ быть въ день страшнаго суда, и тѣла ваши будутъ блестѣть тогда тѣми же одеждами, какими вы украшаете ихъ въ семъ мірѣ? Но къ несчастію вашему тѣла и души должны воскреснуть, обнаженныя отъ всякой чуждой примѣси. Что не воскреснетъ съ тѣломъ и душею, то должно быть отринуто, потому что не происходитъ отъ Бога. Отриньте же теперь то, что должны будете тогда отвергнуть, да узритъ васъ Господь и нынѣ такими, какими въ послѣдній день увидитъ.

VIII. Легко человѣку, скажете вы, а особливо такому, который мало снисходителенъ къ женскому полу, осуждать въ женщинахъ все то, что можетъ дѣлать ихъ пріятными. — Но развѣ одобряю я и въ нашемъ полѣ извѣстныя суетности, не сообразныя съ важностію Религіи? Мужчины одержимы бываютъ такою же страстію нравиться женщинамъ, какъ и женщины мужчинамъ. Въ тѣхъ и въ другихъ порокъ сей вселила испорченная природа. У мужчинъ есть свои снадобья, чтобъ особу свою украшать искуственно. Они любятъ бриться, выдергивать волосы изъ бороды, завиваться, убирать голову, скрывать знаки старости своей, прятать сѣдые волосы, придавать тѣлу своему видъ юности, даже румяниться подобно женщинамъ, выглаживать кожу свою особымъ порошкомъ, смотрѣться безпрерывно въ зеркало, не взирая на то, что оно выказываетъ ихъ слишкомъ вѣрно. Все сіе дѣлается, какъ будто бы познаніе Бога, воспрещающа-

го намъ всякое желаніе нравиться и всякую нечистоту, недостаточно было къ тому, чтобы намъ отвергнуть вещи сіи, признавши ихъ безполезными и противными цѣломудрію. Извѣстно, что гдѣ Богъ находится, тамъ присутствуетъ и цѣломудріе вмѣстѣ съ священною степенностію, его сопровождающею. Какимъ же образомъ можетъ торжествовать чистота безъ сихъ оружій, то есть, безъ скромности и степенности? Но равнымъ образомъ какъ намъ употребить и сію степенность въ пользу цѣломудрія, когда лице, одежда и весь составъ нашъ, не будутъ обнаруживать приличной строгости нравовъ?

IX. И такъ, въ отношеніи къ вашему одѣянію и къ множеству нарядовъ и прикрасъ вашихъ, вы должны всячески отсѣкать, отвергать и исгонять сію излишнюю для васъ непомѣрную роскошь. Какая для васъ польза, что люди будутъ замѣчать на лицѣ вашемъ признаки Христіанина благочестиваго, смиреннаго, простаго, скромнаго, сообразующагося съ правилами Евангелія, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ частяхъ вашей наружности выставлять вы станете суетную пышность и неприличную изнѣженность? Легко понять, какъ роскошь сія противна христіанской чистотѣ, и какой путь пролагаетъ она къ величайшимъ безпорядкамъ. Какъ это? Не иначе, какъ осрамляя такъ сказать пріятности красоты посредствомъ цѣни одѣянія. Это такъ справедливо, что безъ помощи сей роскоши, хорошо сложенное лице обыкновенно считается красотою посредственною, непріятною, лишенною прелестей своихъ, такою красотою, которая какъ бы въ разводѣ съ граціями. Напротивъ того при недостаткѣ естественной красоты, люди добавляютъ ее румянами, бѣлилами и другими пособіями. Замѣтно, что даже особы, достигшія возраста спо-

койствія, и вошедшія въ пристань скромности, нерѣдко все еще поражаются блескомъ и великолѣпіемъ украшеній, и обуреваются сильными пожеланіями, возбуждаемыми пышностію одеждъ, не смотря на холодность ихъ возраста.

Отвергните, вѣрныя служительницы Іисуса-Христа, отвергните мужественно всѣ сіи прикрасы и наряды, подобно какъ бы отринули тѣхъ позорныхъ людей, которые торгуютъ дѣвственною чистотою. Если же вы обязаны имѣть уваженіе къ своему роду, качеству и достоинству: то являйтесь съ такимъ скромнымъ великолѣпіемъ, которое бы не было предосудительно для истинной мудрости, внушенной вамъ Евангеліемъ. По крайней мѣрѣ берегитесь, чтобы подъ предлогомъ необходимости, не преступать вамъ границъ, предписываемыхъ Религіею. Какъ можемъ мы показывать на самомъ дѣлѣ смиреніе, составляющее прямую обязанность нашу, когда не сократимъ непомѣрнаго употребленія богатствъ и убранствъ, питающихъ единственно тщеславіе, которое намъ не приличествуетъ?

Развѣ намъ не позволено, возразите вы, пользоваться своимъ имуществомъ? — Но Апостолъ возвѣщаетъ намъ, чтобы мы были *требующіи міра сего, яко не требующе; преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31). Тамъ же говоритъ онъ, чтобы мы были *купующіи, яко не содержаще; время бо прекращено есть прочее.* Еслиже Апостолъ потомъ повелѣваетъ, *да и имущіи жены, будутъ якоже не имущіи*, по причинѣ краткости времени: то за чѣмъ намъ думать послѣ сего о суетныхъ уборахъ, о которыхъ здѣсь рѣчь идетъ? По сему-то самому побужденію многія особы обязываются хранить безпрерывное дѣвство, и для пріобрѣтенія царствія Божія лишаютъ себя такого удоволь-

ствія, которое могло бы имъ быть позволено. Другіе люди воздерживаются отъ употребленія вещей, Самимъ Богомъ признанныхъ нужными, какъ то отъ мяса и вина, употребленіе которыхъ не можетъ причинить ни опасности ни угрызенія совѣсти: они предпочитаютъ въ семъ случаѣ покорять и приносить въ жертву Господу душу свою чрезъ подобное умерщвленіе плоти.

Доселѣ вы довольно пользовались богатствами и пріятствами своими, довольно наслаждались плодами естественныхъ своихъ качествъ. Пора послѣдовать спасительнѣйшимъ правиламъ. Мы тотъ возлюбленный народъ, который создалъ Богъ при концѣ вѣковъ. Онъ предназначилъ насъ отъ вѣчности на то, чтобы мы здраво судили о цѣнности времени, дабы, будучи наставлены въ семъ божественномъ ученіи, отметали всѣ излишества вѣка сего. Мы духовно обрѣзаны отъ всѣхъ вещей по духу и по тѣлу, и должны духовно и тѣлесно перемѣнить правила міра сего.

X. Думаете ли вы, что Самъ Богъ научилъ людей искуству окрашивать шерсть сокомъ извѣстныхъ растѣній или масляными частьми извѣстныхъ рыбъ? Вѣроятно въ началѣ міра Онъ забылъ сотворить овецъ красныхъ или голубыхъ, и потому въ послѣдствіи открылъ тайну придавать разные цвѣты тканямъ, дабы ихъ тонину и легковѣсность сдѣлать цѣннѣе. Вѣроятно Онъ же произвелъ сіи золотыя игрушки, блестящія множествомъ драгоцѣнныхъ камней, и проткнулъ вамъ края ушей для привѣски къ нимъ великолѣпныхъ жемчужинъ. Не Онъ ли полно призналъ нужнымъ мучить Свое твореніе и утомлять дѣтей, недовольныхъ своею участью, до того, что изъ прорѣзовъ на тѣлѣ, опредѣленномъ для работы, висятъ какія-то зерна, которыми Пароянне, народъ варварскій покрываютъ все свое тѣло въ видѣ ожерелья? Между

тѣмъ тоже самое золото, которое приводитъ васъ въ восхищеніе, употребляется иными народами на дѣланіе цѣпей и оковъ; о чемъ ихъ же историки повѣствуютъ. Видно правда, что вещи сіи цѣнятся не потому, что сами по себѣ хороши, а потому, что рѣдки.

Но кто открылъ ихъ? Не иной кто, какъ мятежные ангелы или клевреты ихъ: они первоначально указали людямъ сіи земныя произведенія. Потомъ трудъ и промышленность, совокупно съ ихъ рѣдкостію, содѣлали ихъ еще драгоцѣннѣе отъ безумнаго рвенія къ удовлетворенію роскоши женщинъ. Надобно полагать, что Богъ ввергнетъ въ кромѣшную тьму сихъ злыхъ духовъ между прочимъ и за то, что они указали людямъ сіи опасныя вещества, какъ то: золото, серебро и дѣлаемыя изъ нихъ вещи, и особливо за то, что научили искусству красить ткани и самое лице. Какъ можемъ мы угодить Богу, когда любимъ произведенія тѣхъ, которыхъ правосудіе Его предало вѣчной казни?

Но положимъ, что самъ Богъ даровалъ всѣ сіи вещи, и что Онъ позволилъ употреблять ихъ. Положимъ, что Пророкъ *Исаія* (III, 16—25) именемъ Господнимъ не вопіялъ противъ женскихъ *багряныхъ* ризъ, что онъ не порочилъ ихъ *златыхъ вплетеній*, *перстней*, *монистъ и запястій*, что онъ ничего не сказалъ на счетъ множества другихъ ихъ суетныхъ украшеній. Неужели же не должны мы отличаться отъ язычниковъ, и преимуществовать надъ ними въ томъ, что для нихъ драгоцѣнно? Вспомнимъ, что у насъ нѣтъ инаго Господа и наставника, кромѣ истиннаго Бога, и что Онъ ревнивъ, когда кто преступаетъ божественное Его ученіе. Убѣдимся, какъ и слѣдуетъ, что сей божественный Строитель съ самаго начала міра учредилъ все премудрымъ образомъ, и для испытанія добродѣ-

тели вѣрныхъ своихъ учениковъ расположилъ такъ металлы и минералы, чтобы данная имъ свобода пользоваться ими могла умножать заслуги ихъ по мѣрѣ того, какъ они станутъ лишать ихъ себя. Не случается ли иногда, что умный отецъ семейства нарочно выставляетъ наружу нѣкоторыя цѣнныя вещи для испытанія вѣрности слугъ своихъ? Счастливы они, если покажутъ знаки своей честности и воздержанія. Но сколь достохвальнѣе тотъ слуга, который отказывается и отъ того, что ему предоставлено, и который даже боится излишней снисходительности своего господина! Таково мнѣніе Апостола: *вся ми лѣть суть*, говоритъ онъ, *но не вся назидаютъ* (1 Кор. X, 23). Во сколько кратъ болѣе будемъ мы опасаться употреблять запрещенныя вещи, когда пріучимся страшиться пользоваться вещами позволенными?

XI. Скажите: какую причину имѣете вы являться въ великолѣпномъ нарядѣ, когда вы разлучены съ другими женщинами, имѣющими надобность въ немъ по такимъ побужденіямъ, которыя до насъ не касаются? Вы не посѣщаете языческихъ храмовъ, не присутствуете на ихъ зрѣлищахъ, не бываете на празднествахъ боговъ. Обыкновенные же поводы расточать такую пышность въ одеждѣ состоятъ именно въ томъ, чтобы находиться въ собраніяхъ, чтобы видѣть другихъ и себя показать, чтобы блеснуть суетнымъ тщеславіемъ, чтобы выставить на продажу цѣломудріе. Но вамъ, вѣрныя служительницы Господни, вамъ предлежатъ иныя спасительныя побужденія выходить изъ дому: вы должны или посѣщать больныхъ, или присутствовать при богослуженіи, или приходить слушать слово Божіе. Все сіе суть упражненія благочестивыя, воздержныя и скромныя. Для сего не нужны ни чрезвычайныя, ни

великолѣпныя съ длинными хвостами одѣянія. Если благопристойность, дружба или обязанность заставятъ васъ посѣтить языческихъ дамъ: то почему не являться вамъ къ нимъ съ своею простотою, тѣмъ болѣе, что вы хотите слѣдовать по пути вѣры? Чрезъ сіе покажете вы существенное различіе между служительницами истиннаго Бога и служительницами діавола. Вы послужите имъ назидательнымъ примѣромъ. *Прославите убо Бога*, говоритъ Апостолъ, *въ тѣлесѣхъ вашихъ* (1. Кор. VI, 20). Если же Богъ прославляется сохраненіемъ чистоты: то Онъ прославляется также и пристойною одеждою и приличнымъ поведеніемъ.

Мнѣ извѣстны еще другія возраженія нѣкоторыхъ женщинъ. Мы боимся, говорятъ онѣ, чтобъ имя Божіе не подверглось хулѣ, когда мы откажемся отъ прежнихъ уборовъ.—Руководствуясь симъ правиломъ, мы стало быть не должны отказываться и отъ прежнихъ пороковъ; мы стало быть должны сохранить тѣ же нравы, потому что хотимъ сохранить туже наружность; и тогда-то вѣроятно народы не станутъ хулить имени Божіяго. Подлинно великая хула, когда кто скажетъ о комъ либо изъ васъ: эта женщина стала скромнѣе, сдѣлавшись Христіанкою! Какъ! Не уже ли вы боитесь прослыть бѣднѣе, сдѣлавшись богаче, или показаться небрежнѣе, ставши почтеннѣе? Христіанинъ долженъ ли слѣдовать правиламъ языческимъ, или правиламъ Божіимъ?

XII. Намъ должно опасаться, чтобы не подать справедливѣйшаго предлога къ хулѣ. Дѣйствительно можетъ ли что быть соблазнительнѣе, какъ видѣть христіанскихъ женъ, которыя, нося званіе священныхъ хранительницъ чистоты, являются публично разодѣтыми и разрумяненными подобно блудницамъ? Какое тогда будетъ различіе между вами и сими не-

счастными жертвами нечистоты? Строгость законовъ отдѣляла ихъ прежде отъ замужнихъ женщинъ, и запрещала имъ носить наряды знатныхъ особъ; но нынѣ своевольство вѣка сего, усиливаясь вседневно, равняетъ сихъ мерзавицъ съ знаменитѣйшими дамами, такъ что нельзя уже и распознать однѣхъ отъ другихъ. Священное Писаніе вразумляетъ насъ, что наряды и раскрашиваніе лица знаменуютъ любодѣяніе тѣла. Господь, наименовавъ *великую любодѣицу, сѣдящую на водахъ многихъ*, даетъ ей и одѣяніе, сообразное съ ея именемъ: *и бѣ жена*, сказано, *облечена въ порфиру и въ червленицу* (Апок. XVII, 2—4): одѣяніе подлинно проклятое; безъ чего не была бы она и названа мерзкою любодѣйцею. *Іуда*, сынъ Іаковль, увидѣвши *Ѳамарь, сидящую предъ враты Енаи, облеченную въ ризу лѣтнюю и украшенную* (Быт. XXXVIII, 14), не смотря на то, что лице ея было подъ покрываломъ, тотчасъ догадался, что она блудница: по качеству одѣянія узналъ онъ, какое ея занятіе. Опытъ вскорѣ показалъ ему, что онъ не ошибся. Все сіе насъ убѣждаетъ въ томъ, что мы всячески должны стараться не подавать своею внѣшностію повода къ дурному заключенію о нашей добродѣтели. Къ чему послужитъ непорочность души, подозрѣваемая другими? За чѣмъ доставлять другимъ предлоги къ преступническому пожеланію того, чѣмъ сами мы гнушаемся? Почему одежда наша не должна быть свидѣтельствомъ нашихъ нравовъ, дабы отнять у безстыдства всякой поводъ къ очерненію души? Позволено казаться цѣломудреннымъ, но запрещено казаться безстыднымъ.

XIII. Иная изъ васъ можетъ быть скажетъ мнѣ: я не имѣю нужды въ одобреніи людей, свидѣтельство ихъ мало меня безпокоитъ, Богъ видитъ сердце мое, Онъ одинъ мой судія.—Пусть и такъ; но вспомнимъ,

что говоритъ на сей счетъ Апостолъ: *кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ* (Филип. IV, 5). На какой конецъ? Не на тотъ ли, чтобы злоба не могла найти ничего противнаго въ нашемъ поведеніи, и чтобы добрый нашъ примѣръ служилъ злымъ людямъ какъ бы укоризною? Какой также смыслъ заключается въ сихъ словахъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла* (Мат. V, 16). Для чего Іисусъ-Христосъ называетъ насъ свѣтомъ міра? Для чего сравниваетъ онъ насъ съ *градомъ, иже не можетъ укрытися верху горы стоя?* Не для того ли, чтобы мы просвѣщали людей, находящихся во тьмѣ, и возвышались надъ людьми, погруженными въ пороки? Да и въ самомъ дѣлѣ когда вы будете ставить свѣтильникъ подъ сосудомъ: то всякой будетъ имѣть право обвинять васъ въ преступномъ небреженіи, потому что вы какъ бы гасите сей свѣтильникъ.

Свѣтильниками міра мы становимся отъ добрыхъ нашихъ дѣлъ, дѣла же сіи, когда онѣ истинно хороши, не любятъ мрака: онѣ должны быть обнаруженными, и приличіе требуетъ, чтобы другіе ихъ знали и видѣли. Посему для Христіанина не довольно быть цѣломудреннымъ: надобно ему такимъ и казаться. Чистота сія, если смѣю сказать, такъ должна быть изобильна, чтобъ изъ сердца изливалась на платье, и изъ внутренности орошала всю особу. Она такимъ образомъ оградитъ цитадель внутренности надежными укрѣпленіями внѣшности, и съ большею безопасностію сохранитъ вѣрность, подобающую Богу. Надлежитъ совершенно отказаться отъ всякой нѣги, обезсиливающей строгую добродѣтель.

Впрочемъ я не знаю, въ состояніи ли руки, привыкшія къ запястьямъ, поднять тяжесть оковъ. Сомнѣваюсь, чтобы ноги, столь часто носившія шелковыя

подвязки, могли перенесть боль отъ веревочнаго вязанія ихъ. Боюсь, чтобы голова, покрытая изумрудами и бриллiантами, не отступила подло отъ меча, которымъ мы ежечасно угрожаемся. А потому, вѣрныя служительницы Iисуса-Христа, привыкайте къ самотруднѣйшимъ вещамъ, и вы не ощутите ихъ при случаѣ. Откажитесь отъ удовольствiй и нарядовъ, и вы не пожалѣете о нихъ нѣкогда. Будьте всегда готовы переносить жесточайшiе удары, и не имѣйте ничего такого, съ чѣмъ тяжело бы было вамъ растаться. Всѣ блага мiра сего не иное что суть, какъ цѣпи, задерживающiя полетъ нашей надежды. Отвергнемъ всѣ сiи земныя украшенiя, если хотимъ блистать на небесахъ.

Остерегайтесь любить пагубное золото, которымъ запечатлѣно главное преступленiе Израильтянъ (Исх. XXXII, 2—6). Вамъ должно ненавидѣть то, что погубило Iудеевъ, заставивъ ихъ оставить Бога для поклоненiя творенiю рукъ своихъ. Впрочемъ время Христiанъ всегда, и особенно нынѣ, есть вѣкъ желѣзный, а не золотый. Намъ готовятся мантiи мученичества: Ангелы насъ въ нихъ какъ бы уже облекаютъ. Предстаньте же предъ нихъ, отличаясь красою и прiятствами Апостоловъ. Простота и цѣломудрiе да будутъ единственнымъ вашимъ убранствомъ. Начертите на глазахъ своихъ смиренную скромность, происходящую отъ благоустроенной внутренности. Привяжите слово Божiе къ ушамъ, а иго Христово къ шеѣ своей. Покаряйтесь мужьямъ: сего довольно для вашего украшенiя. Занимайте руки свои прядешемъ, и удерживайте ваши ноги въ кругу домовъ вашихъ: ноги ваши отъ того сдѣлаются болѣе красивы, чѣмъ отъ избытка золота. Исполняйтесь радостiю мудрости, святости и чистоты. Если вы такъ себя изукрасите: то самъ Богъ будетъ вашимъ вѣрнымъ и вѣчнымъ подружiемъ.

СТАТЬЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПОСЛАНІЕ КЪ МУЧЕНИКАМЪ (*).

I. Достойные исповѣдники Іисуса-Христа, предназначенные на мученіе! Въ то время, какъ Церковь, общая наша матерь и владычица, занимается доставленіемъ вамъ пищи, въ которой имѣете вы нужду для поддержанія тѣла своего, въ то время, какъ братья ваши посѣщаютъ васъ въ темницѣ для принесенія вамъ части плода отъ посильныхъ своихъ трудовъ, позвольте, чтобъ я съ другой стороны споспѣшествовалъ вамъ, чѣмъ могу, къ облегченію вашей души; ибо вамъ извѣстно, что человѣкъ напрасно питаетъ плоть свою, когда нѣтъ пищи духу его, и если онъ печется о тѣлесныхъ немощахъ, то тѣмъ паче долженъ заботиться о болѣзняхъ душевныхъ, которыя гораздо опаснѣе тѣлесныхъ. Но кто я, чтобы смѣть мнѣ давать вамъ поученія! Припомните однакожъ, что гладіаторы иногда возбуждаются къ мужеству нетолько начальниками и руководителями своими, но и посторонними нисколько неискусными людьми: народъ издали ихъ ободряетъ, и каковъ онъ ни есть, но часто голосъ его бываетъ дѣйствительнѣе, нежели голосъ знатоковъ искусства.

II такъ прежде всего подумайте о томъ, чтобы *не оскорбить Духа Святаго Божія* (Ефес. IV, 30), со-

(*) Писана въ 217 году по Р. Х.

провождавшаго васъ въ темницу, въ которую не были бы вы и заключены, еслибы Онъ не вошелъ туда вмѣстѣ съ вами. Поступайте такъ, чтобъ Онъ съ вами всегда пребывалъ, и чтобъ изъ сего печальнаго мѣста привелъ Онъ васъ во славу Божію. Я знаю, что темница бываетъ часто крѣпостію діавола, въ которую ввергаются обыкновенно рабы его; но вы, священные Атлеты, вошли въ нее единственно для того, чтобы восторжествовать надъ симъ гордымъ врагомъ въ самой его крѣпости, хотя вы терзали его уже и въ другихъ мѣстахъ. Да не похвалится онъ тѣмъ, что вы у него въ когтяхъ, что онъ изнуритъ васъ голодомъ, скукою, взаимными несогласіями; да убѣжитъ онъ отъ васъ, да сокроется въ глубокихъ и срамныхъ пещерахъ, и да пресмыкается тамъ, какъ ядовитая змѣя, изгнанная посредствомъ волхвованія. Да не будетъ онъ столько счастливъ, чтобы сражаться съ вами и побѣдить васъ у себя дома: да обрящетъ васъ во всякое время готовыми и вооруженными доспѣхами любви. Миръ вашъ составляетъ жестокую для него войну: миръ столь вожделѣнный и драгоцѣнный, что многіе вѣрующіе обыкли приходить въ темницы ваши молить васъ объ испрошеніи имъ мира сего для вступленія въ общеніе Церкви. Вамъ надобно сохранить между собою любовь сію и миръ сей, дабы могли вы сообщать ихъ другимъ.

Сердечно желаю, чтобы всякаго рода другія заботы ума сопровождали васъ только до темничныхъ дверей, равно какъ чтобъ и родственники ваши не провождали васъ далѣе. Тутъ разлучились вы съ міромъ: не жалѣйте, что съ нимъ распрощались. Зная, что міръ самъ по себѣ есть истинная темница, вы уразумѣете, что вы какъ бы вышли изъ темницы своей, а не вошли въ нее. Дѣйствительно: темна ли

темница ваша? Міръ еще болѣе покрытъ густымъ мракомъ, ослѣпляющимъ умъ. Находитесь ли вы въ оковахъ? Міръ носитъ тягчайшія цѣпи, изнуряющія душу. Заразительно ли жилище ваше? Міръ преисполненъ вредныхъ испареній, несравненно несноснѣйшихъ: это соблазны и распутства сладострастія. Сравнены ли вы съ преступниками? Міръ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе виновныхъ, я хочу сказать, весь родъ человѣческій. Зависитъ ли жизнь ваша отъ Проконсула, угрожающаго вамъ своимъ приговоромъ? Міръ долженъ одержимъ быть бо̀льшимъ страхомъ во ожиданіи страшнаго суда Божія.

II. Согласитесь же, знаменитые исповѣдники, что вы перешли только изъ темницы въ убѣжище. Признаюсь, что жилище ваше мрачно; но сами вы свѣтъ живый. Вы связаны путами; но вы свободны въ Богѣ. Вы дышете заразительнымъ воздухомъ; но предъ Богомъ вы воня благоуханія. Вы ожидаете приговора судіи; но придетъ время, когда вы судить будете самыхъ судей вашихъ. Да предаются печали другіе люди, воздыхающіе объ услажденіяхъ вѣка сего. Христіанинъ отрекся отъ міра сего, прежде нежели вышелъ изъ него; но въ темницѣ долженъ онъ отречься и отъ того, что только можетъ усладить горечь ея. Въ какомъ бы мѣстѣ міра сего вы ни находились, до того дѣла нѣтъ: вы уже оставили міръ; и если вы лишились чрезъ то какого удовольствія въ жизни: то какой выгодный сдѣлали вы торгъ, промѣнявъ малое на великое? Но не станемъ теперь говорить о наградахъ, обѣщанныхъ Богомъ мученикамъ.

Продлимъ сравненіе жилища міра съ жилищемъ темницы, и посмотримъ, выигрываетъ ли душа въ семъ послѣднемъ болѣе, нежели сколько тѣло можетъ потерять въ немъ. Скажемъ лучше еще: тѣло тутъ

ничего не теряетъ: оно находитъ все нужное посредствомъ попеченія Церкви и любви вѣрующихъ, между тѣмъ какъ душа обрѣтаетъ всякую помощь, потребную для поддержанія вѣры. Тутъ по крайней мѣрѣ не видите вы идоловъ ложныхъ боговъ, не встрѣчаете ихъ изображеній, не обязаны присутствовать на празднествахъ язычниковъ, не заражаетесь святотатственными испареніями, не оглушаетесь безумными восклицаніями театра и цирка, не бываете свидѣтелями бѣшеной жестокости гладіатора и срамныхъ тѣлодвиженій комедіанта. Глаза ваши не обращаются на сіи проклятыя мѣста, посвященныя распутству: вы въ безопасности отъ соблазновъ, искушеній, дурныхъ помысловъ, и отъ самаго даже гоненія. Темница даетъ средства Христіанину находить въ ней тѣ же выгоды, какія пророки находили нѣкогда въ пустынѣ. Іисусъ-Христосъ не рѣдко искалъ уединенія, чтобъ имѣть болѣе свободы молиться и убѣгать отъ заботъ вѣка сего. Онъ явилъ ученикамъ и самую славу Свою также въ уединенномъ мѣстѣ (Мат. XVII.).

Перестанемъ же именовать темницею то мѣсто, гдѣ вы находитесь. Назовемъ его лучше убѣжищемъ. Хотя въ немъ тѣло ваше и заключено; но душа всегда свободна. Вы можете простираться тамъ духомъ своимъ такъ далеко, какъ пожелаете, представляя себѣ не мрачные ходы или длинные портики, но надежный путь, ведущій прямо къ Богу. Вы всегда будете находиться внѣ темницы, какъ скоро такимъ образомъ станете проходить сей божественный путь. Тѣло не чувствуетъ тягости оковъ своихъ, когда душа обрѣтается на небесахъ: она уноситъ съ собою всего человѣка, и переноситъ его туда, куда захочетъ. Впрочемъ *идѣже есть сердце ваше, ту будетъ и сокровище ваше* (Мат. VI, 21). Потщимся же поступать такъ,

чтобы сердце наше всегда находилось тамъ, гдѣ мы желаемъ обрѣсть истинное благо.

III. Пускай однакожъ темница и безпокойна будетъ для Христіанъ. Но развѣ мы не вербованы въ воинство Іисуса-Христа, съ тѣхъ поръ какъ крещеніе къ тому насъ удостоило? Воинъ же не долженъ ожидать, чтобы война производилась на поляхъ, исполненныхъ пріятностей. Чтобы вступить въ сраженіе, ему надобно не съ мягкой и покойной постели вставать, но выходить изъ лагеря, гдѣ жесткость земли, суровость воздуха и грубость пищи пріучили уже тѣло его къ трудамъ. Во время даже мира, воины занимаются военными экзерциціями. Они ходятъ не иначе, какъ покрытые оружіемъ; бѣгаютъ, показывая видъ, что атакуютъ непріятеля; производятъ окопы; дѣлаютъ приступы; покрываются потомъ и пылью при сихъ занятіяхъ, чтобы пріучить тѣло къ усталости, и одушевиться мужествомъ. Они легко переходятъ изъ тѣни на солнце, изъ хорошаго времени на дождливое, изъ тишины на шумъ, изъ шума на тревогу: сбрасываютъ съ себя тунику, чтобы надѣть латы. — Такимъ образомъ, знаменитыя служительницы Іисуса-Христа (я обращаю рѣчь и къ вамъ), какъ бы жестоки ни казались вамъ неудобства темницы, но вы должны считать ихъ для себя какъ бы упражненіемъ для испытанія силъ тѣла и души вашей.

Какое счастливое сраженіе предстоитъ вамъ выдержать! Богъ будетъ вашимъ воздаятелемъ, а Духъ Святый руководителемъ. Вашими лаврами будетъ вѣнецъ безсмертный, вашею цѣною будетъ счастіе удостоиться быть согражданками Ангеловъ на небесахъ, прославленными во всѣ вѣки. Для того-то Іисусъ-Христосъ, божественный вашъ Учитель, и привелъ васъ на путь сей, помазавши васъ прежде Духомъ Сво-

имъ, и проведя передъ днемъ сраженія чрезъ сіи трудности для большаго подкрѣпленія мужества вашего. Такъ пріучаются часто Атлеты къ строжайшей дисциплинѣ, дабы тѣла ихъ воспріяли новыя силы. Ихъ заставляютъ соблюдать воздержаніе; имъ запрещаютъ употреблять нѣжное мясо и сладкое вино; ихъ тревожатъ, утомляютъ, мучатъ. Чѣмъ болѣе они укрѣпляются отъ сихъ испытаній, тѣмъ они бываютъ увѣреннѣе въ побѣдѣ. *Они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ*, какъ говоритъ Апостолъ (1. Кор. IX, 25). Мы же Христіане, ожидая вѣнца неистлѣннаго, должны почитать темницу за такое мѣсто ристанія, откуда надобно намъ устремляться въ бѣгъ и являть знаки своего мужества, чтобы со славою предстать суду Божію. Вообще добродѣтель поддерживается трудомъ, а нѣгою разслабляется.

IV. Господь поучаетъ насъ, что *духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41). Тутъ не надобно намъ обольщать себя. Плоть немощна, говоритъ Самъ Богъ. Объявляя же, что духъ бодръ, Онъ даетъ намъ знать, кто кому долженъ покоряться. Плоть должна повиноваться духу, слабѣйшая сильнѣйшему, дабы укрѣпиться. Пусть духъ и тѣло поддерживаютъ себя взаимно для своего спасенія, пусть съ одинакою неустрашимостію взираютъ не только на неудобства темницы, но и на жестокость сраженія. Плоть конечно будетъ страшиться острія меча, попошенія креста, свирѣпства дикихъ звѣрей, песносной муки отъ огня, и всего того, что варварство палача можетъ придумать ужаснѣйшаго въ казняхъ; но духъ да поспѣшитъ къ ней на помощь, и да воодушевитъ ее тѣмъ, что всѣ сіи вещи, какъ бы онѣ ни казались жестокими, были терпѣливо переносимы и даже желаемы людьми, имѣвшими въ виду одну только честь и тщеславіе. Таковы были

не только мужчины, но и жены, которымъ вы, любезныя сестры мои во Христѣ, не должны уступать въ мужествѣ.

Я много бы распространился, если бы сталъ въ подробности исчислять людей, которые, слѣдуя чувствамъ мнимаго великодушія, подвергали себя добровольно смерти. *Муцій* сожигаетъ руку свою на жертвенникѣ, чтобы заставить о себѣ говорить. *Регулъ*, Римскій вождь, бывши взятъ въ плѣнъ Карѳагенцами, чтобы только не нарушить правъ своего отечества, предпочитаетъ лучше быть запертымъ въ нѣкоторый родъ ящика, въ которомъ многократно пронзается остріемъ меча, и терпитъ столько смертей, сколько получаетъ ранъ. Философъ (*Гераклитъ*) бросается дерзновенно въ огонь. Другой философъ (*Эмпедоклъ*) ввергается въ жерло горы Этны. Недавно нѣкто *Перегринъ* кончилъ дни свои на пылающемъ кострѣ. Но не одни философы, женщины также оказывали презрѣніе къ мечу и огню. *Лукреція* для поправленія поруганной чести своей пронзаетъ себя мечемъ насквозь въ присутствіи своихъ родственниковъ. *Дидона*, принуждаемая противъ воли вступить во вторый бракъ по смерти любезнаго своего супруга, кладетъ себя во гробъ на кострѣ. Жена *Аздрубалова*, видя мужа своего во власти *Сципіона* и весь Карѳагенъ въ огнѣ, рѣшается съ дѣтьми своими предаться пламени, пожирающему отечество ея, дабы избѣжать стыда, угрожающаго *Аздрубалу* просить пощады отъ врага его. Полъ сей, какъ ни слабъ, иногда издѣвался надъ свирѣпствомъ такихъ животныхъ, которыя ужаснѣе медвѣдя и льва. Знаменитая *Клеопатра* согласилась лучше умереть отъ уязвленія аспида, нежели подвергнуться власти *Августа*.

Вы можете сказать, если угодно, что страхъ смерти дѣлаетъ менѣе впечатлѣнія, нежели страхъ мученій. Но развѣ не извѣстно вамъ, съ какою не-

устрашимостію поступила одна Аѳинянка, обвиненная въ знаніи сдѣланнаго втайнѣ заговора? Тщетно подвергали ее самымъ жестокимъ наказаніямъ: она не только не открыла заговорщиковъ, но откусивши зубами языкъ, выплюнула его въ глаза своему судіѣ, какъ бы хотѣла сказать, что сколько бы онъ ее ни мучилъ, но не заставитъ ее говорить. Вы знаете также, какія бичеванія происходятъ и нынѣ у Лакедемонянъ: это какъ бы жертва, на которую обрекаются у нихъ молодые люди. Они бичуютъ себя до крови въ присутствіи всѣхъ своихъ родныхъ, которые поощряютъ и увѣщаваютъ ихъ терпѣть мужественно до конца. Они вмѣняютъ себѣ въ славу скорѣе умереть отъ мученій, нежели не перенесть ихъ. Если же тщеславіе придаетъ столько силы и мужества, что люди дѣлаются способными презирать мечь, огонь, кресты, казни, свирѣпство звѣрей: то намъ нельзя не сознаться, что наши страданія довольно еще легки, когда мы сравнимъ съ ними славу и награду, обѣщанную намъ за нихъ на небесахъ. Увы! Мы такъ много подвизаемся за фальшивое золото: что же дѣлать намъ должно для пріобрѣтенія золота истиннаго? Кто откажется дать за настоящую вещь столько, сколько другіе платятъ за призракъ?

V. Прехожу въ молчаніи побужденія къ мірской славѣ. Люди, одержимые страстію или какою-то болѣзнію ума, считаютъ нынѣ за игрушку всякаго рода жестокости и бѣшенства, въ которыхъ упражняются. Сколько тупеядцевъ берутся изъ тщеславія за ремесло гладіатора? Желаніе прославиться заставляетъ ихъ выходить противъ свирѣпыхъ звѣрей, и они воображаютъ, что отъ того пріобрѣтутъ столько же отличныхъ знаковъ красоты, сколько получатъ угрызеній и ранъ на лицѣ. Другіе обязываются пробѣжать до-

вольно длинное пространство, имѣя на тѣлѣ горящую сорочку. Иные наконецъ проходятъ съ важностію сквозь тучу ременныхъ ударовъ, наносимыхъ на плеча ихъ безостановочно. — Не вотще, почтенные исповѣдники, Богъ попускаетъ въ мірѣ такіе примѣры мнимаго великодушія: они должны поощрять насъ въ нынѣшнемъ, и приводить въ смятеніе въ будущемъ вѣкѣ. Горе намъ, если любовь къ истинѣ не заставитъ насъ терпѣть болѣе для нашего спасенія, нежели сколько тщеславіе заставляетъ другихъ терпѣть для ихъ погибели!

VI. Но оставимъ въ сторонѣ сіи чудеса постоянства, производимыя однимъ честолюбіемъ. Взглянемъ лучше на печальное состояніе нашей природы, дабы посредствомъ вещей, обыкновенно случающихся вопреки ожиданія нашего, воодушевиться намъ выдержать сраженіе, въ которое можетъ быть вскорѣ должны мы будемъ вступить. Да и въ самомъ дѣлѣ сколько живыхъ иногда сгараетъ во время пожара? Сколько растерзано людей дикими звѣрьми въ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ? Сколько умерщвлено разбойниками, сколько повѣшено на крестѣ непріятелемъ послѣ множества претерпѣнныхъ оскорбленій, мученій и терзаній? Сколько ежедневно видимъ мы людей, которые изъ любви къ человѣку охотно переносятъ то, что мы затрудняемся переносить изъ любви къ Богу? Настоящее время служитъ тому торжественнымъ свидѣтельствомъ. Сколько особъ, и особъ знатнѣйшаго рода, погибаетъ такою смертію, какой не должны бы онѣ подвергаться ни по своей знаменитости, ни по своему достоинству, ни по своему возрасту, ни по преимуществамъ тѣла своего? И все сіе претерпѣваютъ онѣ для человѣка. Онъ казнитъ ихъ, если примутъ онѣ сторону его противниковъ; если же пристанутъ къ нему, то противники его предаютъ ихъ гибели.

СТАТЬЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖЕНѢ (*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Любезная подруга моя въ служеніи Господу! Я призналъ полезнымъ помыслить о томъ, что ты должна дѣлать въ случаѣ, если оставлю я міръ сей прежде тебя. Завѣщаваю тебѣ совѣты мои, и приглашаю тебя имъ послѣдовать. Мы всегда довольно занимаемся временными нашими благами, и не пропускаемъ дѣлать завѣщаній объ отказѣ ихъ въ пользу тѣхъ, кого любимъ. Не лучше ли же позаботиться намъ объ устройствѣ духовнаго благосостоянія нашего потомства, и преподать ему сверхъ добрыхъ примѣровъ добрые совѣты для пріобрѣтенія наслѣдія царствія небеснаго? Сердечно желая, чтобы ты воспользовалась моими увѣщаніями, молю о томъ Бога моего, Которому да будетъ честь, слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ.

Я начинаю съ того, что предлагаю тебѣ по мѣрѣ возможности твоей не вступать во вторый бракъ. Не думай, что бы совѣтъ сей происходилъ отъ моего эгоизма. Мнѣ отъ того иной выгоды нѣтъ, какъ только упрочить собственное твое счастіе, потому что воскре-

(*) Писана въ 203 году по Р. Х.

сеніе не даетъ намъ права ожидать въ будущемъ вѣкѣ вторичнаго соединенія супруговъ, которые *ни женятся ни посягаютъ, но якоже Ангели Божіи на небеси суть* (Мат. XXII, 30), какъ то Самъ Господь засвидѣтельствовалъ, отвѣтствуя Саддукеямъ на вопросъ ихъ: кому принадлежать будетъ жена, бывшая въ замужствѣ за семью братьями? Въ день судный ни одинъ изъ сихъ мужей не оскорбится тѣмъ, ни одинъ не упрекнетъ ее за то. А потому не полагай, чтобы совѣтовалъ я тебѣ остаться вдовою изъ желанія сохранить для себя тѣло твое въ непорочности. Никакое постыдное удовольствіе не возродится тогда для насъ: не такое суетное блаженство обѣщалъ Господь служителямъ Своимъ. Я только хочу показать, что совѣты мои не могутъ не быть полезны какъ тебѣ такъ и другимъ женамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

II. Мы весьма далеки отъ того, чтобъ осуждать союзъ мужа и жены, союзъ, благословенный Богомъ и необходимый для сохраненія рода человѣческаго и для населенія міра во времени, лишь бы только союзъ сей освящаемъ былъ единожды. *Адамъ* былъ однимъ мужемъ *Евы*, и *Ева* была одною женою *Адама*, потому что Богъ одну ее извлекъ изъ ребра его. Знаю, что патріархи имѣли по нѣскольку женъ, имѣли также и наложницъ. Но хотя синагога и была прообразованіемъ нашей Церкви; однакожъ много вещей заключалось въ ней повелѣнныхъ или по крайней мѣрѣ позволенныхъ такихъ, которыя долженствовали быть отмѣнены новымъ закономъ. Новый законъ былъ ожидаемъ потому именно, что старый былъ не совершенъ. Слово Божіе должно было прійти, чтобъ облечь насъ въ духовное обрѣзаніе. Такимъ образомъ попущенія и самые пропуски перваго откровенія показывали, что надлежало усовершить законъ, и сіе

исполнено Господомъ нашимъ въ Евангеліи и Апостоломъ Его въ посланіяхъ, гдѣ отмѣнено все излишнее и объяснено все запутанное.

III. Если я говорю о свободѣ древнихъ временъ и о послѣдовавшемъ за тѣмъ исправленіи: то изъ сего не должно заключать, якобы Христосъ пришелъ для того, чтобы разлучить супруговъ и разрушить брачный союзъ, какъ будто бы со времени Его пришествія всякое супружество было беззаконно. Утверждать сіе могутъ только еретики, которые между прочими заблужденіями полагаютъ, что надобно разлучать совокупившихся въ плоть едину, и чрезъ то возстаютъ противъ Того, кто извлекши изъ мужа вещество для созданія жены, вселилъ въ того и въ другую желаніе соединиться бракомъ. Нигдѣ не читаемъ мы, что бы бракъ былъ запрещенъ, потому что онъ самъ по себѣ есть благо. Апостолъ научаетъ насъ только тому, что можетъ быть лучше брака. Позволяя его, онъ предпочитаетъ ему воздержаніе. Онъ позволяетъ бракъ по причинѣ ухищреній искусителя; но предпочитаетъ холостую жизнь, какъ состояніе чистѣйшее. Разсматривая его доводы, мы видимъ, что позволеніе жениться основывается собственно на необходимости. А какъ необходимость уменьшаетъ цѣну того, что узаконяется, то и сказано: *лучше женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. VII, 9). Спрашивается: подлинно ли хороша та вещь, которая предлагается потому только, что она предпочитается гораздо худшей вещи? Если лучше жениться, то это потому только, что разжизаться хуже. Во сколько кратъ было бы лучше и не жениться и не разжизаться? Во время гоненія лучше воспользоваться позволеніемъ Христовымъ бѣжать изъ города въ городъ (Мат. X, 23), нежели допустить взять себя и мучить, дабы потомъ отречься можетъ

быть отъ вѣры среди казней. Но бѣгство хорошо только въ сравненіи съ отступничествомъ. Отрицающіеся отъ вѣры теряютъ достоинство, пріобрѣтенное ими при исповѣданіи ея. Я могу даже сказать, что позволенное само по себѣ не хорошо, потому что позволеніе наводитъ сомнѣніе на счетъ качества дѣйствія. Позволеніе не дается на вещь, очевидно хорошую. Много такихъ вещей, которыхъ не должно искать потому, что онѣ не запрещены, особливо когда онѣ нѣкоторымъ образомъ осуждаются чрезъ предпочтеніе имъ другихъ вещей. Предпочитать холостую жизнь значитъ почти тоже, что порицать бракъ. Не говори, чтобъ дѣйствіе было хорошо потому только, что не дурно, ни чтобъ оно не было дурно, когда само по себѣ не вредно. Истинное добро, предпочитаемое всему сему, не только невредно, но и полезно. Мы должны положительно полезное предпочитать всему тому, что не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ того только, что бываетъ невредно: первое выводитъ тебя на сраженіе, а послѣднее доставитъ тебѣ можетъ быть покой, но не побѣду. Забудемъ послѣднія слова Апостола, и станемъ помнить только первыя, если хотимъ лучшаго. Если онъ и не вмѣняетъ ихъ намъ въ обязанность, то по крайней мѣрѣ показываетъ видъ того, говоря: *не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви* тѣломъ и душею; *а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (1 Кор. VII, 32 и 33). Нигдѣ не говоритъ онъ о бракѣ безъ прибавленія, что онъ желалъ бы, *да вси человѣцы будутъ якоже и онъ*, оставаясь въ холостомъ состояніи. Счастливъ тотъ, кто послѣдуетъ его примѣру!

IV. Мы читаемъ въ Евангеліи, что *плоть немощна*, и покоряемся своимъ желаніямъ; но тамъ же сказано, что *духъ бодръ*. То и другое заключается въ

одной фразѣ: *духъ бодръ, плоть же немощна*, говоритъ Спаситель (Мат. XXVI, 41). Плоть земляная и матеріальная; а духъ имѣетъ происхожденіе небесное. За чѣмъ стараемся мы себя извинить, защищаясь тѣмъ, что въ насъ есть слабаго, вмѣсто того, чтобъ опираться на то, что въ насъ есть крѣпкаго? За чѣмъ не заставляемъ мы земляную свою часть покоряться небесной? Если духъ бодръ, а бодръ онъ потому, что происхожденія благороднѣйшаго: то вина бываетъ наша, когда мы увлекаемся плотію, слабѣйшею своею частію, долженствующею не властвовать, а покоряться. Двѣ главныя человѣческія слабости дѣлаютъ бракъ необходимымъ для тѣхъ, кто еще не женатъ: первая, самая увлекательная, похоть плоти, а потомъ похоть міра. Похоть плоти ведетъ тяжбу за нужды природы; ищетъ жатвы славы; питается своимъ позоромъ; предполагаетъ, что мужъ надобенъ для жены, дабы ей покровительствовать, утѣшать ее и ограждать отъ всякихъ непріятностей. Когда ты услышишь отъ кого подобные доводы: то приведи ему въ примѣръ нашихъ сестеръ, которыя, уневѣстившись Господу, поставляютъ дѣвство свое превыше сихъ доводовъ и святость превыше брака. Онѣ сдѣлали выборъ свой, стали супругами и дщерями Бога своего; живутъ и бесѣдуютъ съ Нимъ; не оставляютъ Его ни днемъ ни ночью; принесши Ему въ приданое молитвы свои, онѣ ожидаютъ отъ Него въ брачный подарокъ благодати и милостей, которыхъ всегда и удостоиваются. Онѣ избрали благую часть, и отказавшись отъ замужства на землѣ, считаются уже въ семействѣ Ангеловъ. Да поселитъ въ тебя примѣръ сей соревнованіе, и да укрѣпитъ тебя въ воздержаніи; да поглотится всякая плотская похоть въ любви божественной: за сіи временныя и преходящія пожеланія ты получишь вознагражденіе небесное,

безконечное. Съ другой стороны похоть міра сего имѣетъ источникомъ своимъ суетную славу, сребролюбіе, честолюбіе, житейскіе недостатки: вотъ что, повидимому, дѣлаетъ часто бракъ необходимымъ. Отлагаютъ въ сторону вещи небесныя, хотятъ быть госпожами чужаго дома, наслаждаться богатствами мужа, пользоваться превосходствомъ своимъ, чтобы привлекать къ себѣ уваженіе не по собственнымъ заслугамъ. Да будутъ всѣ сіи мысли далеки отъ вѣрующихъ! Они не должны пещись о своей будущности, развѣ когда къ несчастію не довѣряютъ обѣтамъ провидѣнія Божія, которое *одѣваетъ крины сельные, питаетъ птицъ небесныхъ*, не велитъ *пещись на утрей; вѣстъ бо Отецъ небесный, яко требуютъ служители Его всѣхъ сихъ* (Мат. VI, 26—34). Правда, что Богъ не даетъ имъ ни тяжелыхъ золотыхъ ожерельевъ, ни пышныхъ и безпокойныхъ одеждъ, ни Гальскихъ рабовъ, ни Германскихъ носильщиковъ, ни всего того, что вселяетъ въ дѣвицъ такую охоту выходить замужъ; но Онъ доставляетъ имъ все нужное, а этого и довольно для благоприличія и умѣренности. Подумай основательно о томъ, что ты ни въ чемъ не будешь имѣть нужды, когда покоришься Господу, или лучше сказать ты всѣмъ будешь обладать, обладая Имъ. Вспомни о небесныхъ Его милостяхъ, и тебѣ покажется презрительнымъ все земное. Вдова, покоряющаяся волѣ Божіей, ни въ чемъ не имѣетъ надобности, кромѣ постоянства пребывать съ Богомъ неразлучно.

Есть люди, которые женятся для потомства, и побуждаются къ тому желаніемъ имѣть дѣтей, желаніемъ иногда весьма горькимъ. Мысль сія равномѣрно должна далека быть отъ Христіанина. За чѣмъ желать имѣть дѣтей, когда имѣя ихъ, хотимъ мы, чтобъ онѣ скоро оставили злочестивый вѣкъ сей для

полученія царствія небеснаго, подобно какъ Апостолъ самъ для себя того желалъ? Нужны ли дѣти для служителей Божіихъ, какъ будто бы недовольно было для нихъ бдѣть о собственомъ спасеніи? Они ищутъ такого бремени, которымъ тяготятся сами язычники, и котораго тѣмъ болѣе должны бояться, что оно подвергаетъ опасности самую вѣру. Для чего Господь сказалъ: *горе непраздным и доящимъ* (Мат. XXIV, 19)? Не для того ли, что въ день судный дѣти будутъ намъ можетъ быть въ великую тягость, которую должно приписать браку? Вдовы гораздо скорѣе откликнутся на зовъ трубы ангельской. Въ мірѣ семъ ничто не мѣшаетъ имъ подвергаться жестокости гоненія: онѣ не безпокоятся о дитяти, которое еще движется въ утробѣ, или которое колышется на ихъ рукахъ. Такимъ образомъ кто женится для плоти, для міра или для потомства, тотъ во всякомъ случаѣ ясно видитъ, что ни одно изъ сихъ побужденій не можетъ приличествовать Христіанину: по крайней мѣрѣ довольно одинъ разъ впасть въ одно изъ сихъ искушеній. Христіане женятся нынѣ каждый день, и впредь будутъ жениться, какъ вдругъ наступитъ великій день, который застигнетъ ихъ, какъ застигнуты были Содомъ и Гоморра. Вѣроятно жители сихъ богомерзкихъ городовъ занимались тогда не одною женитьбою и торговлею. Хотя же Писаніе и говоритъ; *женяхуся, куповаху и продаяху* (Лук. XVII, 28); но оно именуетъ тутъ только два главные порока вѣка сего, отвращающіе наиболѣе служителей Божіихъ отъ ихъ обязанностей: именуетъ похоть и сребролюбіе. Общее ослѣпленіе и развращеніе ихъ было причиною ихъ гибели. Что же послѣдуетъ, когда мы Христіане станемъ предаваться страстямъ, которыми Господь гнушается? *Время прекращено*

есть, сказано (1 Кор. VII, 29). Остается *женатымъ* быть, какъ *не имущимъ женъ* (тамъ же).

VI. Когда женатые люди должны быть какъ бы не имущими женъ: то тѣмъ паче холостые не должны искать супружества. Вдова, лишившись мужа, равнымъ образомъ должна пещись только о томъ, какъ бы умѣрить свои страсти, и не вступать во вторый бракъ: чего держатся и жены язычниковъ, когда потеряютъ любимаго ими мужа. Если намъ кажется что либо труднымъ: то всегда надобно смотрѣть на того, кто дѣлаетъ еще труднѣйшія вещи. Сколько людей послѣ крещенія посвятили плоть свою цѣломудрію? Сколько Христіанъ развелись между собою тѣломъ съ общаго согласія? Сколько сихъ добровольныхъ скопцевъ осудили себя на воздержаніе и безъ развода? Не легче ли же бываетъ воздержаніе, когда смерть разрѣшаетъ бракъ? Я по крайней мѣрѣ думаю, что гораздо труднѣе отказаться отъ правъ существующей связи, нежели утѣшиться по смерти того, кто уже не существуетъ. Станемъ ли мы считать тяжкимъ и труднымъ воздержаніе Христіанской жены въ то время, какъ самые язычники посвящаютъ сатанѣ свое вдовство и дѣвство? Въ Римѣ жены, хранящія безпрерывный огонь на жертвенникѣ Весты, обязаны оставаться дѣвственницами подъ опасеніемъ жесточайшей смертной казни. Въ Эгіи мечется жребій для посвященія дѣвственницы Юнонѣ. Въ Дельфахъ безумная Пиѳонская прорицательница не знаетъ брака. Въ Африкѣ посвящаемыя Церерѣ вдовы становятся вдовами страннымъ образомъ: онѣ оставляютъ ложе живыхъ своихъ мужей, и кладутъ на мѣсто свое другихъ женъ, а сами не только воздерживаются отъ плотскаго союза, но не позволяютъ себѣ даже обнимать и цѣловать собственныхъ дѣтей; потомъ, доколѣ служатъ Церерѣ,

остаются въ семъ состояніи притворнаго вдовства, не имѣя никакихъ утѣшеній, доставляемыхъ намъ святою нашею Религіею. Вотъ что учредилъ діаволъ, и онъ находитъ людей, ему повинующихся. Ему хотѣлось бы привлечь къ себѣ же и служителей Божіихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что слуги его способны къ величайшимъ жертвамъ. Онъ умѣетъ губить людей и самыми ихъ добродѣтелями. Для него все равно убивать души посредствомъ ли похоти или посредствомъ воздержанія.

VII. Господь научаетъ насъ, что воздержаніе есть средство получить вѣчное спасеніе, есть свидѣтельство вѣры и наилучшее пріуготовленіе нашей плоти къ тому дню, когда она должна будетъ облечься въ нетлѣніе для исполненія послѣдней воли Божіей. Разсуди также, любезный другъ, что никто не можетъ оставить міра сего, если то Богу не угодно: даже листъ съ дерева не падетъ безъ Его дозволенія. Надобно непремѣнно, чтобы кто произвелъ насъ на свѣтъ, тотъ и извелъ насъ изъ него. И такъ если я умру прежде тебя по волѣ Божіей: то не иной кто, какъ Богъ разрушитъ бракъ твой. За чѣмъ же тебѣ возстановлять то, что Богъ разрушилъ? За чѣмъ отказываться тебѣ отъ дарованной тебѣ свободы, чтобы наложить на себя новыя оковы! Сказано: *привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія* (1 Кор. VII, 27). Но если ты выйдешь за-мужъ въ другой разъ, полагая, что это не грѣхъ: то будешь имѣть и скорбь плоти. О какъ надобно намъ любить воздержаніе? Воспользуемся же представившимся намъ случаемъ сохранить его, и поищемъ во вдовствѣ той чистоты, до которой мы не могли достигнуть во время брака; поспѣшимъ употребить во благо счастливое произшествіе, освобождающее насъ отъ печальныхъ обязанностей, которыя ну-

жда на насъ возлагала. Можно судить, какой вредъ вторый бракъ приноситъ святости, когда мы обратимъ вниманіе на уставъ Церкви и на постановленія Апостоловъ, которые избирали въ Епископы только *мужа единыя жены* (1 Тим. III, 2), и допускали къ священнослуженію только бывшихъ *единому мужу вдовицъ* (1 Тим. V, 9), дабы жертвенникъ Божій пребывалъ всегда чистъ и безгрѣшенъ. Сами язычники, движимые ревностію діавола, прославляютъ святость вдовства. Въ Римѣ запрещено распорядителю жертвъ, главному жрецу или первосвященнику, жениться два раза. Надобно, чтобы воздержаніе было весьма благопріятно Богу, потому что и самый врагъ Его пристрастенъ къ нему лицемѣрно, не изъ похвальнаго впрочемъ побужденія, но изъ одной злобы, дабы производить сверхъ-естественную смѣсь того, что пріятно Богу, съ тѣмъ, что Ему непріятно.

VIII. Господь Богъ устами одного изъ пророковъ Своихъ произнесъ слѣдующее слово, показывающее, сколь много Онъ уважаетъ вдовство: *судите сиру и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь* (Ис. I, 18). Стало быть Богъ принялъ подъ Свое покровительство сіи два безпомощныя состоянія, которыя тѣмъ дороже для божественнаго Его милосердія, чѣмъ болѣе презираются отъ людей. Ты видишь, что Онъ считаетъ какъ бы равнымъ Себѣ человѣка, имѣющаго попеченіе о вдовицѣ: вотъ какъ Онъ дорожитъ тою, которой объявилъ Себя ревностнымъ защитникомъ. Я думаю даже, что дѣвственницы не столько благопріятны Ему, хотя и предоставлено имъ видѣть вблизи Господа, когда чистота ихъ бываетъ ненарушима и святость неукоризненна. Это происходитъ отъ того, что состояніе вдовы есть самое трудное, потому что легко не желать того, что неиз-

вѣстно; а слѣдовательно легко и обойтись безъ того, чего кто не желаетъ. Воздержаніе вдовы имѣетъ болѣе заслуги, потому что она знаетъ, чего лишается. Дѣвственница счастливѣе, но вдова едва ли не достойнѣе: первая никогда не совращалась съ пути, а другая вновь на него вступаетъ: та вѣнчается благодатію, а сія мужествомъ и доблестію. Есть небесныя милости, исходящія отъ благости Божіей; есть и другія милости, заслуживаемыя отчасти собственными нашими усиліями. Богъ распредѣляетъ милости Свои по Своей волѣ. Человѣкъ, получающій нѣкоторыя изъ нихъ дѣлами своими, обязанъ тѣмъ собственной ревности. Старайся пріобрѣсть сперва воздержаніе, потомъ скромность, какъ подпору цѣломудрія, и наконецъ умѣренность и трезвость, которыя научатъ тебя пренебрегать мнимыми нуждами міра сего. Ищи общенія съ Богомъ, и помни слово, освященное изреченіемъ Апостола: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33).

IX. Жены лѣнивыя, болтливыя, пьянствующія, кокетствующія, составляютъ дурное общество, которое противится состоянію вдовства. Легкомысленные языки ихъ произносятъ слова, вредящія цѣломудрію; лѣность враждуетъ противъ достоинства; суета приводитъ къ распутству; пьянство есть мать всѣхъ пороковъ. Ни одна изъ женщинъ сего рода не одобритъ единобрачія, потому что онѣ изъ чрева своего сотворили себѣ бога. Вотъ что, возлюбленная моя подруга въ Богѣ, имѣлъ я въ виду предложить тебѣ. Я говорилъ отъ избытка сердца, руководствуясь наставленіями Апостола. Если придется мнѣ умереть: то я желалъ бы, чтобы ты обрѣла утѣшеніе въ чтеніи сихъ послѣднихъ моихъ совѣтовъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Въ первой части посланія моего, любезная моя подруга въ служеніи Богу, я старался объяснить, что приличествуетъ дѣлать святой женѣ, когда бракъ ея разрушится. Теперь намѣренъ я разсуждать о томъ же предметѣ въ отношеніи къ человѣческому непостоянству. Примѣромъ тому служатъ тѣ жены, которыя сдѣлавшись свободными по причинѣ развода съ своими мужьями или послѣ смерти ихъ, нетолько не пользуются представившимся имъ случаемъ остаться въ безбрачіи, но до того забываютъ законъ Божій, что и замужъ не выходятъ о Господѣ. Духъ мой находится въ смятеніи, и я боюсь, чтобы при всѣхъ данныхъ тебѣ моихъ совѣтахъ остаться вдовою, не показалось тебѣ, что опять наклоняю тебя вступить на скользкій путь втораго брака. Если ты умна: то конечно послѣдуешь таковымъ моимъ совѣтамъ, потому что они лучше всего. Но это трудно, и ты можешь встрѣтить многія къ тому препятствія; а какъ увѣщанія мои теперь будутъ окончательныя: то я рѣшился озаботиться, чтобы предъупредить на сей счетъ всѣ возможные случаи. Чѣмъ труднѣе и достохвальнѣе воздержаніе вдовы, тѣмъ извинительнѣе паденіе ея: мы охотно прощаемъ нарушеніе трудныхъ обязанностей. Но какъ всегда бываетъ, легко выйти за мужъ о Господѣ: то въ такомъ случаѣ вдова виновата, когда не дѣлаетъ того, а предается невоздержанію. Апостолъ совѣтуетъ вдовамъ не перемѣнять своего состоянія, говоря: *хощу да вси человѣцы будутъ, яко же и азъ* (1 Кор. VII, 7). Но въ отношеніи къ тому, чтобы выходить замужъ о Господѣ, онъ уже не совѣтуетъ, а повелѣваетъ, прибавляя единственно: *точію о Господѣ*. Когда мы не слѣдуемъ его совѣту, мы только подвергаемся опас-

ности, потому что легче пренебречь совѣтъ, нежели повелѣніе, такъ какъ совѣтъ зависитъ отъ нашего согласія: но когда онъ говоритъ во имя дарованной ему власти: то мы уже ослушиваться не должны. Въ первомъ случаѣ мы правда употребляемъ во зло свою свободу; но во второмъ оказываемъ явное ослушаніе.

II. Видя, что нѣкоторыя Христіанки вступаютъ въ бракъ съ язычниками внѣ Церкви, и вспоминая, что тоже происходило нѣсколько разъ и прежде насъ, я не могу не удивляться собственной ихъ дерзости и превратному уму ихъ совѣтниковъ, которые не открыли имъ, сколь противно поведеніе ихъ духу священнаго Писанія. Онѣ по моему мнѣнію вѣроятно ослѣпляются 7-ю главою перваго посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ сказано: *аще который братъ жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ; иначе бо чада ваша нечисты были бы* (12—15). Сіе увѣщаніе весьма неправильно понимается безбрачными людьми, если они думаютъ, что оно можетъ служить имъ поводомъ къ вступленію въ супружество съ невѣрными. Очевидно, что текстъ сей относится къ тѣмъ, которыхъ благодать Божія застала уже въ союзѣ съ невѣрными, какъ-то доказываютъ и самыя слова: *аще который братъ имать.* Апостолъ не говоритъ тутъ брать жену невѣрную: онъ только упоминаетъ, что кто изъ недавно обращенныхъ уже женатъ, тотъ долженъ оставаться съ женою, дабы новообращенные не подумали, что они обязаны разстаться съ женами, которыя нѣкоторымъ образомъ сдѣлались для нихъ чуждыми по вѣрованію. Для сего онъ выставляетъ и предлогъ своему поуче-

нію, присовокупляя: *въ миръ призва насъ Господь Богъ; что бо вѣси жено, аще мужа спасеши, или что вѣси мужу, аще жену спасеши* (15 и 16). Конецъ же увѣщанія еще болѣе утверждаетъ доводъ мой: *кійждо, яко же призванъ бысть Господемъ, тако да ходитъ* (17). Кто же суть призванные? Безъ сомнѣнія язычники, а не вѣрующіе. Если бы онъ говорилъ о тѣхъ, которые сдѣлались Христіанами прежде женитьбы: тогда онъ позволилъ бы симъ послѣднимъ вступать въ бракъ безъ разбора; но это было бы несообразно съ послѣдующими словами: *жена, аще умретъ мужъ ея, свободна есть, за него же хощетъ, посягнути, точію о Господѣ* (39). На счетъ смысла сихъ словъ нельзя кажется колебаться: чтобъ отнять всякое сомнѣніе и нерѣшимость, онъ не только сказалъ, что вдова *свободна, за кого хощетъ посягнути*, но во избѣжаніе всякаго злоупотребленія прибавилъ: *точію о Господѣ*, то есть, во имя Господа, или лучше сказать свободна посягнуть за Христіанина и по Христіанскому обряду. Такимъ образомъ сей святый Апостолъ, который желалъ, чтобы вдовы лучше оставались въ безбрачіи, и себя ставилъ имъ въ примѣръ, дозволилъ имъ вступать во вторый бракъ, но не иначе, какъ о Господѣ: это одно условіе, которое онъ возлагаетъ на нехотящихъ хранить воздержанія. *Точію о Господѣ*, говоритъ онъ. Слово *точію* придаетъ великую силу закону, и дѣлаетъ его совершенно обязательнымъ. Слово сіе повелѣваетъ и убѣждаетъ, приказываетъ и увѣщаваетъ, обязываетъ и угрожаетъ. Мнѣніе Апостола столь же ясно, какъ и строго; оно краснорѣчиво по своей краткости, какъ и всякое божественное слово, требующее неотложнаго повиновенія. Кто можетъ постигнуть, сколько предстоитъ вѣрѣ опасностей, предвидѣнныхъ Апостоломъ отъ запрещенныхъ имъ браковъ? Тутъ во первыхъ

представляется оскверненіе плоти Христіанина отъ прикосновенія съ плотію невѣрующаго. — Но, скажетъ иной, между женатымъ невѣрующимъ, вступающимъ въ Христіанство и между Христіаниномъ не женатымъ, можетъ ли быть такое различіе, чтобъ они остерегались тутъ оскверненія, чтобъ одному запрещалось вступать въ бракъ съ невѣрующею, а другому позволялось жить съ женою, которую онъ уже имѣетъ? — Съ помощію Духа Святаго отвѣтствую на сіе. Господь хочетъ, чтобы лучше бракъ не совершился, нежели чтобъ онъ былъ расторгнутъ. Онъ запрещаетъ разводъ, и позволяетъ его только *развѣ словесе прелюбодѣйна* (Мат. XIX, 9), хотя впрочемъ всегда одобряетъ воздержаніе. Такимъ образомъ одинъ обязывается оставаться съ женою, хотя бы она была и идолопоклонница; а другому не дано свободы жениться на идолопоклонницѣ. Какъ Писаніе гласитъ, что язычники, удостоенные благодати Божіей въ то время, какъ уже женаты, не только не оскверняются, пребывая въ союзѣ съ прежними женами, но еще могутъ и освящать ихъ: то изъ сего явствуетъ, что мужчины, которые освящены прежде брака, не могутъ освящать женъ идолопоклонницъ, на которыхъ послѣ женятся; ибо благодать Божія освящаетъ единственно тѣхъ изъ нихъ, которыя вышли за-мужъ прежде; чего же благодать не освящаетъ, то нечисто, а что нечисто, то не можетъ имѣть никакого отношенія къ Святымъ, которыхъ оно только оскверняетъ, и губитъ души ихъ.

III. И такъ Христіане, женящіеся на женахъ идолопоклонницахъ, не могутъ изъяты быть отъ обвиненія въ блудѣ, и, какъ любодѣйцы, должны быть исключены отъ общенія съ вѣрующими по слову Апостола, чтобы *съ таковыми ниже ясти* (1. Кор. V, 11).

Осмѣлимся ли мы представить на судъ Господу подобные брачные договоры? Назовемъ ли законнымъ бракъ, Имъ Самимъ запрещенный? Запрещенный союзъ не есть ли блудъ? Думаете ли вы, что храмъ Божій не оскверняется столько же отъ идолопоклонника, какъ и отъ членовъ Христовыхъ, совокупившихся съ членами невѣрующей блудницы? Мы себѣ не принадлежимъ: мы куплены, и какою цѣною? Цѣною крови Господа нашего. Оскверняя плоть свою, мы оскверняемъ Его Самаго: Богъ достаточно изъявилъ намъ волю Свою, запретивъ вступать въ бракъ съ чужою женою (Мат. XIX, 9), дабы не сдѣлать нечистою плоти, принадлежащей Христу. Каждый добровольный грѣхъ есть грѣхъ смертный предъ очами Божіими. Чѣмъ легче избѣжать его, тѣмъ преступнѣе имъ увлекаться.

Посмотримъ теперь, какія еще опасности предвидѣлъ отъ сего Апостолъ не только для плоти, но и для духа. Кто можетъ сомнѣваться, чтобъ ежедневное обращеніе съ невѣрующими не уменьшало постепенно въ насъ вѣры? Если злыя бесѣды развращаютъ добрые нравы (*тлятъ обычаи благи бесѣды злы*; 1. Кор. XV, 33): то чего не сдѣлаетъ искреннее обхожденіе и общеніе съ невѣрующими? Всякая Христіанка должна стараться нравиться Богу. Какъ же ей работать двумъ господинамъ, Богу и мужу своему, а особливо, когда сей послѣдній язычникъ? Стараясь нравиться идолопоклонству, она должна соображаться съ обычаями язычниковъ; должна пещись о своей красотѣ, о своемъ уборѣ, о своемъ туалетѣ; должна предаваться постыднымъ его ласкамъ, оскверняющимъ и самое брачное ложе. Сіи столь мало сходствующіе между собою супруги не станутъ возлагаемаго природою на оба пола долга выполнять съ тою умѣренностію и благоприли-

чіемъ, какъ Христіане, дѣйствующіе со страхомъ Божіимъ.

IV. Какъ мало подобный мужъ совмѣстенъ съ религіозными вашими обязанностями? Въ состояніи ли жена исполнять ихъ, когда будетъ имѣть подъ бокомъ служителя діавола, который за долгъ себѣ поставитъ мѣшать симъ обязанностямъ? Нужно ли явиться на стояніе? Мужъ назначитъ въ сіе время свиданіе въ банѣ. Придетъ ли день поста? Мужъ именно въ сей день пригласитъ друзей на пиршество. Случится ли крестный ходъ въ Церкви? Никогда столько заботъ и занятій не было въ идолопоклонствѣ. Какой мужъ идолопоклонникъ дозволитъ женѣ безпрепятственно посѣщать братьевъ, обходить деревни, навѣщать бѣдныхъ въ хижинахъ? Какой мужъ захочетъ разстаться съ женою ночью, чтобъ она пришла молиться съ братіею во время ночныхъ бдѣній? Стерпитъ ли онъ, чтобъ она проводила всю ночь въ Церкви въ праздникъ воскресенія Христова, и чтобъ она являлась пріобщаться святыхъ таинъ, которыми онъ пренебрегаетъ и гнушается? Будетъ ли онъ смотрѣть равнодушно, что она ходитъ въ темницы цѣловать оковы мучениковъ? И что скажетъ онъ, когда узнаетъ, что жена его должна давать братьямъ лобзаніе мира, должна подносить воду для омытія ногъ вѣрующихъ, раздѣлять съ ними хлѣбъ и вино во время вечери, проводить время въ созерцаніи и молитвѣ? Если придетъ путешественникъ изъ Христіанъ: то какое гостепріимство будетъ онъ имѣть въ домѣ язычника? Когда надобно будетъ дать бѣдному хлѣба: то не найдетъ ли жена невѣрующаго житницу свою запертою?

V. Но, скажетъ иной, есть и такіе язычники, которые не только не безпокоятъ Христіанъ, но ихъ поддерживаютъ и покровительствуютъ. — Тѣмъ хуже.

Язычникамъ не слѣдовало бы и знать о нашихъ добрыхъ дѣлахъ, которыя должны бы видѣть одни только вѣрующіе. Худо для насъ то, когда мы творимъ добрыя дѣла подъ ихъ покровительствомъ. Покровительствующій знаетъ, что мы дѣлаемъ; если же мы скрываемъ сіе отъ него на тотъ конецъ, чтобъ онъ намъ не покровительствовалъ: то мы его боимся. Богъ, повелѣвая намъ творить добро съ тѣмъ, чтобы другіе о томъ не знали, вмѣстѣ съ тѣмъ велитъ намъ творить его и съ тѣмъ, чтобы мы не покорялись язычникамъ. Стало быть жена въ томъ и другомъ случаѣ будетъ грѣшить, хотя бы мужъ зналъ о томъ, или хотя бы она, признавая власть его надъ собою, скрывала отъ него свои религіозныя занятія. *Не пометайте*, сказано, *бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими, и вращшеся расторгнутъ вы* (Мат. VII, 6). Бисеры ваши суть добрыя ваши дѣла: вотъ что надобно вамъ скрывать. Но чѣмъ болѣе вы скрывать ихъ будете, тѣмъ сильнѣйшее возбудите любопытство въ язычникахъ. Можешь ли ты укрыться, когда крестишь постель или тѣло свое, или же когда плюешь на нечистыя вещи? Если ты встанешь ночью, чтобы помолиться, не будетъ ли мужъ твой подозрѣвать тебя въ магіи? Не замѣтитъ ли онъ, что ты какъ будто нѣчто втайнѣ отвѣдываешь прежде ужина (*)? И когда узнаетъ, что это не иное что, какъ хлѣбъ: то что онъ въ состояніи подумать на твой счетъ въ своемъ невѣжествѣ? Не будетъ ли онъ жаловаться на всѣ подобныя тайны? Можетъ быть даже онъ подозрѣвать тебя станетъ, что ты хочешь его отравить.—Они поддер-

(*) Изъ сего обстоятельства можно заключить, что Христіанамъ въ древности отпускались святыя дары на домъ, съ тѣмъ чтобъ они употребляли часть ихъ предъ обѣдомъ и передъ ужиномъ въ знакъ нѣкотораго какъ бы освященія пищи.

живаютъ и покровительствуютъ! Да! Они покровительствуютъ на тотъ конецъ, чтобы потомъ попрать ногами, чтобы послѣ насмѣяться надъ женами, которыхъ тайну хранятъ они для того только, чтобы пользоваться ею противъ нихъ же, когда онѣ будутъ имѣть несчастіе имъ не понравиться. Да! они покровительствуютъ на тотъ конецъ, что бы получить ихъ приданое, одно уважительное обстоятельство, которое заставляетъ ихъ забывать имя Христіанина, и побуждаетъ ихъ хранить молчаніе, доколѣ они не захотятъ овладѣть богатствомъ, предавъ женъ своихъ суду или шпіонамъ. Вотъ чему многія женщины не хотѣли вѣрить, пока не дознали того печальнымъ и пагубнымъ опытомъ: вотъ что вовлекло не одну Христіанку въ отступничество.

VI. Служительница Господня должна жить посреди боговъ ларовъ, присутствовать при праздникахъ и торжествахъ идоловъ, глотать дымъ ароматовъ въ началѣ года и въ первый день каждаго мѣсяца. Она выходитъ изъ дому дверьми, украшенными лаврами и свѣтильниками, какъ бы выходила изъ вертепа разврата. Лежа безпрерывно за столомъ съ мужемъ и съ пирующими друзьями его, не прилѣпится ли она къ ихъ мнѣніямъ? Ей надобно будетъ служить нечестивымъ, тогда какъ она служила прежде однимъ только Святымъ. Не возчувствуетъ ли она осужденія своего, служа такимъ образомъ тѣмъ, кого нѣкогда должна будетъ судить сама? Слыша пѣніе своего мужа, что она услышитъ? Да и сама она что станетъ пѣть передъ нимъ? Вѣроятно какіе нибудь стихи изъ комедіи, или въ честь пьянству пѣсню, выученную ею въ питейномъ или игорномъ домѣ. Осмѣлится ли она произнесть имя Бога, воззвать къ Іисусу-Христу? Куда дѣнется пища духовная, укрѣпляющая вѣру тѣхъ су-

пруговъ, которыхъ досуги посвящаются благочестивому чтенію, вообще ими дѣлаемому? Подобные разномыслящіе супруги станутъ ли благословлять другъ друга во имя Божіе? Нѣтъ! Для женщины въ семъ положеніи все бываетъ чуждо, враждебно, все подвергаетъ ее осужденію, все стремится удалить ее отъ пути спасенія.

VII. Всѣ сіи несчастія могутъ случиться и съ тѣми, которыя находятся уже въ замужствѣ, когда благодать Божія благоволитъ ихъ привлечь къ себѣ; но тогда онѣ освящаются повелѣніемъ Божіимъ не разлучаться съ мужьями въ надеждѣ обратить ихъ къ вѣрѣ. Если же Богъ одобряетъ продолженіе подобнаго союза: то не должны ли мы уповать, что въ семъ случаѣ Самъ Онъ не преминетъ покровительствовать женѣ, Ему повинующейся, и изыметъ ее изъ многихъ опасностей и гоненій, происходящихъ почти неизбѣжно отъ столь скользкаго положенія? Жена, удостоившаяся добродѣтелями своими пріобрѣсть благодать Божію, вѣроятно внушитъ мужу идолопоклоннику столько уваженія къ себѣ, что не будетъ бояться найти въ немъ ни тирана ни предателя. Онъ станетъ удивляться добрымъ ея дѣламъ, зная ихъ по благороднымъ ея поступкамъ. Онъ увидитъ, что она во многихъ отношеніяхъ достойнѣе его, и усиливающееся въ немъ почтеніе къ ней, не укоснитъ можетъ быть сдѣлать его новообращеннымъ. Но совсѣмъ противное происходитъ съ тою женщиною, которая, зная существо дѣла, вступаетъ въ запрещенный бракъ. Что не нравится Богу, то оскорбляетъ Его: а что Его оскорбляетъ, то приноситъ только несчастія. Замѣтьте притомъ, что никто изъ язычниковъ къ Христіанамъ не бываетъ такъ немилостивъ, какъ самые порочные изъ нихъ, потому что тѣ, которые сколько нибудь добро-

дѣтельны и не совершенно къ намъ враждебны, скоро обращаются къ вѣрѣ. Вотъ лучшій предлогъ къ убѣжденію, что союзъ съ язычникомъ не можетъ быть счастливымъ: діаволъ его одобряетъ, а Богъ запрещаетъ.

VIII. Если мы не уважаемъ премудрости Божіей: то обратимся по крайней мѣрѣ къ человѣческому благоразумію. Господа, соблюдающіе у себя строгое благочиніе, дозволятъ ли рабамъ своимъ жениться на постороннихъ? Они воспрепятствуютъ тому для того, чтобъ они или не развратились, или не оставили своихъ обязанностей, или не ввели въ господскій домъ чужихъ людей. Не свяжетъ ли такъ сказать сильнѣе ихъ узъ тотъ господинъ, который замѣтитъ, что они продолжаютъ учащать постороннихъ вопреки его запрещенію? Неужели же земное благочиніе превозмогать будетъ надъ небесными повелѣніями? Жена идолопоклонница, выходя за-мужъ за посторонняго, становится его рабою; но Христіанка, вступающая въ бракъ съ невѣрующимъ, дѣлается служительницею діавола. Какъ можетъ она остаться Христіанкою? Какъ ей не сознаться, что подобный бракъ запрещенъ Апостоломъ? Чему приписать сіе безуміе, какъ не слабости вѣры, всегда готовой уступить похотямъ мірскихъ радостей? Чаще всего случалось это съ благородными и богатыми женщинами, потому что имъ нуженъ пышный домъ, служащій вывѣскою ихъ честолюбія. Всѣ сіи суеты не сообразны съ духомъ Христовымъ. Въ Церкви нашей немного богатыхъ, а если и есть, то не всѣ женаты или за-мужемъ. Чтоже остается дѣлать симъ честолюбивымъ женамъ? Надобно, чтобъ онѣ непремѣнно умолили діавола дать имъ такого мужа, который бы снабдилъ ихъ великолѣпными мебелями, мулами и множествомъ рабынь для

завивки ихъ волосъ; ибо Христіанинъ, даже и богатый, вѣроятно не поддастся на всѣ такія странности. И такъ я прошу тебя обратить особое вниманіе на то, какъ поступаютъ многія жены идолопоклонницы, которыя большею частію, будучи благородны и богаты, соединяются иногда съ людьми бѣдными и низкаго происхожденія, дабы тѣмъ удобнѣе наслаждаться плодами своего сладострастія. Иныя выходятъ за-мужъ даже за своихъ отпущенниковъ или рабовъ, хотя и самые язычники считаютъ это постыднымъ дѣломъ. Впрочемъ Христіанкѣ ли обижаться и оскорбляться тѣмъ, что вступаетъ она въ бракъ съ человѣкомъ безъ состоянія, который можетъ обогатить ее своею бѣдностію? Если царствіе Божіе не принадлежитъ богатымъ: то бѣдные неминуемо должны имѣть его своимъ удѣломъ. Какое же лучшее приданое, какое бо́льшее богатство, какъ не вѣчное блаженство? Посему Христіанка должна считать себя счастливою, когда признана будетъ равною въ семъ мірѣ тому, кому въ будущемъ можетъ быть недостойна будетъ и служить.

IX. Какъ можно спрашивать, богаты ли тотъ или та, которыхъ самъ Богъ взялся надѣлить имуществомъ? Какъ описать счастія брака, совѣтуемаго Церковію, освящаемаго ея молитвами, написываемаго Ангелами на небесахъ, благословляемаго Богомъ-Отцемъ? Извѣстно, что дѣти Божіи не женятся безъ согласія отца своего. Какъ же пріятны должны быть узы, соединяющія два сердца, въ одинакой надеждѣ, въ одинакой вѣрѣ, въ одинакомъ законѣ! Они какъ дѣти одного отца, какъ рабы одного Господа: нѣтъ между ними никакого раздора или раскола ни въ душѣ ни въ тѣлѣ. Они два въ единой плоти: гдѣ плоть едина, тамъ и душа едина. Они вмѣстѣ молятся, вмѣстѣ припадаютъ на колѣна, вмѣстѣ постятся; взаимно

ободряютъ и руководятъ другъ друга. Они равны въ Церкви и въ общеніи съ Богомъ, равно дѣлятъ бѣдность и обиліе, ничего одинъ отъ другаго скрытнаго не имѣютъ, не въ тягость другъ другу, каждый изъ нихъ можетъ свободно посѣщать больныхъ и помогать нищимъ. Нѣтъ имъ стѣсненія творить милостыню, нѣтъ опасности присутствовать при совершеніи святыхъ таинъ, нѣтъ препятствій къ исполненію ежедневныхъ обязанностей, нѣтъ укрывательствъ втайнѣ креститься и произносить тихомолкомъ молитвы. Они вмѣстѣ поютъ псалмы и гимны, стараясь другъ друга превзойти въ хваленіяхъ Бога своего. Іисусъ-Христосъ радуется, видя такое ихъ домоводство, посылаетъ миръ Свой на домъ сей, и обитаетъ въ немъ вмѣстѣ съ ними: а гдѣ Онъ находится, туда не можетъ войти духъ злобы. Вотъ чему поучаетъ насъ Апостолъ. Подумай обо всемъ семъ основательно; это послужитъ тебѣ достаточною помѣхою, чтобы не слѣдовать въ семъ случаѣ примѣру извѣстныхъ женщинъ. — Вѣрующимъ не позволяется собственно вступать во вторый бракъ; если же бы и позволено имъ то было: то они не должны на сіе рѣшаться для собственной своей выгоды.

Ст. Паннахидъ

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Предувѣдомленіе.

Статья I. *Апологія* или защищеніе Христіанъ противъ язычниковъ 1
— — — II. *Посланіе* къ Скапулѣ, Африканскому Проконсулу. 106
— — — III. Объ идолопоклонствѣ 115
— — — IV. *Прещенія* противъ еретиковъ 149
— — — V. О свидѣтельствѣ души. 192

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

— — — VI. О крещеніи 3
— — — VII. О молитвѣ Господней 30
— — — VIII. О терпѣніи. 52
— — — IX. О покаяніи. 80
— — — X. О цѣломудріи. 102
— — — XI. О зрѣлищахъ. 122
— — — XII. Объ одѣяніи женщинъ 162
— — — XIII. О женскихъ украшеніяхъ. 172
— — — XIV. Посланіе къ мученикамъ. 193
— — — XV. Посланіе къ женѣ 202

ОПЕЧАТКИ:

Первой части.

Напечатано:				Читать:
Стран.		Строк.		
3	снизу	4	ѳа	за
4	—	4	свойста	свойства
12	сверху	12	имъ	имъ
16	снизу	4	но	но
18	сверху	12	презираете	презираете,
26	—	1	предпологать	предполагать
36	снизу	1	не обвинитъ	не обвинить
53	—	6	тотько	только
81	сверху	11	Прада	Правда
83	снизу	2	притивъ	противъ
88	—	6	по крайней мѣрѣ	по крайней мѣрѣ
89	сверху	10–11	безполепыхъ	безполезныхъ
90	снизу	14	и неможете	и не можете
112	сверху	11	полезнымми	полезными
118	снизу	1	значитч	значитъ
119	—	11	Господъ	Господь
128	сверху	9	получатъ	получать
129	—	9	истину	истину
147	—	6	нихъ	ихъ
175	снизу	6	плетоникъ	платоникъ

Второй части.

8	сверху	10	празванъ	призванъ
9	—	9	возрадятся	возродятся
10	снизу	7	силу Ангелъ	силу, Ангелъ
12	—	12	*на главу*	*на главу*
13	сверху	1	отличительное	отличительное
20	снизу	2–3	злочесвивые	злочестивые
23	сверху	13	пришедшый	пришедшій
71	снизу	2	сказано	сказано:
74	—	14	творить	творитъ
76	сверху	18	скороби	скорьби
126	—	10	очивидно	очевидно
178	—	4	привлеклая	привлекая
180	—	16	чувсвта	чувства
190	—	16	*украшенную*	*украшенную*